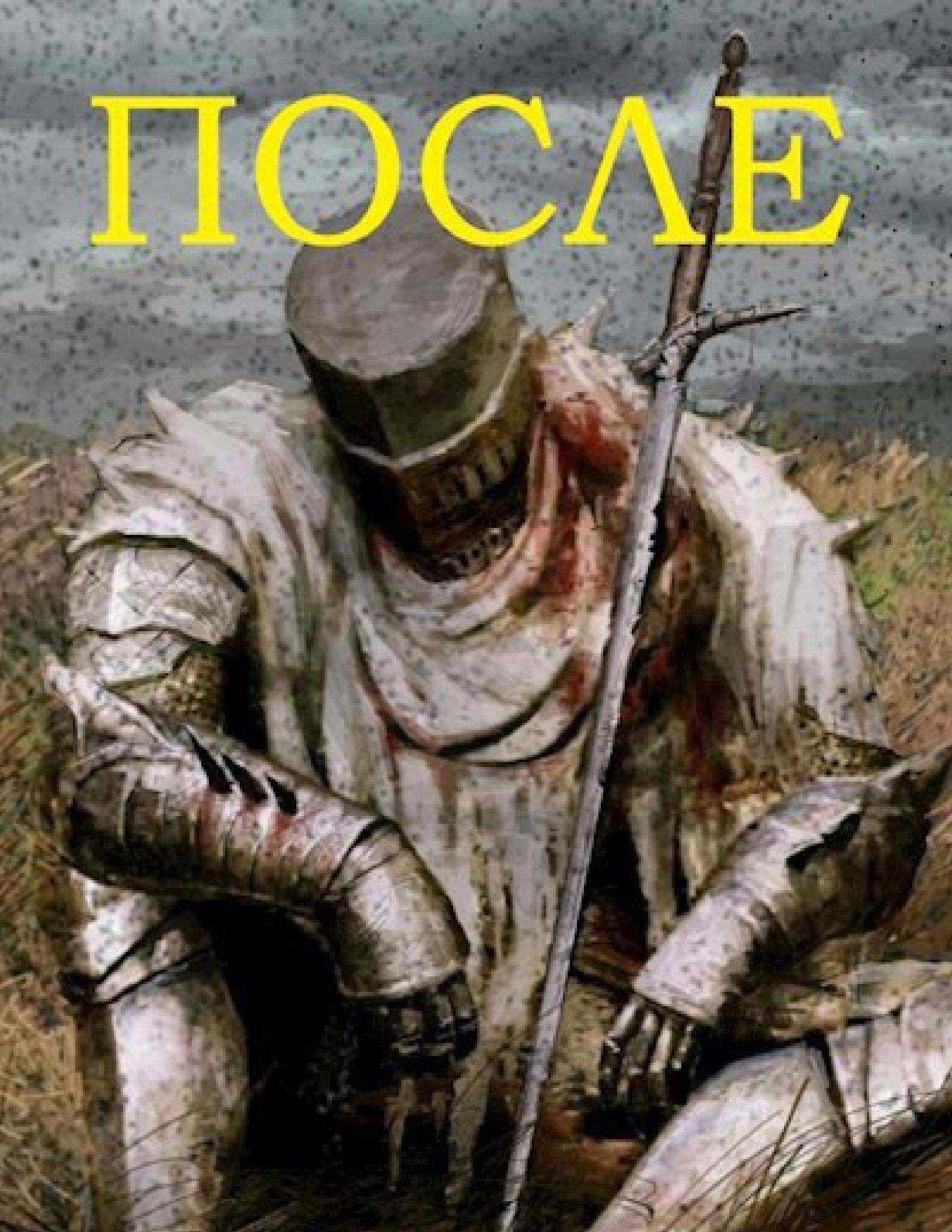


# ПОСЛЕ



Орды мерзких созданий осаждают последний город людей в этом мире. Единственный континент погружен во тьму, и только одна столица сопротивляется на своих улицах, сдерживая натиск сил зла. Цели завоевателей не ясны, но высшие существа стоящие во главе серых орд разумны и способны общаться с людьми.

Смерть поглощает все: земля высыхает, деревья умирают, птицы не поют. Но среди рыцарей, что обороняют город ещё остались те, кто верит в победу...

---

---



# Глава I. В лабиринте уныния

Мир стал войной.

Без солнца.

Земля ревела, копошились в ней трупы, как черви. Холмы кричали о смерти.

В тот день хозяин мерно шел через пустошь.

Светило растворилось в сводах мира.

Дорога из серого лабиринта дряблых скрюченных деревьев вела в море колоссальных полей.

Вечный блёклый купол исторгал дождь.

Призрачные струны спускались в поля и леса. Под небесами шторы белёсых потоков мягко скрывали местность. Бесконечные занавеси испещрили пространство.

По мокрой тропе ступал тяжело копытами вороной конь.

Склонил голову всадник, позволив воде струиться в длинных чёрных волосах, из недр его души через тёмные пряди падал взор в другое время. Не расправились плечи его. Мокли черные его одежды.

Черные ткани висели, во множестве складок преломлялась ткань. Неброские ножны покоились у бедра, в них ждал меч, не ожидающий расправы, только любования.

"Что мне теперь все дворцы? Эти небеса стального цвета теперь и есть своды моего тронного зала. Весь мир теперь наш дворец..." — и не было радости в той мысли, и на печаль не осталось силы. Все ненавидел владелец этих мыслей каждый миг, и каждое мгновение топил в бессильной злобе, подобна мертвой змее была дума его.

Вдали чернели силуэты многих острых башен, вырастающих из гребня меж вершин рассечённой горы.

Там был город.

Последний город.

Человеческий глаз ничего не увидел бы отсюда.

Но очи его отражали в себе весь мир и то, чем этот мир становился.

Печаль была зрачками этих очей.

Дождь закончился, словно разошелся занавес гигантского театра, и открылся впереди пустырь, что тянулся вдаль, медленно перетекая в подошву горы и далее в склон. И все это пространство было покрыто только камнями и выгоревшей травой, которая не оживет от дождя.

"Эти поля более никогда не будут зелёными. Кончились изумруды в этом мире, никто не напишет про то, сколько сочности в них, и как они покрываются росой, что красивее всех алмазов."

Птицы не пели.

Движения не было.

Гром.

Где-то в разломе злых небес сверкнула молния.

"Дождь прошел, мертвые успокоились."

Хозяин слез с коня, и тот рухнул грудой костей и пыли, а сам обернулся неясной черной тенью и взлетел ввысь, чтобы, промчавшись над степью и предгорьем, укрыться в своей обители.

Но сделать это он желал, не будучи одним.

Здесь, среди полей, утерявших культуру и плодородие, стоял замок. Его почерневший от огня каменный прямоугольный корпус высился над ровной поверхностью мёртвой окрестности. А по углам четырехскатной черепичной крыши злобно закруглялись каменные клыки.

"Моя летняя усадьба."

Влетев в окно-бойницу, хозяин вновь преобразовался в человеческое подобие, очутившись в аскетично обставленных покоях, где кроме тяжелой дубовой кровати не было ничего.

Из мрака теней вышла девушка, с кожей бледнее больных небес, и правильными чертами, в сочетании которых читалась игривость и нежность. Каштановые кудри, полуприкрытые серые глаза, меж которых аккуратный носик, не остренький, но округленный ровно до той степени, чтобы оставаться милым, маленькие бледные губы.

И никакого румянца...

Все эти черты хозяин разглядывал с наслаждением, ибо каждая из них пробуждала в нем мысль о том, что все это принадлежит ему.

— Я ждала, — простонала с удовольствием девушка.

Туго затянутое тёмно-зелёное платье с редким золотым шитьем подчеркивало манящий изгиб тела, имеющего сбалансированное сложение.

Это тело хозяин прижал к себе своей сильной рукой.

— Насколько сильно? — прозвучал низкий бархат голоса, лениво и почти сквозь зубы.

— Люций, — с придыханием от удовольствия, которая она получала, произнося столь желанное имя, — жаль наши тела заживляют все мгновенно, — она опустила взор на свои аристократичные ручки и злобно усмехнулась, — я изодрала себя до крови, вырывала из себя куски мяса и разбрасывала по залам, поливая кровью каждый угол... Ах... и следа нет! — и вновь подняла глаза, чтобы утонуть в своем вожделении, — За пределами спектра боли было то мучение, что я испытала, ожидая тебя здесь, — с толикой отвращения, — в этой... дыре! Жажда разрывает меня изнутри даже сейчас, когда ты так близко!

Её тело крепче прижималось к статной фигуре хозяина, лицо которого полускрыто было за ровными черными прядями.

— Ни слова больше, Табия. Летим отсюда.

Теперь двое обернулись беспросветными черными сущностями и устремились прочь из замка на север, туда, где высился последний город этого мира.

Преодолев предгорье и склон, две черные тени, напоминающие хищных птиц, сквозь первый легкий снегопад летели к возвышающемуся над одной из вершин рассеченной горы черному замку.

Тот представлял собой правильную, круглую в плане башню, со множеством громадных во всю высоту пристроек и колоссальных контрфорсов, и без каких-либо лишних деталей на ровных стенах без единого окна. Везде по краям крыш свинцовой кровли там были каменные клыки и стояли скульптуры воинов с бычьими головами, вооруженных двухлезвийными секирами; ибо первые хозяева, что построили башню, поклонялись рогатым богам древнего мира и тёмным сущностям.

Цитадель последнего города была воплощением твердости, все оружие перед этой могущественной архитектурой было ничем. Громадные формы сооружения демонстрировали силу человеческого гения.

Теперь же эта цитадель, местами поврежденная при штурме, принадлежала тёмным силам.

Стая черных ворон с глазами неестественно-красного отлива, словно рубины, пролетела над засыхающим лесом, где опали листья, и голые ветви, как покорёженные руки прокаженных взывали к небу.

И вот последнее существо, бывшее некогда свободной птицей, скрылось из виду, чтобы принести безвестие своему хозяину.

Подул морозный ветер.

И луна скрылась за тучами.

Вверх, в черное небо ночи поднялся искрящийся белый огонек.

"Стрела!"

Снаряд испускал свет, заданный ему скрытой силой разума.

Заворожёнными глазами зверя смотрел он ввысь, и желание немедля действовать хищно овладевало им, и он знал, что сейчас же должен дать ему волю, ибо пора пришла.

Чернела тьма меж стволов рощи.

— Вперёд! — скомандовал зычный голос командира.

Шумя доспехами, двинулись вперёд шеренги.

Лица обреченных, лица последних.

Их немного.

Едва тысяча...

Закованные в белую броню, округленные шлемы с т-образными прорезями, приятной легкости и вместе с тем поразительной крепости, последние воины этого мира шли одухотворенно в свой последний марш, слово океан звучал в их светлых главах, будто морской бриз ласкал их, в глазах их были потоки неизведанной нежности, словно притихшие дикие реки.

Они с мечами и щитами шагали по веткам и листьям, по мягким прогнившим стволам мертвых деревьев, пока их кованые сапоги не ступили на каменную плиту.

Пред ними была большая каменная площадка, в которой зияла тьма прохода, то были широкие ступени, уходящие вниз, съедаемые чернотой.

Когда-то давно могущественные силы скрыли этот проход, но их влияние ослабло, и теперь он стал виден, и этим необходимо было воспользоваться, пока враг не помешал этому.

Командир, сняв шлем, в позолоченных доспехах и красном плаще вышел вперёд. От всех прочих молодых воителей его отличали, словно рубленные топором черты лица, контрастные в лунном свете, и тёмные брови, при светлой гриве волос и такой же светлой бороде, в его синих глазах едва читалась обреченность, скрываемая за решимостью вести всех вперед.

— Нас ждет, — с мужественной хрипотой начал он, — последний марш. Вы все пришли сюда из разрушенных крепостей, из брошенных усадеб, люди, оставшиеся там, будут преданы смерти, если падет этот город, в который мы идем. Их всех ждет агония, какой не знала ни одна империя этого мира! Наша земля беднела и нищала, теперь пришел сильный враг, чтобы положить нации конец. Её сердце истязается его ордами. Пришло время положить этому конец... — и он добавил немного тише, — или положить свои жизни.

Затем развернулся он и пошел впереди.

Никто не жег огня, а только шли вперед за своим предводителем, который помнил дорогу наизусть и во тьме мог безошибочно преодолеть многие, знакомые ему мили.

В этом марше они шли нога в ногу, четко и неделимо.

Масса преодолевала казавшиеся бесконечными серо-охристые коридоры и залы, вырубленные в горном массиве, по краям их были массивные квадратные колонны, испещренные надписями умершего языка, но было это видно лишь вначале, когда ещё доходил тусклый свет ночи.

Спустя шесть часов непрерывного марша они подступились к винтовой лестнице, ведущей в город, что был на вершине горы, и подъем по которой занял ещё три часа; в ходе которых становилось все холоднее, а дыхание утяжелялось от непривычного возвышения.

В просторном зале сдвинулись в сторону дубовые плиты в каменном полу, из которого стали выходить один из другим воины в белых латах, пока не наводнили зал, пасмурно освещаемый из узких окон, уходящих под высокие своды каменного потолка.

Врата раскрылись, и на фоне легкой метели явились трое старцев в красных мантиях, в руках они держали большие бумажные свертки.

К ним вышли предводитель и его сотники, они вскинули вперед правые руки со сжатыми кулаки.

— Мы приветствуем тебя, префект.

— И я приветствую вас, почтенные жрецы.

Вскинутые торжественно руки опустились.

— Ты пришел, префект Стратоник, — властным тоном констатировал старец в центре, что был выше других.

— Откликнулся на ваш зов, — учтиво поклонился предводитель.

— Это все, что ты привел? — старец сощурил глаза.

Подойдя ближе, предводитель держал ответ:

— Земля истерзана, я собрал старых и молодых, это последние люди, больше не будет, — и добавил совсем тихо, — Мы обрекли на смерть всех, кто остался в низинах, чтобы спасти нашу столицу.

Старец сделал знак рукой:

— Передайте карты командирам.

Двое других в мантиях прошли к воинам и передали свертки, те раскрыли их.

Беседующие отошли в сторону, пропустив отряды, выходящие на улицу и продолжающие появляться из прохода в полу, чтобы прибыть в указанные им общим планом подразделения.

Предводитель вглядывался в знакомые черты: точенное властное лицо старца, орлиный нос, холодные голубые глаза, седая длинная борода, из-под которой не видно было рта, сохранявшие черноту грозные брови, высокий лоб.

Повисли величественно складки красной ткани:

— При текущей интенсивности боёв, наша армия потеряет боеспособность через два месяца. Вопрос, что произойдет быстрее, они возьмут важнейшие узлы нашей обороны, или мы истратим всю живую силу. И ты привел всего лишь горстку людей...

— Протелеон! Их было больше, — Стратоник опустил взор на свои руки, голос его стал более хриплым, в нем выражалось непонимание, — я вел их секретной тропой, лучники леса хранили тайну нашего марша, отстреливая воронов. Но земля уже давно ничего не дает, а пламя было запретно для нас, потому что их глаза повсюду. Голод, холод и сырость забрали

половину моих людей. Мы шли беспрерывно. Они там лежат, в лесах. Я делал все, что мог, но не спас и половины... и половины!

— Быть по сему. Их не вернешь, Стратоник, — старец грустно посмотрел в сторону, во круг глаз его возникли мириады скорбных морщинок, потом он снова сосредоточился на предводителе.

— Воины наш доблестный щит, обещаю тебе, мы отвагой удвоим наше присутствие, верь мне!

— Я больше не верю, — твердо низким басом произнес старец, — и поражаюсь тому, как ты сохранил эту привычку, хотя в последнее время только верой и можно сберечь рассудок.

— Ещё не все потеряно, ведь так!? — с рвением и придыханием выпалил предводитель.

— Да, в древних свитках, в глубинах наших библиотек, мы нашли многие древние заклинания, которые записали наши основатели. Мы восстанавливаем утраченное, и когда мы закончим, то со всей силой ударим по врагу. Он узнает, на что способен разум человека, чтобы выжить.

— Раздавим их! — ревностно вторил Стратоник, округлив покрасневшие глаза.

— Ладно. Ступай, отдохни...

В речь предводителя вернулось обреченное спокойствие:

— Протелеон, до встречи.

Выйдя на улицу со шлемом в руках, Стратоник очутился на небольшой площади, окруженной плотной возвышенной застройкой серого кирпича.

Вдоль стен выступали рёбра полуколонн без украшений, а в узких окнах были мутные стёкла.

С переднего незастроенного края площади открывался вид на город, что был вытянут меж рассеченных вершин горы узкими раздробленными кварталами вдаль, весь испещренный ущельями, до противоположного пика, где чернела цитадель, обожженная пламенем драконов. Ниже по склону у края снежных склонов располагались одинокие кварталы, что соединялись между собой узкими виадуками.

Не кончался шепот белых ветров.

Мороз.

Шквал снежных вихрей.

Смягчались резкие черты господствующих башен.

Внизу их окружали приземистые правильные корпуса, беззвучные ровные стены которых четко и строго делили пространство, их окна и двери прикрыты железными решётками на тяжелых замках. Черепичные крыши с острым углом скатов были покрыты снегом.

Контрфорсы.

Лабиринты каменных рёбер со шпильями, и своды меж них.

Улицы и переходы, мощенные камнями, украшенные множеством идеально ровных мраморных колонн и всевозможных гранитных обелисков, соединяли небольшие площади, в центре которых стояли колоссальные кварцитовые столбы, хранившие историю города в письменах, коими были изрезаны.

В этих бесцветных кварталах царила строгость, там властвовали камень и железо.

Таков был город мудрецов, главным узором которого была кирпичная кладка.

Но вот метель стихла.



По небу расплылось тусклым пятном солнце.

И по обе руки от рассеченной вершины открылся вид на этот мир.

По левую подошва горы переходила в предгорья и дальше в погибающие пожухлые равнины, в далёкое море уныния и покинутости.

По правую руку склон стремился в черные воды океана.

Восхищение видом, казалось бы, всего мира, переполнило Стратоника, и он очнулся, лишь когда солнце вновь скрылось за снежными вихрями. Он развернулся и ускоренным шагом направился по узким лестницам и переулкам к одному из высоких домов. Колоннады и обелиски здесь были на каждом шагу, но не было людей, только изредка пробегал отряд воинов.

В небесах мелькали крупные черные тени.

"Драконы..."

Ускорив шаг, предводитель пронесся по последней длинной алее из мраморных арок, в конце которой был виадук, ведущий к массивному строению, основание коего выросло из выступа на крутом склоне, уходящем в бушующие воды.

То был крупный прямоугольный корпус, окруженный широкой кирпичной террасой и колоннадой по всему периметру. Здесь дежурили воины и стояли грозные баллисты, направленные во враждебное небо.

"Дом. Это дом! И я здесь. Наконец-то..."

Поднявшись по коротким, но широким ступеням, раскинувшимся во всю южную сторону дома, Стратоник открыл крупные деревянные ворота и очутился в просторном зале, где внутри вдоль стены также были колонны, и всюду здесь горели жаровни. После морозной улицы тепло приятно обволакивало. В воздухе слышался запах готовящейся еды, и в ней не было мяса...

"Запасы наши на исходе..."

Среди огней и камня явилась девушка, одетая в тёмно-синюю столу с рукавами, миловидное её лицо обрамлял белый платок. В этом лике была чистота, мягкость черт при тонких губах и едва заметной улыбке, но больших искрящихся карих глазах.

Тихий возглас:

— Ты вернулся.

Вдох.

Его пронизывала, словно окутывая коридором света, звенящая нежность, как смех детей и лепестки целого леса, такого, что застал ещё мир цветущим при жизни. Стратоник, после многих миль пота и крови, позволил себе раствориться в этом ощущении, и волна его чувств не отошла обратно в море.

Пристальный взгляд сопровождал мерный тёплый возглас:

— Психея!

Выдох.

Двое медленно подошли друг к другу и резко сцепились в объятиях, что было на них не похоже.

Где-то пробежала домашняя прислуга.

Стратоник едва отступился и сосредоточенно-нежным взглянул на девушку, чьи руки обвили его шею.

— Ты цел, нет ли у тебя ран?

— Только в душе, — потупив взор, — в ней зияет огромная рана, которая не успеет

зажить, от того, что я вскоре снова должен буду уйти.

— Но ведь теперь ты в городе. Ты голоден?

— Только боги знают как долго ещё мы будем сопротивляться. Уже...

— Не говори так! — перебила с грустью и страхом девушка.

— Психея, уже последние резервы я привел сюда, снабжения нет, мы скоро потеряем боеспособность.

— Я не разбираюсь в военных терминах, — растеряно произнесла девушка.

— Это не важно. — Голос предводителя стал серьёзным, — Знай, мы может быть последние недели живем с тобою здесь, в этом жилище, полном роскоши и уюта. Быть может, Башня падет, и тогда нам придется бежать в горы и скрываться в пещерах, питаться дичью, но кто знает, как скоро и там нас настигнут драконы.

— Мне не ведома эта война, Стратоник, обещай мне только, что вернешься, чтобы не случилось там, в сражении.

Недолгая пауза.

— Я вернусь. Обещаю, — после этих слов, сопровождаемых легкой улыбкой, предводитель почувствовал, как его лицо источает благородство и ему это понравилось.

Послышался звонкий колокольчик.

Вошла слуга, девочка-подросток:

— Завтрак готов, госпожа.

Пара удалилась в соседний зал для трапезы.

---

Лучи света проникли в спальню из окна против кровати, ставни которого рано утром были открыты. В мягком приглушенном солнце купались Стратоник и Психея, сидя на краю ложа и наслаждаясь тишиной.

Перед ними стоял небольшой столик.

Вошла прислужница с яствами, одетая в серую тунику с рукавами.

"Слабый подбородок, длинный прямой нос, россыпь веснушек, выраженные скулы, и... рыжие волосы. Хм-м... Мой вкус!"

— Сколько тебе лет, дитя? — добродушно спросил предводитель.

— Четырнадцать, господин, — глядя в пол, почти шепотом.

— Психея, — Стратоник запнулся, — если ты позволишь...

Девушка напрягла черты лица в попытке скрыть отвращение.

— Конечно. Ты, — обращаясь к прислуживающей девочке, — встань на колени и доставь господину удовольствие.

Беспрекословно подросток встала на колени перед ложем, развязала шнуровку на штанах и, припав губами к горячей желанием плоти, сперва помедлила, посмотрев в глаза, а затем стала ритмично двигать головой, поглощая всю томившуюся прежде энергию, до тех пор, пока процесс не достиг апогея наслаждения.

— Глотай, — жёстко приказал предводитель.

Горло девочки несколько раз судорожно приняло испускаемую жизнь.

Рукой Психея ласково погладила по голове прислужницу.

— Умница, я одарю тебя золотыми украшениями.

— Это великая честь для меня, госпожа, — быстро и бесцветно выговорила девочка, не поднимая глаз, в которых блестела роса слез.

— Психея, я люблю тебя, — Стратоник положил ей руку на шею и стал слегка

поглаживать.

— И я люблю тебя, — сияли карии глаза.

В этот день предводитель шел на передовую в самом приподнятом, что ни на есть боевом, духе, и бодрость переполняла каждый его мускул, а улыбка не спадала с преисполненного гордостью лица, в нем стали прорисовываться нотки самодовольства, утраченные ранее в аврале организаторской работы.

Он ушел по коридору из золотых лучей оживающей зари, в голове его звучали пульсирующие барабаны, и он грелся взглядом девушки, что провожала его своей душой и спусть многие кварталы.

Предводителя сопровождал десяток белых воинов в красных плащах, вооруженных полоторными мечами.

Но подходя к краю центрального района, где располагалось здание военного совета, Стратоник все больше мрачнел.

Здесь везде сновали рабочие в стёганках и железных шляпках, возводящие баррикады из камней и досок, они поднимали плитку и укладывали ровными рядами, переносили раненных, перевозили на повозках припасы.

Слышались команды, крики, ругань.

Где-то вдали раздавался рог.

"Команда к отходу, плохо..."

Полуразрушенный восьмигранный бастион, с косыми стенами, усеянный на верху ровными рядами бойниц. Крыши и верхних двух из шести этажей не были в целости. Ежедневно в бастион прилетали снаряды вражеских осадных машин, он пережил несколько пожаров и нападение драконов; так что на верху его располагались баллисты и гигантский рычажный метательный механизм, ведущий дено и ношно ответную стрельбу.

Застывшие в плавлении камни, осколки стен, кричали своим видом об ужасающем пламени.

Кинув взгляд на черные руины, предводитель вдохнул глубже.

Сощурив пристальный взор в никуда, Стратоник зашевелил губами.

"Боги, услышьте меня. Дайте мне сил одержать победу в этом сражении, я посвящу её вам, дайте мне сохранить моих воинов, они живут, чтобы славить ваши имена, о, бессмертные боги!"

Кончив своё внутреннее воззвание, он ускоренной походкой вошел, сопровождаемый воинами, через врата, что открыли пред ним стражники поспешно.

Внутри пришлось пронестись по узким лестницам и тёмным коридорам.

— Префект Стратоник! — воскликнули седые генералы в черных поддоспешниках, когда предводитель вошел в просторный круглый зал, где в центре стоял стол.

Кинув вперёд руку со сжатым кулаком, вошедший ответствовал:

— Приветствую всех. Я здесь ненадолго, лишь должен ознакомиться с ситуацией по поручению верховного жреца.

На карте, что раскинута на столе схема города: три больших района в ряд соединялись двумя широкими мостами между собой и ещё лестницами с библиотекой на востоке и с цитаделью на западе; улицы шли в неровном шахматном порядке, упираясь друг в друга, начинаясь и заканчиваясь меж нескольких кварталов; небольшие скопления кварталов располагались на отдельных фундаментах, соединенных мостами; на севере и на юге ниже по склону на выступах располагались более мелкие кварталы, соединенные виадуками.

Крупная надпись на карте: "Город всех людей Башня".

— Ситуация тяжелая, — начал один из генералов.

Префект посмотрел на заговорившего, то был статный муж со слегка выдающейся вперед челюстью и развитыми надбровными дугами, ровным носом. Стратоника встретил целеустремленный взгляд зелёных глаз. Во всем лице генерала была задорная простота и мужественность.

— Продолжай Таврион, раскрой мне сущность наших дел.

— Внемли мне, Стратоник. Враг ведет наступление везде. Они двигаются крупными колоннами по трём улицам, — он указал на несколько длинных переходов в западном районе, — сейчас мы обстреливаем зажигательными снарядами эти кварталы, чтобы успели отступить наши последние силы из этого района, мы теряем много людей от драконьих налётов на мосты, сейчас мы решаем эту проблему тем, что отряды переходят по подземным канализационным каналам. Мощное наступление нелюдей прервало наши контрудары на окраинах, мы хотели зажать их в тиски, но ныне вынуждены бежать.

"Все не так уж и плохо."

Послышался прилет каменного снаряда.

Где-то раздались крики.

В небесах пронзительно закричал дракон, как стая умирающих орлов.

После недолгой паузы, Стратоник спросил:

— Мы сохраняем организованность?

— Да, — Речь генерала была уверенной и чеканной, — и, хотя линия фронта сейчас размыта ввиду нашего отступления из всего западного района, наши отряды отходят организованно, изматывая врага арьергардными стычками, непрекращающимися обстрелами и поджогами.

"Пока мы не бежим, есть время что-либо предпринять. Надеюсь, Протелеон обрадует меня чем-то невероятным, потому что сейчас ничто вообще не обещает хоть чего-то похожего на победу."

— Каковы наши силы и наши потери?

— Сейчас, с твоим подкреплением, наше воинство приблизилось к десяти тысячам солдат. Мы теряем убитыми и ранеными сотню человек каждый день. Но тактика улучшается каждый день, как и мастерство наших командиров, поэтому потери сокращаются.

"Хотя бы это радует. Мы крепчаем!" — с радостью подумал Стратоник и его глаза обрели разумную улыбку.

Мысли бегали от радости к отчаянию.

— Что говорит разведка, Лимний?

Вперед подался худощавый старец в тунике и черном плаще с бодрым здоровым цветом круглого лица, на котором один глаз был сильно сощурен; он провел рукой по пышной белой бороде и глядя сосредоточенно сквозь пространство начал говорить:

— Непрестанно враг пребывает в наш предел. По горным дорогам он ведет колонны свои. Сегодня на несколько тысяч он больше нас числом, но трёхтысячный отряд в семи днях пути уже отсюда. Долго мы не сможем сдерживать эту мощь. Мои глаза и уши, что рыщут тайными тропами излавливаются драконами, их истерзанные трупы находят на перекрестках. Скоро туманом станет весь мир для нас. Мой последний разведчик бежит из града на юге, что жители звали Стремительным. В своем послании он описывает

собирающиеся там бесчисленные орды. Десять тысяч нелюдей ждут там команды, чтобы выступить в поход.

— Мне ясно теперь, гибель наша неминуема...

— Префект Стратоник! — воскликнул Таврион, — ты думаешь я сижу над этой картой день и ночь для того, чтобы проиграть главную войну своей жизни? — и при этих словах генерал ухмыльнулся.

И от этой ухмылки Стратоника пробрало горячей и бодрой радостью, в голове его возник образ возвышающихся красных штандартов, и он улыбнулся в ответ.

— Я доложу верховному обстановку. Посмотрим, какое решение он вынесет.

— Обрадуй нас, — молвил Лимний, — его мудрым ответом.

После чего префект развернулся и покинул зал, где тихо стали переговариваться меж собой генералы.

Выйдя на улицу, он вновь окунулся в суматоху города, превращающегося в военный лагерь.

В небе появились столбы черного дыма.

Мимо легко пробежался конь, несущий мёртвого всадника, с множеством стрел, торчащих из спины.

В воздухе повеяло пожаром...

"Они сделали это. Но долго пожара не будет. Видимо горит нефть или масло, в этом граде камня и железа гореть нечему."

Стратоник пошел, сопровождаемый воинами, обратно на восток. Остановившись перед проходящей колонной воинов, он поднял глаза вверх и увидел библиотеку.

Гигантская башня, каждый из множества этажей которой был окружен белой колоннадой, меж колон притягивали солнечный свет прекрасные бронзовые скульптуры атлетов с разнообразными снарядами в руках, принявших позы, наиболее ярко отражающие красоту человеческого тела. Наверху башни сиял гигантский золоченный купол.

Но вот колонна прошла, и предводитель ринулся вперед.

Петляя по узким улицам и аллеям, а затем перейдя по большому мосту, он очутился в восточном районе. На границе его от небольшой площадки вели вверх три длинных узких, шириною с одну повозку, виадука над пропастью, ажурными арками соединяя её с библиотечной площадью, за которой шла широкая лестница. И пройдя через все, он взошел к расположенным меж могучих кирпичных выступов солидным дубовым вратам библиотеки, укрепленными золотыми пластинами.

Вверх устремлялся колоссальный округлый корпус, задрав голову можно было видеть, как он сокрушает величие любой отдельной личности своей высотой и шириной, выше во много раз любой башни, что стояла над домами своего квартала, Библиотека господствовала над всем городом, меряясь своей важностью с Цитаделью.

Ворота раскрылись, и Стратоник во главе своей охраны проник в огромный зал первого уровня, где царил тишина.

Величественная пустота, обрамленная книжными шкапами, что располагались в арочных углублениях стен. На потолке сходились длинные каменные своды, берущие начало в мраморных колоннах с капителями в виде тяжелых свитков, из-под которых распускаются серебряные бутоны цветов, рифленые стержни их обвиты золотыми лианами, пьедесталами их были идеальные гранитные кубы. Потолок был расписан сценами из походов богов, прекрасными небесными эпизодами, где обнаженные человеческие фигуры представляли в

немыслимом физическом напряжении. В центре сходились на гранитном полу лучи света от круглых окон, расположенных полукругом с западной стороны, в тех лучах витала легкая благая пыль. В стенах выше шкафов были выступы и резные узоры, заполненные золотом и серебром.

Здесь ощущалась культура нации.

От величия, пронизывающего как искрящийся бархатный дождь, Стратоник испытал удовольствие такое, что ему с трудом удалось сдержать слёзы счастья. Художники, создавшие этот зал, сыграли на струнах его души, словно перебрали струны арфы, хотелось раствориться в увиденном, утонуть, каждая деталь приводила в восторг и инкрустировалась в душу, как драгоценный камень.

"Я знаю, за что сражаюсь. Вот она, наша культура. Мы создали это. Они могут убить нас всех и разрушить наши города. Но они никогда не уничтожат нашу культуру! Если мы создали это однажды, значит мы заслуживаем того, чтобы выжить."

Префект знал, что мог открыть здесь любую книгу и погрузится в бесконечную мудрость своего народа, это знание возвышало его.

Но нужно было идти.

— Мои соратники, — ласково вывел он из почтенного трепета своих воинов, — я должен идти к верховному жрецу. А вы ждите меня здесь.

— Да, префект, — ответил старший из воинов.

В тишине рябью расходились звуки быстрой ходьбы по отполированному камню.

Против входа было лестница, что расходилась в стороны внутри стены и обвивала первый уровень, чтобы соединиться на втором, где против входа была такая же лестница на третий.

Так он дошел до вершины, пропустив другие книжные залы, где бродили мудрецы в пёстрых мантиях, изучая свитки и бормоча заклинания.

На последнем этаже располагалась обсерватория, там не было стен, купол, расписанный под звездную карту этого полушария, подпирали только гигантские красные колонны на белых пьедесталах. Здесь стояли различные приборы, крупные железные сферы, макеты планетарной системы, большие столы, заваленные различными картами, свитками и фолиантами, а по краям были установлены разнообразные подзорные трубы.

В гигантских ажурных жаровнях пылали костры.

Несмотря на невероятную высоту, здесь было тепло и легко дышалось.

Воздух искрился.

"Магия..." — недоверчиво подумал Стратоник, увидев Протелеона, одетого в пурпурную тогу с золотым шитьем поверх белоснежной туники.

— Префект Стратоник! — воскликнул приветственно жрец, перестав возиться с одной из труб.

В ответ префект ненадолго вскинул руку со сжатым кулаком:

— Верховный жрец Протелеон!

— Оставим официоз, милый Стратоник, подойди сюда, испей вина, — с этими словами старец наполнил серебряный кубок вином и протянул приближающемуся префекту.

Кубок был взят из рук и испит до дна.

Пряная сладость с нотками уходящей осени во рту.

Свежесть.

— Ещё не скоро ты вновь выпьешь такого.

— Предвкушаю, — сухо ответил Стратоник.

— Расскажи мне, как обстоят дела в городе. Я слишком занят, чтобы заниматься проблемами войска.

— Мы потеряли западный район.

По лицу старца пробежала тень, глаза его сощурились и стали глубокими, как два пруда в ночи.

— Враг теснит нас там, его орды прибывают, и новые собираются на юге. Нелюди кратно превосходят нас числом, а наши потери таковы, что через три месяца у нас не останется сил для того, чтобы удерживать город, наша армия к этому моменту сократится в десять раз и этого едва хватит, чтобы удерживать библиотеку какое-то время.

Пауза.

Верховный жрец мрачно размышлял. Его черные брови надвинулись. Он смотрел в потолок, потом поднял свой взгляд вдаль, отправив его с крыши мира в никуда.

Облизнув губы, после долгого молчания, изрек:

— Иного пути нет.

— Протелеон, о каком пути говоришь ты? — напряженно проговорил префект.

— Об ужасном, — старец подошел к большому письменному столу и, севши за него, взяв перо в руки, стал быстро набрасывать приказ, — ты отнесешь это донесение в ставку и отдашь Тавриону, дабы он исполнил. Но решающую роль я отведу тебе, Стратоник.

— Мне?

Ветра здесь не было, несмотря на их пребывание на крыше мира.

Пламя в жаровнях стало тревожным.

— Да, — приказ был закончен, теперь старец сворачивал его и нагревал воск, — и ты должен будешь сыграть её в ближайшее время. Собери своих лучших мечников. Мне необходимо, чтобы по завершению отступления из западного района, ты спустился в катакомбы и нашел священный зал близ опоры моста. Как префект, ты имеешь право войти в это помещение. Там есть рычаг, запускающий механизм разрушения моста, заложенный в него ещё при строительстве, — Он сделал паузу, — Я уверен... тот, кто проектировал этот мост, не мог и подумать, что придется использовать этот механизм.

— Такой механизм существует!? — с изумлением вопрошал Стратоник.

— Да! — бодро усмехнулся Протелеон, — Человеческий гений инженерной мысли оказался способен на такое.

— Это великолепно, — прозвучал ответ с гордой ухмылкой, — само-разрушающийся мост! Но почему нельзя было окружить районы стенами, как в Стремительном, и сделать укрепленные ворота с подъёмным мостом?

— Никто не предполагал из строителей этого города, что его вообще будут когда-либо штурмовать. В горах и без того хватает естественных средств защиты. Горы и есть наша крепость. Так думали основатели города. Механизм же, о котором я тебе поведал, был великой интеллектуальной забавой инженера, кажется того мужа звали Гликерий... он вроде до сих пор жив, поразительно...

— Хорошо. Протелеон. Я понял тебя. Разреши мне сейчас же отправиться туда, пока наши войска ещё занимают ту часть подземелья.

— Ступай, префект Стратоник! — торжественно произнес жрец, — Защити наш город!

---

В ночи город был заполнен огнями.

Горели жаровни и костры.

Патрули сновали по улицам.

Метель утихла.

Настала леденящая звездная ночь.

Суматоха отступления не прекращалась. Но вот уже последние отряды покидали утерянный район города, где происходили беспрерывные кровавые стычки.

Человекоподобные твари в кольчугах и воронённых уродливых доспехах клокоча своими пастями, из тьмы они рвались, как единая мрачная сущность, словно воплощенная ненависть, бросались они стаями на доблестных рыцарей.

Сверкали мечи!

Лязг.

Вопли.

Стоны.

Кровь.

Была ключом кровь, красная людская и черная иная, и, смешиваясь, заливала холодную плитку улиц.

Мороз добивал раненных.

Раны и предсмертный шок согревали в последний раз.

Они ползли, уже мертвые тела, не осознавая свою кончину, плача, искали спасения, пока покорёженные серые лапы срывали с них доспехи и рвали тела, кромсали и резали плоть, разбрасывали потроха по улице и топтали их, а затем пожирали, смакуя чужую боль в каждом жадно проглоченном куске.

Не огни горели в надвигающейся по улицам тьме, а красные глаза нелюдей.

Воины отправляли туда стрелы.

Беспрерывно летели снаряды, там и тут пылали огни пожара, горели тела, усеянные стрелами.

Камень горел.

В небесах парили черные драконы.

Безветрие, тишина...

Крупная луна высоко.

Тяжелые бои продолжались в городе.

Тем временем в подземелье решалась судьба данного этапа сражения.

Внизу, развеивая факелами черноту кирпичных тоннелей шли воины с вытянутыми треугольными щитами, окованными по краям, и держа мечи на изготовку. Шумела сталь полных белых лат.

Здесь был просторный проход шириной в несколько повозок, вдоль стен были колонны.

Везде скала, в ней все это вырезано.

— Кто идет!? — крикнул храмовый стражник в полном доспехе и черной накидке с золотым изображением быка, крепко сжав свою секиру, за ним встали на изготовку ещё с десятков таких же.

Но Стратоник твердо шагал, не сбавляя скорости, держа на лице грозный официоз.

— Я Стратоник, префект воинства Башни! — зычно озвучивал он своё звание, и затем добавил тише и серьезнее, — открой мне эти ворота, ради нашего города.

— Слушаюсь, префект! — выпалил стражник, узнавший старшего по званию.

Двое подошли к прямоугольным дверям и ключами вскрыли тяжелый висячий замок.



После чего постучали по дереву. Внутри раздался такой же ритмичный стук. Послышался засов.

Врата раскрылись.

И темнота внутри не развеялась светом пламени, а стояла как субстанция. Оттуда шел дым, а по полу растекался плотный серый туман.

Напряжение сковало все тело Стратоника.

Воины подняли щиты и выставили клинки.

Что-то внутри зашипело, затем зарычало.

И во тьме загорелись красные огоньки, как тлеющие угли, раздуваемые порывом воздуха. То были иные глаза.

Раздался низкий басистый смех, в котором смешались многие голоса, но то был смех одного лишь существа. Огромное жирное складчатое пузо показалось впереди, а за ним мускулистые руки, каждая держала по широкому тесаку грубой работы, покрытому ржавчиной, зазубринами и царапинами.

Черная магма отвращения, перемешанная с раскаленной злобой и скользким щекотным страхом, разливалась по телу Стратоника, напрягая все его мышцы, кривя лицо гневной гримасой.

— Мерзкая тварь! — крикнул префект.

Снова послышался смех.

И на свет явилось все тело здоровяка с двумя тесаками. То, что было когда-то человеческим лицом заплыло жиром до неузнаваемости и выражало открытой пастью нечто походящее на улыбку, в глубине бугрящихся меж лоснящихся опухолей горели те самые красные угли глаз иного мира.

Прикрывшись круглым деревянным щитом, Префект стал подступаться.

Недолго думая, махина ринулась на Стратоника, и чуть не сбила его с ног, навалившись всем телом на щит; со сторон она рубила тесаками по латам, высекая искры. Колоссальная туша подавляла все силы человеческого тела. Воинственность угасала, когда в последний момент в мышцах разгорелось вновь пламя борьбы.

Наконец тварь уперлась кулаками в щит и мощным рывком отбросила человека так, что тот упал на воинов, но те подхватили, дав ему упасть.

В глазах расцвела чёрная роза забытия, голову сдавило...

С двух сторон стражники бросились, но после колющих ударов их клинки глубоко утонули в жирной плоти, а самих их монстр оглушил ударами тесаков по шлемам, отбросив в стороны.

К этому времени Стратоник пришел в себя и вновь ринулся в бой, уперев щит в огромное пузо.

Вырывая из глубин всю свою мощь, Стратоник уперся одной ногой в пол и, сделав резкий толчок, начал теснить тварь, нанося ей страшные удары мечом наотмашь, срезая целые пласты мяса, и наконец отпихнул тварь так, что та попятилась назад. И потом с воинственным воплем на устах он сделал выпад и рассек пузо сверху вниз, из того полилась вязкая черная кровь, в ней плавали гниющие потроха, в которых копошилось изобилие жирных белых личинок.

— В атаку! — скомандовал префект.

И воины ринулись и стали рубить жирного монстра. Работая, как единый станок, они изрубили его на куски, сильные руки с тесаками были отсечены в мгновения, а тело

раскромсано на куски, они толпились в потрохах, давя личинок и продолжая колоть и резать ненавистную плоть.

— Ладно, хватит! — крикнул Стратоник, останавливая своих воинов, пришедших в ярость от мерзости увиденного.

— Он пожрал наших соратников, сука! — выпалил навзрыд один из стражников.

Префект взял у воина факел и направился к дверям:

— Не время для стенаний, пора опустить рычаг и закончить эту битву.

Теперь темнота растаяла, и взору открылся круглый в плане зал, с ровным потолком и поверхностями, испещренными письменами. Против входа в стене красовался чистый железный рычаг.

И как только Стратоник сделал первые шаги в направлении к своей цели, ворота за ним резко захлопнулись.

В коридоре грянул шум ломающегося железа и рвущихся тел.

Короткие крики боли.

Тишина.

— Что это!?

Факел потух.

---

В залитой утренним светом спальне на постели полулежала Психея, сжимая в руках чужие рыжие пряди меж своих бёдер. Закрыв глаза, она ярко наслаждалась, ощущая как по телу растекается лава счастья.

Где-то вдали раскрылись двери.

Загремели латные ботинки.

Резко отпрянула прислужница и бросилась в страхе и смущении надевать свою стóлу и приводить в порядок свои растрепавшиеся волосы, горевшие алым в прямых лучах зари.

В покои вошел один из командиров в сияющих полных белых латах и белом плаще, сняв шлем с красным хвостом, он сухо известил:

— Префект войска Стратоник пал в бою.

— Мой муж Стратоник?! — воздух кончился.

— Мне жаль, — последовал все такой же сухой ответ.

Командир развернулся и ушел.

Психея, вскочив тут же пала на колени, лицо её скривила боль.

Крик.

Дом заполнился самыми черными рыданиями.

Подобно тому, как иссыхает река, эмоции испарились, и в одно мгновение душа Психеи умерла.

В полубреду она вышла на террасу перед домом и увидела выстроившийся на улице отряд. Мрачные лица воинов. Бой барабанов стих. Подняли чёрный штандарт. Это была личная охрана префекта.

— Клянемся, — зазвучал хор молодых мужественных голосов, — мстить до последнего дыхания, пока не будут истреблены нелюди!

Командир вскинул руку с сжатым кулаком.

И весь строй ответил вскинутыми руками.

— Знамя выше, святые воины Башни! За наш город!

Ответ хором:

— За наш город!

Текли слёзы на молодых лицах.

Где-то среди колонн стоял полу-мрачный Таврион и тихо смотрел.

Покрасневшие глаза Психеи потухли, она скрылась в глубине дома.

---

— Она не плоха.

— Да.

— Тебе нравится?

— Да, но ты лучше.

В просторные покои из черного кирпича через длинную вертикальную пробоину в стене проникал серый свет дня, мягко окрашивая все.

Свет ностальгии по прошедшей битве. Солнце печалилось о том, что уходило. Души мёртвых пылинками поднимались по лучам.

Пожары медленно утихали.

В городе наступило затишье.

В углу комнаты сидела девушка над трупом своей сверстницы, доставала из вспоротого живота внутренности и тихо ела их. Одежда на мертвой была цела, но залита кровью, и с багровых пятен на стене бежали полоски, и алые лужи растекались по каменной плитке пола, а в них шевелилось отражение.

Пара стояла в стороне и наблюдали.

— Мило.

Прикоснувшись пальцами к подбородку Табии, Люций повернул её лицо к себе.

Поцелуй.

Пошел снег.

Убрав каштановые кудри, закрывшие лоб, Табия протяжно и томно произнесла:

— Мне кажется, наша связь угасает.

— Наша связь вечна, — Люций сощурился глазами посмотрел на свет, его тонкие губы дернулись искривленно, — мы не прервем её, даже если захотим.

— Это звучит, — Табия прильнула всем телом и приоткрыла губы, — зловеще.

Наступило молчание.

Тишину нарушали лишь звуки пожирания плоти.

Но вскоре девочка слышала давящую каменную тишь и, скривив лицо в смущении и страхе, встала и побежала прочь.

Напряжение крепло в лучах солнца, что стали ярче, будто раскаляясь от сгущающегося гнева двух существ, стремившихся в своем единении к одиночеству, падая друг от друга.

Когда последние торопливые шажки растворились где-то в глубине, Люций продолжил:

— Мне нужно идти, — подошел к пробоине и бросил через плечо, — Я покину тебя лишь ненадолго.

— Постой, Люций, я хотела ещё тебя спросить...

— Разговор исчерпан! — гневно, а затем тише и с толикой нежности, — мне немного больно это говорить.

— Ты обижен чем-то?

Последовал ответ сухой, как пустошь:

— Нет.

— Но я чувствую это в твоих словах, ты раздражен, Люций, дай мне знать, — она

подошла и обвила шею руками сзади, вновь прильнув всем своим телом, — чем прогневала?

— Мне нечего тебе сказать, — ответил он все также сухо.

— Люций! Прошу, не уходи. Будь здесь. Люций, говори со мной! — она попыталась развернуть крепкое тело к себе, но тщетно.

— Мне приятнее молчать с тобой.

— Люций, умоляю!

— Я вернусь.

Молчание.

Табия надломилась, она тихо и с хрипотой заговорила:

— Я буду лить кровавые слезы. И ты утонишь в них, когда вернешься.

— Если вернусь, — отрезал Люций, после чего одной рукой он отбросил Табию, та упала на пол.

Сунув руку в щель, он вырвал ещё один обломок и пролез в никуда, где-то в падении обернувшись черной крылатой тенью, улетел прочь.

Болезненное лицо Табии затряслось в судорогах. Встав на колени, она закатила глаза, и из них потекла багровая кровь.

Ещё не было ничего...

Эмоции настигнут потом.

Табия знала, что страдание придет позже.

И с ужасом ждала, когда шок пройдет, и она падет в пучину холода, куда будет падать её сознание, разбиваясь об острые скалы боли, и не за что будет зацепиться в этом стремительном падении.

---

— Однажды я закрою этот мир от света солнца.

Люций, закутавшись в черный плащ и натянув капюшон, сидел на берегу озера из крови.

Это было в холодном и сухом предгорье, где посреди трупов двух десятков, лежащих на жухлой вымершей траве, зияло небольшое озеро из крови мёртвых.

То был один из последних отрядов, решивших пробиться в город своими силами.

"Всех их я убил. Все их души я пожрал. Но ничего не чувствую больше."

— Гедонизм... — протянув последние звуки бархатным басом произнес Люций в пустоту.

В крови отражались его черты: ровный нос, волевой подбородок, выраженные черные брови, глубоко сидящие голубые глаза, тонкие губы; все пропорции были правильными и делали лик мужественно-спокойным. Холод в бездонном взгляде, обида в сжатых губах. Длинные черные волосы ниспадали вокруг поникшей головы.

"Мечусь по этим землям... Нет мне покоя. Скоро мои твари захватят город, быть может, тогда я испытаю удовольствие? Ведь я хочу увидеть, как входят они в последний оплот людей, как пожирают там всех. Нет больше ничего другого, что принесло бы мне счастье сейчас. Я несу смерть, но сам уже жив ли? Ненавижу... ненавижу все..."

Поднялся ветер.

"Когда-то давно все было иначе..."

Один из трупов зашевелился и стал куда-то ползти. Люций встал и, подойдя к нему, вытащил из ножен меч и отрубил голову.

"Ладно. У меня, помнится, был пленник. И мне нужно знать теперь, как замышляют люди свою последнюю оборону."

Люций несколькими движениями снял плащ и сжал его в руках, оставшись в штанах и тунике, он расправил плечи, и из них выросли, словно тень при заходе солнца, черные крылья.

"Сегодня я полечу в лучшем своем воплощении."

Взмахнув, он поднялся в воздух и направился обратно в горы, где был уже через несколько минут, в которые под ним проносились сожженные поля, разрушенные поселения и раскисшие дороги, и все это было засеяно мертвецами. Их вопль в другом мире слышался тому, кто их погубил, кто вознамерился забрать себе их жизни.

В одну из пробоин цитадели он проник тенью и воплотился в просторной комнате, где своды потолка утопали во тьме, а стены были покрыты кирпичными полуколоннами. Пол был мокрым от крови трупов, подвешенных на крюки, цепи от которых тянулись на верх во тьму, в которой кто-то копошился, издавая скрежет, и иногда роняя пожёванные куски мяса.

Здесь на спине в лужи крови, в разломанных позолоченных доспехах с длинной раной наискосок через весь торс лежал крепко сложенный светловолосый воин.

"Уроженец севера, видно, лицо его как отпечаток битвы, видимо сильная личность, но, что таится внутри только предстоит узнать."

Подойдя ближе, Люций пнул его.

Открылись глаза.

— Ты можешь говорить?

— Кто... ты... — прохрипел воин.

Легкое изумление пробежалось по лицу спросившего.

— Тебе нужен покой. Мы с тобой ещё поговорим, — затем Люций вздохнул.

— Демон... — сказав последние слова воин отключился.

В ответ Люций улыбнулся и хлопнул в ладоши.

Из высокого прохода в коридор появились четыре прислужницы, одетые в столы.

— Снимите доспехи и унесите его отсюда в покои. Пусть его здоровье будет восстановлено, дайте ему все необходимые лекарства. К следующей неделе он должен стоять на ногах.

---

Неделю шла механическая перестрелка.

В буран и метель, в снег и град, метательные машины с обеих сторон действовали, отправляя снаряды в сторону противника. Не прекращалась интенсивная служба саперов, инженеров и обычных солдат. Работали гигантские рычажные пращи, баллисты и катапульты.

Камни и стрелы прилетали, врезаясь в дома и обваливая их стены и целые этажи, превращая застройку в груды руин и дюны из серых кирпичных обломков. Осадны В мусоре смешивались куски мебели и утвари, разных вещей, среди них покоились трупы жителей и воинов вперемешку. Все это промерзло и заметалось снегом.

Высокие квадратные башни складывались и падали, поднимая гигантские облака пыли.

В этих руинах тут же возводились баррикады, рылись окопы, с обеих сторон беспрестанно обстреливали друг друга из луков и арбалетов.

Постоянно где-то сталкивались в рукопашной схватке воины, закидывая друг друга дротиками, сходясь на мечах и копьях, топоры разламывали щиты, а дубины крошили черепа, отлетали ошметки и конечности, лилась кровь.

Лязг.

Искры.

Рог трубит отступление.

Флаг опускается, командуя атаку.

Копья рядами опустились, наставившись на врага.

И вновь сшибка.

Изо дня в день гибли многие люди и нелюди, истребляя друг друга.

В этой агонии пылал город душевным огнем ненависти и боли, не зная покоя.

Шли дни и недели.

Дом за домом, квартал за кварталом, улица за улицей...

В свете факелов в ночи являлись нелюди, огонь освещал их серые покореженные черты, их уродливые тела, прикрытые черными грубыми доспехами, технологии которых отставали на несколько поколений. Прикрываясь большими круглых щитами, они брызгали слюной и вопили, выкрикивая нечленораздельные ругательства и боевые кличи на своем языке.

И эти отряды нелюдей в ночи стремительно атаковали, врываясь в укрепленные позиции людей и вырезая всех, до кого успевали дотянуться.

Нелюди ложились под ударами мечей, падали, напичканные стрелами, рубились топорами на куски, но продолжали пребывать новые, и бесчисленные банды их упорствовали, не зная усталости и страха.

Рыцари были гонимы.

И так их постепенно теснили, прореживая бронированные ряды в бесконечных стычках.

Прорубаясь в глубину, нелюди сталкивались со все более крепкой и тесной построшкой, где на востоке центрального района было больше башен. Там из бойниц на них со всех сторон падал град стрел. Осадные машины увеличиваясь в числе заградительным огнем жидкого огня превратили фронт в сплошной пожар, в котором банды нелюдей сгорали дотла.

Через некоторое время благодаря упорному сопротивлению людей силы нелюдей истощились.

Последние воины человеческой расы своим героическим сопротивлением истребили тысячи нелюдей, потеряв при этом многие сотни из своего числа.

Стрелы кончались, снаряды иссякали, а многие осадные машины врагов были разрушены благодаря диверсиям и смелым атакам рыцарей.

Теперь наступило затишье, и лишь изредка в разных местах пролетали стрелы, где-то работали катапульты, медленно разламывая одинокую башню.

Драконы все также парили высоко в небе, падая камнем вниз, чтобы схватить одиноких воинов, но отгонялись залпами из луков и арбалетов.

И так...

Тёмные силы остановились.

Пока тем временем где-то в горах, выйдя из Стремительного, шла растянувшись десятитысячная колонна, которая должна была своим появлением в городе положить конец всякому сопротивлению...

---

Открылись голубые глаза.

— Я жив?

Стратоник перевернулся и пол тяжело влетел в него снизу, издав глухой звук.

"Больно!"

Вдруг он обнаружил легкость и силу в своих мышцах, опираясь на руки принял упор и вскочил в полной готовности отразить любую внезапность. На нем были теперь только штаны и ничего более.

Шорох. Где-то пробежала крыса, сверкнув отражением факела в своих черных глазках.

Но кругом была пустота покоев, в которых не было ничего, кроме тяжелой дубовой постели с причудливой резьбой, изображающей рогатые подобные собачьим морды и лозу винограда, идущую вниз от них, постельное белье же было алым.

"В горле пересохло... Что это?"

Рядом с кроватью стоял каменный куб, а на нем золотой кубок.

Взяв кубок, Стратоник испил из него, как оказалось, воды.

— Ты проснулся?

Повернув голову, Стратоник увидел у края постели фигуру, скрытую полностью плащом. Это был, наверное, человек, его ровесник, с правильными чертами лица и длинных иссиня-черными волосами, ровно ниспадающими на плечи.

— Я в Цитадели? — Стратоник выдержал нейтралитет в голосе.

— Глупо лгать. Да. Это цитадель. — Люций медленно шел полукругом, — Ты бывал здесь прежде?

— Да, — немного погодя, Стратоник добавил, — теперь меня ждут пытки и казнь?

— Возможно.

— Что случилось с моими людьми?

— Они... мертвы... — равнодушно ответил Люций.

Ничего не ответил Стратоник, а лишь с презрением и болью посмотрел на своего собеседника, словно в глазах его отразилась, как в зеркале, смерть его соратников, и бликами горели в них закованные в муки души убитых.

— Мне нравится твой взгляд, — один из уголков рта Люция издевательски пополз вверх, но потом лик вновь обрел спокойствие.

Молчание.

— Ну же. Я готов к боли. Или ты будешь пытаться меня ожиданием неизбежного? — с гордостью и вызовом в голосе провозгласил Стратоник.

— Возможно я вообще не буду тебя пытаться. Это не всегда требуется. Иди за мной.

Подойдя к выходу, Люций взял единственный горящий факел со стены.

Они прошли в коридор, который шел кольцом, и имел в одном месте проход в широкую винтовую лестницу, лентой кружившую в полой штольне. Цитадель была огромной, а комнаты слово не образованы перекрытиями, а прямо выдолблены в кирпичном массиве. Пройдясь вверх, они вышли из дыры лестничного пролета в верхний зал цитадели, который был огромен, как круглая площадь. Только в этом зале были окна, это были длинные бойницы от пола до потолка, поэтому здесь было хотя бы тускло.

Но и такого пасмурного освещения хватало, чтобы разглядеть, как по потолку в полутьме передвигаются серые человекоподобные существа с перепончатыми крыльями с размахом в десяток шагов; они пожирали что-то и роняли вниз кости. Иногда там наверху вспыхивали алые огоньки, это твари открывали глаза, чтобы мельком глянуть на то, что происходит внизу.

Впереди приковывало взор прибитое гвоздями к большому кресту из досок, существо имевшее строение и размеры человека, но черты диктовались его небесной сущностью: гордая и злая голова птицы, напоминающая орла, в открытом клюве которого застыли

величественные страдания, торс полностью покрыт короткой белой шерсткой, остальное тело темнеющими охристыми перьями, из спины же расправленными висели, как черные знамёна, крылья с десятков шагов в размахе,

"Бог мой отец! Что это?"

Ужас вселяло увиденное. Стратоник будто видел нечто, что выше него на порядок и ему становилось страшно при мысли, что такое есть в мире, в котором он родился и жил все эти годы.

Сглотнув, человек спросил:

— Что это?

— Ты хотел спросить, кто? — ухмыльнувшись поправил Люций.

— Оно разумно?

— О, да. — Тайком Люций наслаждался тем, как образ распятого отображается ужасом в глазах Стратоника.

— Зачем привел ты меня сюда, чтобы я созерцал этот ужас?

— Это то, что ждет тебя, — с деланной тоскливостью произнес Люций, слегка улыбаясь глазами при этом.

— Я готов к этому, — произнес Стратоник, напрягая все силы, чтобы не выдать своего страха перед лицом врага.

— Увести! — громко сказал Люций.

Сознание человека померкло.

С потолка упали неразличимые твари, своими серыми тонкими, но мускулистыми, лапами они схватили его и потащили к краю пролета и вместе упали, расправив мокрые перепончатые крылья, покрытые омерзительными скользкими бликами в этом умирающем свете.

---

Безлунной ночью жалкий свет еле проникал в один из уровней библиотеки через немногие витражи круглых окон под самым потолком, роскошь которой скрывалась в полутьме. Из теней выглядывали скульптуры и узоры, коими покрыты выступы в стенах и капители колонн, подпирающих своды, стояли большие книжные шкафы в углублениях в стенах.

В центре зала сидели за длинным столом трое в туниках и тогах, лица их были скрыты темнотой.

— Префект заточен в цитадели, — произнес первый спокойный голос.

— Как вы узнали об этом? — спросил второй.

— Даже здесь я не могу сказать об этом, — ответил первый.

— Войско много потеряет без такого крепкого организатора, каким он был, — сказал третий более низкий голос.

— Префект ещё не умер, — первый голос обрел некую твердость.

— Хорошо. Тогда используем это в своих целях, — предложил второй.

— Я могу дать ему сил, — тяжелый вздох, в голосе третьего послышалась хрипота — Но как это поможет нам? Разве что мы продлим его страдания?

— Он выдержит пытки, если мы поддержим его. — Первый голос стал чуть громче в отстаивании позиции, — Возможно, в решающий момент он сможет сделать что-то для нас.

— Это требует слишком много драгоценного времени, которое сейчас необходимо для воссоздания заклинания, — сопротивлялся третий.



— Я займусь этим в одиночку, — первый голос настаивал, — а вы поделите мою долю хранилища, чтобы изучить рукописи, пока я занят.

Недолгое молчание, прерванное третьим:

— Ты не можешь самовольно распоряжаться своим временем, когда нам требуется каждая голова.

— Скажу почему это может оказаться важным, — выдохнул первый, — Дело в том, что в Цитадели тоже есть хранилища.

— Это известно, но разве он сможет проникнуть туда? — включился второй.

— С нашей помощью, — ответил первый, — Мы наполним его огромной силой на короткое время, и свяжемся с ним, внушив ему новую задачу. Он выкрадет необходимые фолианты и сбежит с ними.

Третий подумал и сказал:

— Даже если твари, которые населяют сейчас цитадель, не разорвут его на куски, даже если он найдет хранилище, скрытое тайнами даже от нас, ему предстоит вырваться оттуда и затем прорваться через город, полный нелюдей к нашим позициям и пересечь линию нашей обороны, чтобы встретиться с нашими воинами, которые передадут его нам. Мы просто не сможем передать ему так много энергии.

— Как бы то ни было, — первый вновь стал спокойным, — ничтожный шанс есть, а нам сегодня нужно использовать все возможности, ибо мы на грани.

— Последнее слово за Протелеоном, — напомнил второй.

— Быть по сему, — сказал третий.

---

Время замедлилось.

Пришел момент раскрыть всю его глубину.

Дыхание.

Стук сердца.

Темнота.

Сперва, не сдаваясь, он так долго вглядывался во мрак, что глаза застилало пепельным туманом, в котором рождались странные образы изуродованных деревьев, ветви которых становились омерзительными голыми лапами с множеством сочленений. Но эти образы тут же разлагались и вновь все заполняла матовая серость.

Прикованный к стене за руки и ноги человек теперь не мог смотреть никуда. В темнице, во тьме собственного поражения, которое было столь внезапным и лёгким, он смотрел туда, куда мог. Внутрь себя, в свою память и свои мысли.

И там тоже все покрывалось темнотой.

Заточенный Стратоник, некогда бывший префектом войска Башни, последнего города, решившего оказать сопротивление силами тьмы, когда те успешно поработили весь континент.

Тьме не было предела. Она поглощала один город за другим. Три из четырех самых крупных города пали. Четыре полиса властвовали в этом мире, и остался в руках людей лишь один, Башня. И в нем доблестные рыцари бились до конца, не жалея крови, поливая ею стены и улицы этого полиса.

И в самый разгар этой битвы, в момент перелома, когда хребет людей, кажется, уже был сломлен, когда им пришлось отступить к последней своей крепости, в этот день префект попадает в плен.

В тот момент рушился мир.

Ещё бодрость была в людях.

Воины держат свои позиции, умирая десятками и сотнями каждый день в кровопролитных боях. Город велик, и пусть уже больше половины его разрушено, многие жители погибли от обстрелов под грудами завалин, где-то за линией обороны ещё можно пройти спокойно улицами, по которым и не скажешь, что идет война, прогуляться по прекрасной алее к окраине района, чтобы увидеть рассвет, который не отличается от рассвета в мирное время, ибо солнце слишком величественно чтобы меняться от возни тех, кто населяет землю только потому, что на неё падают его тёплые яркие лучи каждый день.

"Солнце..."

И Стратоник мысленно попытался представить солнце.

То самое яркое солнце в день столь ясный, что небо в контрасте становится тёмно-синим.

Он увидел себя в океанах света, уже не было травы, гор, снега, никого не было, и здесь словно не свет, а само счастье лилось всеобъемлющей рекой, весь мир будто стал течением этой реки.

"Я вижу!"

И возможно многие люди выдели в своих последних грёзах эту реку, и думали о свете дня, о том, как он зальет их, и в этом потоке они уйдут от всех бед и лишений, от страданий и мучительного ожидания неминуемого конца.

Возможно, в глубине того, что было зачатком разума у нелюдей, они тоже могли видеть этот свет, и завидовали людям, которые, несомненно, были к нему ближе.

"Кто этот демон... нет, я видел что-то в этих глазах. Я помню. Их образ запечатлелся в памяти моей. Они будто засветились, совсем ненадолго, как будто он увидел что-то во мне. Интересно, думает ли он сейчас об этом? Все меркнет. Одни только эти глаза остаются в моём сознании."

Воздух здесь был влажным.

Пахло плесенью.

Конечности затекали от неестественного положения.

"Психея! Где же она? Там, в городе. Должно быть рыдает... или радуется. Что, как я мог подумать такое? Я бы радовался. Почему-то этот образ приходит в голову первым. И совсем не думается, что она скорбит. Хотя, затем разум рисует её заплаканное лицо. Такое красиво."

Дверь открылась.

"Нет..."

---

Где-то на склоне лежали камни, занесённые снегом.

Эти камни обдувались ветрами года, десятки, сотни и тысячи лет. А те все лежали.

Когда-то однажды птица села на эти камни, а в её хищных величественных глазах отразился город на вершине горы. Она посмотрела на этот город и взлетела, чтобы камнем же упасть на свою жертву, пусть таким же тяжелым и внушительным, как те, на которые села прежде.

Рядом с камнем однажды пролегла тропа, и люди ходили по ней, не замечая камни.

Может кто-то присел на эти камни, может какой-то художник зарисовал их, чтобы потом сделать гравюру и продавать. Кто-то ещё узнал про камни.

Когда-то здесь не было людей, а эти камни лежали.

Скоро не будет людей.

А эти камни будут.

Эти камни, хозяева земли, властители времени и пустоты.

---

Стоя перед картой на столе, Люций созерцал бездумно план нового штурма, который будет реализован через месяц, когда прибудет новый корпус обращенных.

Стрелками указывались направления.

В сущности, никаких хитростей не было.

Массированный обстрел должен был стереть защитные сооружения в порошок, град стрел должен был дезорганизовать ряды защитников, а драконы довершить весь ужас своей бесполезной, но грозной атакой. И уже затем пойдут в безудержное финальное наступление неисчислимые отряды обращенных, которые попросту затопчут оставшиеся когорты рыцарей.

"Ха, что же это... это мой штурм, да? Штурм, да? Штурм?"

Внутри демона словно закипали бурлящие зелёные воды. Будто в сознании его образовалась дыра, через которую вытекло нечто важное, и течь продолжалась. Скрежет мозга не давал покоя. Пытаясь понять, чего он хочет, Люций не мог зацепиться абсолютно ни за что.

Невозможно было даже смотреть на эту карту. Он бегал по ней глазами ища что-то, но не мог найти ничего. Все этих обозначений, как будто не существовало.

"Зачем эта карта здесь?"

Руки щекотало, они начинали трястись. Щекотка поднималась к горлу и сводила челюсть.

"Невыносимо!"

Сознание вертелось в пустоте, растягивалось, сжималось, это вызывало существующую боль в голове.

В такие моменты Люций, словно ощущал себя человеком.

"Я не могу хотеть чего-либо... я даже не могу сдвинуться с этого места, потому что не знаю, куда пойду. Все одинаково! Нет!"

Закричав, Люций одной рукой отбросил стол так, что тот отлетел к дальней стене и разломался на куски.

Полетели щепки.

Светильник упал.

В комнате показалась Табия.

— Ты не в духе?

— Что ты хочешь? — с наигранной игривостью спросил Люций, развернувшись он подошел и обняв Табию.

— Пусти, — спокойно ответила она.

— Это не важно... не обращай внимания, Табия. С нашей мощью теперь никакие усилия не имеют значения. Наше могущество столь велико, что цель будет достигнута неминуемо. Наши войска...

— Кому, — резко оборвала Табия как бы невзначай, — ты рассказываешь это?

— Выметайся, — бросил Люций, по его лицу прошла тень презрения.

— Я слышала, ты взял в плен вражеского префекта? И хочешь пытать его этой ночью?

— Не знаю... — Люций закрыл лицо рукой, медленно проводя ей вниз, — наверное, я просто скормлю его своим питомцам? Я не знаю... что ты задумала?

— Ничего... оставь его.

— Захотелось себе игрушку? — с издевательской ухмылкой спросил Люций.

— Возможно. Что если так? — протяжно ответила Табия, при этих словах она потянулась, соблазнительно изгибая тело.

— Без какой-либо причины, ты захотела себе человека? Ведь ты даже не видела его, — голос Люция приобрел озлобленную хрипоту, глаза его округлились, а слова наполнились желанием, — но ты пришла сюда нарочно разозлить меня? Я могу дать тебе десяток или сотню плетей. А может и кнута, если ты пожелаешь, если тело твое так истосковалось по боли.

— О, нет. Я сама нашла бы с десяток самых изощренных способов вызвать боль.

Люций отвернулся. Взяв паузу, он спокойно сказал:

— Ты все больше бесишь меня. Если ты не прекратишь, я вышвырну тебя отсюда.

Услышав голос, лишенный всяких эмоций, Табия почувствовала сжимающую дыхание серую волну страха.

Поправив ткань столы, гостя поспешила ретироваться в коридор.

Не став дожидаться чего-то, Люций бросился тенью в коридор, он метался от одного свода к другому, пока не помчался к темнице, в которой готовились пытать его пленника. Табии не было нигде видно, и это было хорошо. Ей нечего делать здесь. Это его и только его пленник, который содержит ценную информацию, необходимую для...

"Для чего? Плевать на его тайны... Мне нужен человек!"

Здесь в одной из небольших комнат на нижних уровнях Цитадели, горел огонь. Воплотившись в человеческом облики рядом с входом, Люций нетерпеливо ворвался.

— Стоп!

Его взору предстала сцена приготовлений к растягиванию тела на древнейшей машине для пыток, принцип которой был известен ещё далеким предкам тех, кто основал этот полис.

Две пары длинных серых отёкших рук.

В открытую дверь просачивалось серое отражение света, исходящего издалека, и падало на отдельные вырванные из тьмы черты отекших скользких морд, в которых словно было похоронено зерно подавленного озлобленного сознания.

— Хозяин, — бурлящим хриплым голосом зверя попыталось произнести по-человечески одно из этих существ.

— Что такое... не говори при мне на этом языке! — выпалил демон.

В ответ серокожее промычало что-то, должно быть извинения на своем неясном темном диалекте.

Посмотрев на Стратоника, Люций задумался. На мгновение ему показалось, что он нашел что-то, но ничего не было.

— Оставьте как есть. Нет... освободите из этой машины, заковывать не надо. Пусть так погниет здесь до поры. Префект, ты ещё развлечешь нас...

И на это ничего не сказал Стратоник, а лишь повторял про себя вновь свой титул, который приносил ему столько удовольствия, гордости и решимости в нужный момент.

"Я префект войска Башни."

Слов нет.

Сняв с пыточного механизма, серокожие оставили Стратоника на полу, где лежали в пыли остатки соломы, и покинули помещение.

Возвышаясь над обессилившим человек, закрывшись плащом, Люций наблюдал, пытаясь созерцать взгляд, что был виден ему и без освещения; хотел понять, что в этом взгляде, кроме грусти о потере отечества, кроме злобы за потерянных близких и соратников, возможно что-то ещё, что можно было бы достать на свет, яркое и пылающее.

Человек лежал, не шевелясь, какое-то время смотря на своего тюремщика, а потом отведя взор в потолок.

"Завтра я испытаю тебя."

Захлопнулась дверь.

Снова темнота.

---

Где-то среди скал в долине реки, что спускалась с высоких вечных льдов, на склоне горы лежат прекрасные луга, насыщенные спокойствием.

Здесь Стратоник очнулся.

Солнце было мягким.

В одних штанах, без обуви и верхней одежды, лежал он на траве, как на одеяле из жизни.

И сперва человек видел лишь сочное тёмно-синее горное небо, к которому хотелось прикоснуться; приподнявшись же огляделся и увидел гигантские горы, окружающие то место, где он находился и казавшееся столь крохотным в таком сравнении. Среди зелени вырывались из земли белые камни, поросшие мелким кустарником и пёстрыми цветами. Этот чистый нетронутый луг обрывался по краям, трава уходила по склону вниз к реке. Встав в полный рост, Стратоник посмотрел на реку, и ему показалось, что та находится весьма далеко.

Все здесь имело колоссальные размеры.

"Горы... я забыл про вас. Там, в городе я привык к узким тесным улицам. Какой же здесь простор!"

Глубокий вдох полный множества трав и цветов освежал, даруя ощущение поглощения этого места. Стратоника охватывало желание раствориться в этом месте, переходящее в ощущение крепости тела и звериной силы, выпущенной на свободу и требующей безрассудного веселья.

— Префект! — послышался возглас позади.

И Стратоник развернулся, окунув свое тело в звериное напряжение, его поза стала являть собой защиту от опасностей.

— Как опасно! — покровительственно сказал Люций, он был одет в белоснежную тунику, — Держи! Мои друзья хотят зрелища, — и с этими словами он кинул ему сверток.

Развернув ткани, Стратоник обнаружил не заточенный одноручный палаш, подержав его в руке он сделал несколько движений.

"Я так изменился в последние дни, если это были дни, а не недели... Почему я об этом думаю сейчас? Потому что спустя совсем непродолжительное время в полной тьме, я начал разглядывать там себя?"

— О чем задумался, префект!? — вновь крикнул Люций.

— Что? — тихо спросил Стратоник и наконец устремил взор на демона.

Там, рассевшись на крупных булыжниках с серебряными кубками и бурдюками,

пребывали в веселье те, кто имел облик людей, одетые в разноцветные праздничные тоги, на их руках были золотые обручи и кольца, на головах дубовые венки, сплетенные и ношенные ими, очевидно, без всякого смысла, что внушило Стратонику особое отвращение. На их лицах была столь легкая приветливость, в которой было нечто серьёзное, но вместе с тем искусственное, и это неприятно читалось, и ощущалось опасным.

В голове Стратоника рисовались десятки ужасающих черных как бездна тварей, из тел которых росли разные конечности, и которые скрывались за этими обликами.

— Приготовься, — спокойно скомандовал Люций, прервав размышления Стратоника.

— Чего тебе нужно? — сухо спросил человек.

— Я изрублю тебя этим на куски мяса, — безразлично ответил демон, будто бросил какое-то замечание.

— На потеху другим подобным тебе? — этот вопрос звучал серьёзнее.

— Да, — Люций обернулся к своим и широко улыбнулся, — чтобы...

В этот момент, человек, провернув кувырок, затем вскочил, как зверь и сделал резкий выпад страшной силы, отбив который, его противник высек искры.

Зрители восхищенно воскликнули и стали переговариваться, живо обсуждая завязавшийся бой.

Напрягая тело, Люций рванулся вперёд, словно за ним сделали взмах гигантские крылья, и прошел с мечом через луг, оставив позади отскочившего Стратоника.

Развернувшись, Люций чуть пригнулся и выставил меч вперёд.

"Что это было?" — спросил себя демон, внимательно разглядывая своего врага, которого мгновения назад считал не более, чем жертвой.

Озверелый возвышался Стратоник, мышцы его вздулись, покрылись пульсирующими венами, а хищные глаза стали глубже в своем стремительном взоре.

"Ты, наверное, думал, меня можно раздавить, как насекомое? И пусть меня растерзают, но лишь если смогу, то заберу тебя с собой, демон!" — злорадствовал внутри себя человек.

На короткое время они сошлись.

Сверкнуло пару молний, то клинки схлестнулись. Но с шумом были отбиты смертоносные удары.

— Где твоя демоническая сила, монстр? — задорно спросил префект.

— Люций, прикончи его! — крикнула Табия, и залилась нервным смехом.

Стратоник лишь на мгновение метнул к ней взгляд, ухмыльнувшись при этом.

В этот момент рука демона, державшая меч почернела, вены на ней стали отсвечивать красным, будто стали прозрачными, давая видеть бурлящую внутри неживую кровь, на руке с шумом выросли когти, превратив её в лапу, и вся она стала более крепкой, словно сплетённой из железных канатов. И видны стали те огромные черные крылья, явившиеся лишь дымчатым силуэтом призрачной силы, таившейся внутри. И взмахнув этими крыльями Люций со страшной скоростью ринулся, не касаясь травы, подняв меч для единственного удара.

"Бог мой отец!" — сказал человек, наблюдая надвигающуюся опасность.

Недолго созерцая все это, Стратоник вызвал в себе ощущение единения с клинком и наблюдая за своим срастанием с оружием он медленно насытил его чувством собственного дыхания, одновременно осознавая свое растворение, показавшееся в те мгновения реальным во всем окружающем его мире. В тот же миг палаш засветился ярким белым свечением.

Белый меч встретился с черным мечом.

И они разлетелись на куски, отбросив владельцев.

Затихнув ненадолго, зрители взорвались криками восторга и стали жадно делать глотки из своих кубков, обсуждая между собой только что случившийся бой.

Быстро вскочив на одно колено, с упорством держа цепко в руке рукоять с остатком палаша, Стратоник скалился и наблюдал поднимающегося на колени демона, по обе стороны от которого лежали тени его призрачных крыльев.

Смех.

Вопли.

Рукоплескания.

В своем полном приятного успокоения изумлении, Люций поднял голову вверх и закрыл глаза, как будто бы издевательски купался в солнечном водопаде, не придавая, казалось, никакого значения произошедшему.

Но затем он встал, крылья исчезли, руки приняли человеческий вид, а глаза ясно были нацелены на Стратоника, который опасно пригнулся, вооруженный остатком меча.

— Брось это, — покровительственно сказал Люций, — На сегодня бой окончен.

— С чего мне знать, монстр, что ты не растерзаешь меня прямо сейчас? — ответил Стратоник, вкладывая в интонацию всё свое недоверие.

— Я не монстр. Если бы мы... если бы я хотел, тебя бы уже давно растерзали, прямо здесь, вся трава была бы красной.

— Мы ещё узнаем это, — с гордой улыбкой выпрямляясь произнес Стратоник и потом бросил наземь осколок оружия.

Люций подошел к камням, где располагалась вечеринка, там ему поднесли полный кубок, он еле сдержал почти превышающее его самого желание злобно отбросить подносимое вино и осушил одним жадным залпом. Вновь посмотрев в сторону Стратоника, Люций обнаружил того, стоящим спиной к зрителям, тогда направился к нему, отдав кубок чьей-то руке.

— Куда смотришь? — спросил Люций, встав рядом.

— В сторону моего родного города. Мы находимся на западе от него.

В надменно покровительственной речи Люция появилась толика уважения и заинтересованности.

— Ты знаешь, где мы находимся?

— Да.

Говоря, Стратоник не поворачивался к собеседнику, а лишь давал самодостаточные комментарии на его речь.

— Мы сохранили это место для развлечения. Сейчас это единственный зелёный уголок на всем севере.

— Это место, где я вырос.

— Ты рос здесь?

"Зачем я это сказал... и кому я это сказал? Не стоит проявлять в отношении этой сволочи так много любезности!"

— Прекрасное время для взросления. Здесь природа дает людям крепость тела и глубину духа. Давала раньше, пока мы не отчистили эту местность от людей.

— Что будет со мной? — перевел тему Стратоник.

— Ты отсрочил свою смерть.

"Думал, люди совсем ничего не умеют?" — внутренне человек злоратно улыбнулся.

— Убьешь меня в следующей драке?

— Возможно. — И теперь тон Люция принял твердую серьезность и почтенное любопытство, он посмотрел на Стратоника, — Я хочу знать, что сделал ты со своим мечом, отчего он так наполнился энергией?

— Слишком долго объяснять этот механизм. — Стратоник продолжал любоваться открывшимся видом на долину, место его личного становления, — И ты сможешь его до конца понять только если будешь долго и упорно практиковать. Такие знания не передаются словами, но лишь рождаются внутри тебя, после долгих и кропотливых трудов.

Ничего не спрашивал далее Люций, а отступил, чуть склонив голову, и задумчиво исподлобья посмотрел.

— Пойдем, к остальным.

"Словно все хорошо. Я иду туда, где сидят существа, обернувшиеся в людей, не показывая им, что ты все знаешь, иначе растерзают тебя, разорвут на части, им не стоит ничего, и пусть я заберу с собой нескольких этих тварей, мне не выстоять против целой стаи. Как будто ужасный маскарад, скрывающий ад прямо здесь!"

Серость растеклась, обелив все цветущее окружение в глазах Стратоника, лишив искусственной жизни это место. Теперь ему стало по-настоящему страшно, словно он падал в гигантскую пропасть, а где-то наверху угасал последний источник света. Этот жизнерадостный луг был зияющей бездной, и его окружали духи этой бездны, но нельзя было поддаться страху, потому что страх утопит в пустоте, и тогда уже не вырваться...

С приветливыми улыбками и подбадривающими похлопываниями отдыхающие приблизили его в свой круг, дали кубок, просили испить.

"А я должен вырваться, никогда для меня не будет причины..."

Кубок осушен до дна.

Прекраснейшее вино было слаще, нежели самый сладкий мёд, отобранный у диких пчел.

"...не будет причины отдаться смерти. Я префект войска! Помню об этом, где бы я ни был."

Рекой лилась странная речь. Обсуждение совсем непонятных вещей. Древних произведений искусств, но другой культуры, с которой Стратоник был не знаком, невероятной философии, которая вводила в ступор и не была ведома даже жителям севера, что в культуре превосходил весь континент.

И один улыбчивый смазливый парень, одетый в отличие от других в одну тунику, завязанную на левом плече, спросил префекта:

— А что для вас, северян, мир и жизнь? В чем их сущность?

— Битва, — коротко ответил Стратоник, не задумываясь над своим ответом.

— Почему же?

— Я не готов сейчас об этом говорить, — Стратоник старался сберечь слова.

— Ладно. Дайте ему отдохнуть после боя.

Интерес зрителей остыл. Стратоник стал постепенно приглядываться к тем, кто его окружал. Снаружи они выглядели как люди богатства и культуры. Ничто не выдавало в них иной сущности, отличной от человеческой природы.

Все встали пошли вверху по склону, где выше была вымощенная белым камнем круглая площадка, по краю которой было массивное кольцо каменной скамейки, поросшее лозой и кустарником, а ещё выше сразу стояли разрушенные ребристые колонны, вокруг которых



также вилась лоза.

Среди тех, кто шел на мгновения обернулся один, будто поймал на спине следящий взгляд Стратоника, тот, что спрашивал.

— Держи, — обернувшийся протянул человеку кубок.

Принял и испил.

— Как твое имя? — спросил человек.

— Элой. А твое Стратоник, верно?

— Да. Это имя моё, — префект ненадолго увел взгляд, а после вновь сосредоточился на собеседнике.

Они продолжали идти вверх, где все уже уселись и принялись за яства, слышался запах мяса, фруктов, овощей.

"Как роскошно, в это время мы в осаде доедаем последние остатки запасов, забиваем лошадей... они забивают. Я здесь, среди врагов наслаждаюсь. Не прикончат ли себя, чтобы прекратить это все?"

— Ты хмур, Стратоник, наслаждайся сейчас с нами, — задорно говорил Элой.

— Да, конечно.

— Не слишком ли ты аккуратен?

Двое зашли и сели ближе ко входу за одним из столов, где были самые разные блюда из мяса, приготовленные с пряностями с далёкого юга, иностранные фрукты с того же юга, нарезанные свежие овощи, душистый пшеничный хлеб. Все это лежало здесь в изобилии, как будто не было войны, не было зимы и ничего не умирало в этом мире, а лишь давало бесконечные всходы и плоды для наслаждения.

— Скажи мне, Стратоник. Тебе никогда не случалось скучать?

— Скучать? Ты задаешь странные вопросы, — человек старался быть как можно более спокойным и аккуратным, но так, чтобы это не бросалось в лицо.

А его собеседник беззаботно и как-то необыкновенно легко продолжал, не произнося слова, а как бы роняя их, то ускоряя речь, то замедляя и протягивая:

— Да, скажи мне, Стратоник, всегда ли ты поглощен действием... Ну, и жизнь твоя... полная событий?

— Да.

Элой подогнул под себя одну ногу и расположился по направлению к Стратонику, облокотившись подпер голову рукой. В лице его читалось ничего не обещающее короткоживущее внимание.

"Ладно, почему бы не расслабиться, возможно я скоро умру. Я буду есть и пить это все, пока моя жена голодает в пределах города. Интересно, не пялит ли её кто-нибудь..."

Все веселились, ели, пили и разговаривали, постоянно слышался смех, громкие взрывы женского заливного смеха, культура старой роскоши в каждом вздохе и взгляде, в которые был вплетён дух здешнего торжества.

Будто медленно и продуманно играли на струнах где-то вне общего внимания. А потом действительно плавно зазвучала арфа.

— Да, — продолжил Стратоник, смотря в сторону — каждый день мой был наполнен деятельностью, знаешь. Не помню, чтобы был период, когда я был по-настоящему свободен от всех дел, кроме детства, наверное, но и оно прошло по большей части полным трудом и учебы...

— Ладно... Я... я спрошу тебя иначе. Скажи мне... — Элой иногда уводил взгляд в

сторону, потом возвращал его, — ты никогда не терялся в шуме своих собственных деяний, понимая, что их смысл иссякает?

— Ты имеешь ввиду рутину? Я занимался рутинной. Были времена, когда я выполнял одну и ту же работу. Я тогда служил в одном из судов города, это было связано с бумагами.

— Нет... — Элой покачал головой, глаза его сделались полуприкрыты, — не рутина. А нечто гораздо хуже. Рутинка просто утомляет, изматывает быть может... но я говорю о том, когда твои дела теряют смысл.

— Когда ты не понимаешь, зачем исполняешь свои обязанности? — Стратоник взял ветку винограда и стал неспешно поедать.

— Когда понимаешь, что исполнять их незачем.

"Что он несет, так тупо могут думать только законченные, апатичные ничтожества, лишённые всяких сил."

— Наш город имеет слишком разумное устройство, чтобы какой-то пост в нем был лишним. Отцы основатели построили для нас крепкое общественное здание.

— Ты декларируешь мне официозные истины, Стратоник.

— Не понимаю, о чем ты, возможно, ты просто устал — коротко ответил человек и съел кусок нарезанного яблока.

Элой поменялся в лицо, и стал говорить чётко и даже с ноткой возмущенного непонимания:

— Да? Просто скажи мне, зачем вы сопротивляетесь, для чего это все? Когда я смотрю, как все твои воины сражаются вопреки, мне становится тошно, — Элой увел взор вдаль, подкрепляя задумчивостью взгляда свою речь, — Просто зачем? Для чего они это делают? Я бы никогда не пошел ни в одну армию, и не отдал бы жизни даже за десять своих товарищей, не то, что за целый город... Как это вообще может иметь значение?

Стратоник криво сжав губы и надвинув гневно брови, словно воплотив в лице ледяную злобу всех своих мёртвых товарищей, развернулся к Элою, отчего тот резко отпрянул, как будто ожидал удара.

— Префект! Мой друг утомил тебя? — Люций, появившись сзади Элоя, положил ему руку на плечо явно вдавливая.

Элой встал и направился к другому столу, лишь беззаботно улыбнувшись Стратонику напоследок.

— Он что-то пытался мне объяснить. Но я не понял его.

— Не важно, — в голосе появилась толика уважения, словно Люций собрался говорить с кем-то почти равным ему, — Я хочу, чтобы ты рассказал мне о том, что замышляют жрецы.

"Это было неминуемо."

Стратоник насторожился.

— Жрецы?

— Да. Стратоник, нельзя осознанно сопротивляться так долго, зная, что это безуспешно, потому как силы врага непомерно растут, и потенциал вскоре будет несопоставим.

— Если тебе интересно о людях, то они, будучи загнаны в угол, делают разные поступки, порой кажущиеся столь безрассудными.

— Речь не о безрассудности. Жрецы не похожи на тех, кто будет сражаться до конца из чувства гнева от безысходности. Ваши правители сугубо разумны. И они не могут не предвидеть свой полный крах, который даже тебе должен быть теперь очевиден.

— Из своих тайных дум они лишь могут сопротивляться, даже видя неминуемое поражение. Потому что такова глубина ума людей, они не бегут, но сражаются, зная за что. Славная смерть та, что найдена в бою за отечество.

Тем временем Стратоник отложил фрукты и теперь ел тонко нарезанное мясо, сдобренное пряностями, Люций же взял в руки кубок.

— Префект, ты уходишь от ответа, — глоток.

— Я говорю то, что есть, — гордо.

— И самый богатый и могущественный полис стоит до конца потому, что это честь для его защитников? Эти люди там, которыми ты командовал, они знают, что весь остальной континент уже пал под нашим натиском?

— Именно по этой причине этот полис стал самым могущественным. Сейчас ты видишь наивысшее проявление тех качеств, что сделали этот полис лучшим на всем континенте. Так чему же ты удивляешься? — немного погодя, Стратоник посмотрел прямо в глаза демону и спросил, — Твоё имя Люций?

— Да, я Люций. Я генерал и командую этим походом.

— Ты не похож на того, кто владеет этим походом, — задумчиво изрек человек.

— Почему ты подумал, что есть кто-то выше меня?

— Ты слишком исполнительный, и ты слишком сильно занят делами, а не правлением.

— Разве правление не есть совокупность особых дел?

— Нет. Правление есть статус, править не значит управлять. Ты же пытаешься решить проблему. И я думаю, раз пытаешься ты выведать у меня замыслы моих начальников, раз тебе это необходимо, то не все идет так хорошо, и возможно рассказанные мною сведения повлияют на исход всего предприятия. Потому что гарантированный успех не потребовал бы беседы со мной, я бы уже давно был мёртв.

— Как правитель, я могу решать некоторые проблемы сам. И нет сомнений в неизбежности вашего поражения, об этом я уже говорил. Но твои знания помогут достигнуть цели ещё быстрее! — последние слова звучали более твердо.

— Разве месяц что-то изменит? — с ноткой грусти ответил Стратоник, — Наше общество подобно механизму, нам не нужен верховный правитель, который окунался бы в частные процессы. Каждая наша деталь на месте, все решения рождаются, когда шестерёнки механизма прокручиваются под давлением обстоятельств, поэтому все проблемы решаются быстро и качественно. Порядок наш вездесущ. Ваша же система несовершенна. Ты не можешь один решить судьбу тысяч... — Стратоник запнулся, чуть не назвав нелюдей людьми, — я не знаю, кем ты правишь, но ты не можешь один вести их всех.

— Я всего лишь беседую с тобой, чтобы лучше понять своего врага. Почему ты решил, что я пытаюсь заменить собой органы управления?

— Люций, я наблюдаю за тобой давно. Я сражался с твоими ордами на подступах к славному граду Стремительному. И мог там созерцать твой стиль. В боях мы узнавали вашу армию, мы измерили её, столкнувшись с ней. И мы не ведаем о наличии иерархии. — И далее Стратоник прибавил с гордостью в голосе, — И я не могу назвать эти орды армией, ты словно ведешь стада на убой, в надежде растоптать хищников.

— Префект, как возвысил себя ты в этом сравнении.

— Лишь сказал правду, — Стратоник надвинул брови, а в глазах его зажегся огонь борьбы, — не думай о победе над людьми генерал, не думай сокрушить рыцарей. Эта война ещё не окончена...

Недолгое молчание.

Но далее Люций, с господством в голосе сказал:

— Возможно ты решишь иначе, когда увидишь десятитысячную орду моих воинов, идущую сюда, на помощь осаждающим. Их поступь приближает конец, их знамена, это знаки вашей гибели.

---

Лежа на спине, на том самом лугу, Люций смотрел на звезды.

"О чем толковал этот человек? Почему я до сих пор не вырвал из него пару кусков мяса, от чего он бы рассказал мне все? Не потому ли, что я хочу, чтобы он сам сказал мне все, что требуется? Похоже, он силен. Слишком силен, чтобы умирать так нелепо, разорванным на куски в стане врага."

Холодных звезд было немного сейчас, но и те, что взошли на небо, горели прекрасно и маняще.

И представлялись другие места там, цветущие и лоснящиеся при свете этих звезд, более яркие и сочные, лишённые разложения этого мира и его бесконечной тоски.

"Мне так не хотелось бы, чтобы ты пал, Стратоник. Это будет так ужасно, увидеть столь сильного человека в слезах, сломленного и уничтоженного. Но однажды быть может, я захочу увидеть и это. Несмотря на все мое могущество, я не властен над своими желаниям, которыми обрастаю, как плющом, что не могу сорвать, но который разрывает меня изнутри, проникая стеблями в глубину сознания и побуждая на действия, которых раньше либо боялся, либо стыдился..."

Перевернувшись на бок, Люций продолжил придаваться своим размышлениям.

"Я видел. Он мог убить меня в той схватке. Простые воины гибнут от считанных ударов, рыцари стоят до конца, а этот воитель мог и убить меня. Так ли велико наше превосходство над людьми, о котором мы столь обильно размышляем? Сегодня он заставил меня усомниться, и я устранился этого. Я мог бы разорвать десяток людей не задумываясь, их тела не смогут сдержать мой натиск. Но простой силой не ограничиваются возможности человека, мы всегда это знали, и на первых порах опасались людей."

Закрыв глаза, Люций увидел прошлое.

Солнце.

Где-то на юге...

На обширной тогда ещё зелёной равнине, что шла меж гор и берега океана, сходились два воинства.

Лес из красочных знамён. Сияющие на солнце доспехи. Стройная армия людей.

Это было объединенное войско трёх полисов, которые шли вместе вопреки своим распрям.

Белые рыцари Башни, закованные в белоснежные латы, вооруженные щитами и мечами, стояли в центре, слева от них были уцелевшие воители Стремительного, одетые в самые разные ламеллярные доспехи с большими наплечниками, вооруженные саблями и глефами, а справа были солдаты из Океанических врат, на которых были пластинчатые нагрудники, а шлема их имели алые гребни, вооружены они были большими прямыми щитами и копьями. Четырнадцать тысяч разношерстной конницы собралось здесь. Гордость человеческой расы, эти идеально защищенные и вооруженные воины были вершиной их общества, все силы которого воплощались в них, а их образ уже сам служил знаменем родных городов.

"Я помню. Никогда более этот мир не увидит столь огромной армии людей. Многие

тысячи железных воинов."

Многие тысячи всадников спешили здесь.

Эта война вводила новые правила.

Позади же воинов шли бесчисленные ряды их слуг и стрелков, одетых гораздо хуже, и несущих на себе бремя помощи тем, кто стоял в первых рядах, кому предстояло выдержать весь натиск грядущего сражения.

"Но сколько бы вы не собрали воинов, мы выставим больше, мы создадим ещё, и вы утоните, ведь мы океан!"

И против четырнадцати тысяч лучших воинов стояли тридцать тысяч серокожих существ, изуродованных тварей, одетых в черную броню закрывающими их изменённые тела, шлема скрывали то, чем были их морды, но они беспрестанно хрипели и стонали, от боли, которую им доставляла их продолжающееся существование вопреки самой жизни, когда-то породившей их изначальные формы. Их огромная орда занимала все расстояние от предгорных лесов до берега.

И эта орда наступала, неизбежная, как черный прибой.

"Я помню! Люди смело дрались в тот день..."

— Люций. — раздался тихий голос вблизи.

— Элой... это ты?

— Да, Люций, друг.

Одинокое грезящий приподнялся на локте, а рядом с ним сел, опираясь руками потревоживший.

— Что будет с этим человеком?

— Ты о префекте Стратонике?

В одной руке Элой держал бурдюк и периодически пил из него.

— Да, о нем. Что будет с ним? — небольшой глоток, — О других томящихся узниках я не беспокоюсь. Но ты направил его обратно в темницу?

— Да, — Люций повернул голову к пейзажу.

Снежные горы окрасились синим в ночи.

От прежней манеры речи Элоя не осталось и следа, он говорил чётко и размеренно:

— Мне кажется, мы должны вернуть его в те покои, где он набирался сил, — ещё один глоток.

— К чему такая забота о военнопленном, с твоей стороны к тому же? — вздох.

— Это достойный представитель нашего врага. И мы должны воздавать ему почести.

— У врага не может быть достойных представителей, о чем ты говоришь, Элой? — равнодушно ответил Люций.

— Почести добродетельным, — в голос Элоя закрался оттенок деланной торжественности, — Это универсальный принцип! Мы не подобны тем тварям, которых направляем, и можем позволить себе играть в честь. Как ты смотришь, если я так это назову?

— Это уже звучит интереснее, — Люций заинтересованно улыбнулся, — но что дальше?

— Я не знаю, нужна ли здесь какая-то причина... скажу тебе честно. Мне просто не хочется его уничтожать.

— Мне тоже.

— Я даже начинаю думать, — Элой выдержал паузу, — что он мог бы стать одним из нас, знаешь...

— Об этом рано говорить, — отрезал Люций.

На некоторое время наступила тишина, разбавленная сверчками, последними отголосками предыдущей жизни в этих краях.

— Завтра я хочу, — новый глоток из бурдюка, вздох — устроить пир в своем месте...

— Я не приду.

— Почему? — грустно спросил Элой.

— Буду проверять состояние осаждающих, я давно не был в войсках.

— Ничего же не случится...

— Заткнись, Элой, — резко оборвал его Люций, — иди, и не зли меня своей тупостью.

Покорно встал Элой и лениво побрел прочь, выронив из рук бурдюк с вином, что полилось прямо в траву.

"Похоже, что действительно лучше выпустить его. Из цитадели он не убежит. А ничего важного внутри неё нету, и он так или иначе не сможет об этом доложить. Здесь нет птиц, чтобы отправить послание, а если бы и были, то мои вороны и соколы растерзали бы их, что касается стен и окон, то мимо драконов никто не проскочит..."

Подул ласкающий ветерок.

Люций продолжил пребывать в своих воспоминаниях.

---

## Глава II. В голове быка

Тьма стала светом.

Разум Люция продолжал мутировать в беспокойных полуснах, в которых он проводил утро. Встав с постели резко, будто и не собирался засыпать, а лишь прилег ненадолго, но только семь часов тому назад, он оглянулся. Обнаружив себя в комнате, заполненной светом как туманом, серым и смягчающим очертания.

"Пасмурно, впрочем, как всегда..."

Подойдя к широкой трещине, тянувшейся от пола до потолка, Люций провел рукой по краю, где торчали обломки кирпичей и камней известняка. Он вытащил один отваливающийся камушек и раскрошил его об кирпич.

"Интересно, думали ли о вечности те, кто строил эту цитадель?"

Из щели были видны облака, надвигающиеся на город, несущие с собой метель и серый оттенок затмения, словно вводя сражение в сон.

"Какой кошмар... и дал я ему здесь столько воли только по той причине, что ужасающая тоска душит меня, и вот-вот я взлечу на солнце, чтобы оно сожгло меня своим теплом. Если бы было больше смысла в моей жизни, не убил бы я его в одно мгновения там, во тьме катакомб?"

— Где же мой пленник?

Стена была скользкой.

Плавно скользя по ней рукой, всегда держась к ней ближе, Стратоник медленно спускался по ступеням вниз. Он был уже ниже пыточной, где его держали местные уродливые обитатели. Он взял с собой свечку и кремний, которые обнаружил рядом со своей кроватью в новых покоях.

"Теперь они держат меня более почётно. Хотят взять меня этим. Вопрос в том... насколько я действительно благороден и честен. Удивительно, каким неблагородством будет вестись на столь благородное обращение. Через какое время эти существа, возможно бывшие когда-то людьми, утрачивают способность понимать чувства и мысли человека? Эти демоны, они похожи на нас во всем, лишь с той разницей, что лучше понимают жажду и страх. Или тёмные силы, завладевшие их телами, не меняют их души, а лишь дают им проявить свою худшую сторону? Вот, почему жрецы называют демонов падшими. Они падают в темноту..."

Темнота была настолько плотной, что казалась осязаемой, и в какой-то момент начала казаться живой; Стратоник словно слышал ее мысли, переливающиеся пятнами. Тьма была абсолютной. И хотя холодный разум знал о прикосновении руки к стене, но хотел посмотреть на руку, и не было руки, а одна лишь тьма.

Она обволакивала его.

Проход.

Рука нащупала углубление в стене.

Звуков здесь не было.

"Что там дальше?"

Попробовав ногой поверхность впереди, Стратоник обнаружил, что ступени ниже

продолжаются и могут привести ещё куда-то, но он решил заглянуть в этот этаж, проверив сперва его.

Спустившись на колени, он высек искру и зажег свечу.

Далее коридор вел в небольшую комнату, заполненную книжными шкапами. Это было просторное книгохранилище, вырезанное в скале, как саркофаг, но лишь для книг, их знаний и мудрости.

Шкафы были с толстыми полками, невероятно массивны, словно по духу своему созданные для обороны книг, а не их хранения, и крепились на железные штыри из пола,

Здесь кругом была пыль и затхлость.

Пройдясь меж книжных шкафов, идущий стройными рядами, он подносил свечку то к одному, то к другому фолианту, многие из них были написаны на других языках или на более древнем диалекте, который было трудно понять. Ни одного хотя бы приблизительно понятного названия, какие-то названия звучали похожими на слова, произносимые жрецами в тех глубокомысленных тихих беседах, что Стратонику довелось краем уха подслушать, пребывая по своей службе в библиотеке.

Он взял одну книгу, раскрыл и обнаружил в ней монолитные тексты без абзацев и делений, местами без каких-либо знаков, буквы сливались в единый поток, измененные, вроде знакомые, но написанные иначе, теми, кто, наверное, мало был похож на современных префекту людей.

Не нашлось других ходов из этой залы.

"Нужно смотреть дальше."

И Стратоник уже хотел поспешно выйти, как обнаружил небольшое высветленное место над одним из книжных шкафов.

Засмотревшись на него, Стратоник вдруг вспомнил странное изречение, звучавшее прерывисто и твердо, и он прошептал его одними губами.

Место стало светлеть.

Застыв на месте, человек стал всматриваться в это осветление, отодвигая свой разум от наблюдения. И вскоре он ощутил, как белое пятно вмещается в единую точку, а точка внезапно распространяется на весь мир.

Шорох.

Где-то упал фолиант, который неудобно был поставлен обратно на место.

Вырвавшись из оцепенения, Стратоник увидел, как белая плита сдвинулась внутрь и слегка повернулась в одну из сторон, как открывающаяся дверь.

"Неужели сработала та техника, которой меня обучал Протелеон?"

Он быстро подошел к шкафу, взобрался по полупустым полкам. Далее с большим усилием, Стратоник подвинул плиту.

Проход был свободен. Там была тьма узкого прохода, в котором можно было передвигаться только на четвереньках.

Вверху слышались шаги.

"Потушить свечку."

Шум был ещё очень высоко наверху, но в абсолютной тишине даже издали он дошел до Стратоника, который легко спрыгнув, метнулся за свечой и, сдунув огонёк, ретировался в проход в стене.

Такие же тяжелые усилия понадобились, чтобы двинуть плиту обратно, спрятав проход.

И вновь поедаящая всего человека темнота.



Собственные черты растворились и сознание стало блуждать, едва не отделяясь от тела.

"Сейчас я забрался сюда... а они там, наверху. И я все ещё у них в плену. Никогда не смей думать, что они не хуже или не лучше нас. Многие, кто так говорил про самые разные войны, предатели, проклятые матерями истреблённых детей, жителями сожженных деревень, умершими от голода крестьянами, чьи поля были вытоптаны врагом... Не смей так думать, до конца."

Он все полз по тоннелю.

"Надеюсь, Стратоник, тебе не придется говорить это себе хотя бы ещё раз, ведь ты подумал иное... ты подумал что-то, когда, держа обломок меча, увидел, как смотрел он на тебя. Нет, не пытайся найти что-то для себя в этом взгляде, это такой взгляд, который направлен внутрь, он не для мира или кого-то другого."

Тоннель петлял, внизу, под рукой иногда удавалось нащупать железо и какие-то решётки.

Гул.

Шум.

Внизу были слышны звуки.

То был множественный шорох и чавканье, кто-то копошился внизу, в непроглядной черноте, их было много, еле слышные нечеловеческие хрипы и всхлипы.

"Кто это? Неужели там внизу что-то, что выращивают демоны? Звуки похожи на то, как едят животные..."

Полез дальше.

Коридор петлял, поворачивал, было ясно, что почти все повороты вели налево. Он двигался по дуге, проползая над многими комнатами одного этажа, но как в них попасть ещё не было ясно.

"Рано или поздно, они найдут тебя, и ты должен попасться им не в тот момент, когда попадешь в этот тоннель, иначе они узнают то, что узнал ты, использовать это будет невозможно."

Наконец вертикальная штольня.

Ни вверху ни внизу нет света.

Зажег свечку, решил передохнуть.

Высунувшись, Стратоник дал маленькому тёплому огоньку согреть кусок вертикального пространства, и обнаружил тогда, что вдоль стен друг против друга идет снизу на верх множество углублений. Выше и ниже еле виднелись проходы на другие уровни.

"Похоже это все-таки вентиляция, не знал, что она есть в цитадели..."

Где-то вверху очень смутно слышались стоны нечеловеческой боли. Далеко внизу раздавалось короткое мычание.

"Ладно, пора отсюда уходить. Я ещё вернусь сюда. Быть может."

Проделав весь путь назад, Стратоник остановился у плиты и стал прислушиваться внимательно. В комнате не было движения или чьего-то присутствия. Тогда он постучал костяшками пальцев по плите. Но никто не отозвался внутри.

Вылезти было не сложно.

Теперь предстояло пройти по лестнице обратно наверх и вернуться незамеченным в свои покои. Цитадель была огромна, блуждая по кольцевым коридорам верхних этажей, Стратоник обнаружил множество лестниц, помимо центральной, это были узкие каменные ступени, попадающиеся в лучевых коридорах, ведущих меж комнат к пристройкам цитадели,

в которых также были разные лестницы и проходы.

Пробираясь по ним, прячась от патрулирующих существ, Стратоник ловко блуждал в своих интересах, запоминая новые для себя комнаты и их обновленное использование.

Все когда-либо бывшие здесь письменные столы были по большей части складированы в нескольких больших помещениях, архивы были разворочены и в них воцарился бардак, арсеналы с оружием были пусты, а просторные залы и кабинеты превращены в личные покои, в одном из которых теперь жил и Стратоник, неподалеку от прочих демонов.

"Демоноиды ответят за эту наглость..."

Коридор.

Последние бесшумные шаги.

Стратоник толкает одну из массивных высоких дверей, оставленных им закрытыми.

В покоях, на его постели сидит Люций и медленно листает небольшую книгу.

Это был трактат "Стратегия", написанный неким безымянным полководцем города двести тридцать семь лет тому назад.

Оторвавшись, Люций поднял взор на вернувшегося.

Морозы крепчали, а ночи становились дольше. Тварям было на это плевать, но в покоях Стратоника разводили огонь в старинной печи, встроенной в огромную квадратную полуколонну. Свечение из этой печи давало понять, насколько огромны эти покои, устроенные в зале, где сидело прежде множество людей, занимающихся управлением колоссальных территорий, принадлежащих городу. И посреди этого помещения располагалась на большом расстоянии от входа малая в сравнении с окружающим пространством кровать, на которой и сидел Люций.

Демон положил книгу обратно на прикроватную тумбу, которую сам незадолго до того велел принести в эти покои, а также письменный стол и стул, поставленные тут же рядом, и на который Стратоник при входе метнул изумленный взгляд.

— Ты куда-то отходил, Стратоник? — как бы невзначай.

— Да, — человек медленными шагами приближался.

— Куда же?

— Я любовался видом из окна в пристройке, — Стратоник попытался прибавить в голос драматичную нотку, глаза при этом чуть опустив, пытаясь рассеять их взгляд.

— Истосковался по внешнему миру?

— По свободе, — он подошел к столу и провел рукой по его гладкой поверхности.

— Ты в плену всего лишь считанные недели.

— И это мучительно. Кому-то и мгновения хватает, чтобы ума лишиться, — глаза двинулись, открыв на белках красную кровавую молнию, символ напряжения.

— Но не от заключения, тем более столь мягкого, какое мы даровали тебе.

— Даровали заключение? — нахмурился Стратоник.

— Да. Это наш тебе подарок, главным образом мой, конечно. Но подарки надо ценить, особенно если этот подарок твоя собственная жизнь.

— Мою жизнь мне подарил мой бог, а также мои родители.

— Твоей жизнью, — сухо говорил Люций, — распоряжаются все сверху по цепочке.

Стратоник улыбнулся.

— Неужели ты такой видишь нашу систему управления?

И Люций улыбнулся в ответ.

— Неужели она недостаточно хороша, чтобы быть такой?

Успокоившись, Стратоник позволил себе подойти к столу и взять стул, чтобы сесть на почтительном расстоянии от Люция.

"Что же хочет от меня этот хитрый выродок?"

— Читаешь эту книгу?

— Да. Здесь очень интересные и дельные советы по осаде, описываются разные механизмы, способы. Крайне интересно.

— Да, — на этот раз, хоть и блёкло, но искренне улыбнулся Стратоник, — в свое время я читал её взахлеб. Книги... это связывает меня с Башней.

— Почему ваш город так называется? Башня...

— Когда-то здесь была только цитадель, и её было видно далеко.

Люций встал.

— В этом что-то есть... Знаешь, раньше у меня было не так много времени для этого, — и он добавил почтительно, — Не откажешься ли ты пообедать с нами? Я, Табия и Элой, мы собираемся в северной пристройке.

— Да, не откажусь.

"Разве могу я отказаться от вашего мерзкого общества?"

Они встали и пошли.

Идя по коридору двое, сохраняли тишину, нарушаемую ползанием крылатых тварей по потолку, появлением крыс и странными криками где-то в глубине помещений; пока наконец не вошли в коридор, ведущий от главного кольца на север, к пристройке, где за острой аркой прохода открылся просторный продолговатый зал, украшенный полуколоннами, а против входа в нем были в ряд расположены высокие бойницы, не слишком высокие здесь были своды, и сам зал был представимого масштаба. По середине здесь стоял длинный стол, на другом конце которого по обе стороны от главенствующего кресла расположились Элой и Табия. Вся мебель была резной, украшенной головами разных рогатых животных и причудливыми заостренными узорами. По периметру горели факела, а на столе в ряд горел десяток подсвечников. Этот зал утопал в огоньках, как поляна в светлячках, только не слышно было их родного стрекотания, только алчно-подлый смех немногих собравшихся.

Оглядев все это лаконичное великолепие обстановки Стратоник улыбнулся глазами.

"Постараемся вести себя непринужденно, как и прежде. Демоны только и ждут, что потеряешь баланс, они разорвут меня при любом удобном случае. Или это всего лишь моя умственная уловка?"

— Префект, проходи и садись с нами, — сказал Люций.

Чему и последовал Стратоник, сев рядом с Элоем. Во главе стола же сел Люций и громко хлопнул в ладоши. Появились служанки, казалось бы, обычные девушки, с довольно невзрачной, но милой наружностью, одетые в простые столы с рукавами, и подали обедающим салат, а также расставили блюда с нарезками из различных сыров и фруктов, разлили алое сладкое вино по серебряным кубкам.

И такой кубок поднят был Люцием с самодовольным видом:

— За победу.

— За победу! — подхватили Элой и Табия и все трое осушили кубки.

После же них, взялся за кубок и Стратоник, и сказал:

— За нашу победу, — и выпил, уже после того, как все поставили свои кубки.

В недолгую паузу Табия, Элой и Люций с интересом смотрели на Стратоника, который, не обращая на них внимания, приступил к салату, взял себе кусок сыра, надломил

хлеб и закусил им, а затем сделал ещё глоток, столь восхитившего его своим вкусом вина.

Человек наслаждался.

"Не слишком ли нагло это было? Впрочем, я не мог повести себя иначе. Есть предел даже мнимой любезности," — подумал Стратоник, пронзая взором зал и небытие.

— Кхм... да, хороший тост, — сказала Табия, смущенно улыбнувшись и посмотрев на Люция, тот обменялся с ней взглядом, полным таинственного понимания.

На считанное мгновение Табию обдало тепло, но она вернула себя в холодное сознательное состояние.

Для человека же здесь было холодно. И внутреннее тепло, накопленное за время пребывания внизу и в покоях, согретых пламенем печи, стало постепенно покидать Стратоника, от чего тот стал пить больше вина, в надежде сохранить хотя бы ощущение согревания.

"Напряжение растёт..."

— Здесь есть печь? — спросил он Люция, — Я понимаю, что вам все равно, но я скоро окоченею.

Вновь громко хлопнул в ладоши Люций.

Служанки вошли и стали копошиться у стенной печи вблизи входа.

— Ты теперь... выглядишь более расслабленным, Стратоник! — добродушно сказал Элой.

Ныне у человека было больше времени разглядеть и детально запомнить черты того демона, с которым он вел неоднозначную беседу в недалеком прошлом, но не успел запомнить эти черты, выражавшие радость жизни, этот самую малость вздернутый нос, большие зелёные глаза, гриву русых волос, вечно улыбающийся рот.

— Отдых приносит пользу мне, а до того я только и делал, что неустанно занимался делами моего войска.

— Больше тебе не придется этим заниматься, — произнес Элой.

— Надеюсь, что ты не прав, — Стратоник улыбнулся, пытаясь взять внешне тот же тон добродушия, что и Элой.

— Здесь будет какая-то музыка? — спросила Табия.

И вновь Люций хлопнул в ладоши.

Вошли другие служанки, с арфой, флейтой и несколькими другими струнными инструментами. Началась протяжная музыка, с лаконизмом в отдельных точных звуках и зловещим отрывистым звучанием, менявшим темп от неспешного и почти заторможенного, до агрессивно-резкого.

"Странная музыка у них... от неё так и хочется погрузиться в свои мысли."

— Стратоник, — начал Люций, — я хочу, чтобы завтра ты прошелся с нами по захваченным районам города.

— Для чего?

— Мне интересно то, как будешь ты смотреть на развалины родных кварталов.

— Люций, — с укором произнесла Табия.

И Люций со спокойной добротой посмотрел на неё:

— Ничего оскорбительного в этом нет. Но я лишь хочу услышать его мнение.

— Мне тоже кажется, — вмешался Элой, — что такая прогулка ни к чему. Не будем же мы хвалиться ему разрушениями, что учинили наши огрубевшие воины?

Взвывла протяжно флейта.

Но Стратоник только молчал, вглядываясь в разрытую яму тяжелеющего разговора, поедая пресную закуску, делая мелкие глотки сладкого вина.

— Видишь ли, — Люций как будто чуть виновато увел взгляд в сторону, властно поигрывая кубком в руке, — нет у меня желания показывать Стратонику те или иные груды камней и говорить, вот, посмотри, что мы сделали с твоим домом. Нет. Недавно я размышлял о нашей миссии...

"Миссия? У них есть миссия... это интересно!"

— Когда будет смена блюд? — с набитым ртом спросил Элой.

Хлопнув в ладоши, Люций продолжил:

— И мне кажется, я начинаю видеть её проявления в наших действиях. Наша миссия не состоит в абсолютном разрушении всего, но в преобразовании этого мира. И когда сейчас, я блуждаю среди улиц, потерявших свой облик, я обнаруживаю людей, и в их глазах, я вижу отражения всего нашего великого похода. Люди на захваченных территориях, они меняются.

Началась смена блюд. Принесли приготовленное разными способами мясо, обильно украшенное зеленью, затем соусы, острые, сладкие, а также новые напитки из горячего вина, мёда и пряностей.

— В чем же изменения? — неожиданно спросил Стратоник, перехватив внимание Табии и Элая.

Музыка замолчала.

— Судьба, — пауза, и мелькает задумчивая улыбка, — Когда они видят наш поход, они видят воплощение судьбы. Их отношение к миру меняется. Пережив наше завоевание, эти люди ощущают себя иначе. Возможно, до этого, до поражения, люди, и то же было в Стремительном и в Океанических вратах... меняя обличье, я бродил там, среди людей, а до начала войны, я был вхож в некоторые круги в этих городах, и я видел людей деловых, — речь демона становилась все более серьёзной по своему тону, казалось, говоривший придавал значение своим словам, в них появилась некоторая не деланная торжественность, — Они мнили себя хозяевами нарождающегося мира. Все тогда говорили мне о силе некой магии. Передовые умы, ведущие за собой общество, наперебой толковали о грядущей силе человеческого разума, о новых открытиях в искусстве использования его скрытых до сих пор возможностей. Я уверен, даже сейчас в вашей Библиотеке, судорожно продолжают эти исследования, и я думаю, вы видите в них последнюю надежду. Я не прав?

— Ты прав, — Стратоник улыбнулся искренне, впервые за долгое время, он редко держался искренне, но в этот раз слова демона действительно принесли ему странное, но удовольствие.

В ответ Люций улыбнулся глазами и, сделав глоток, продолжил:

— Ты увидишь в людях иное отношение к миру. Они покорились и готовы занять в нем свое место. Мы ведем войну не с вами. Мы ведем войну с вашими амбициям.

— Боги недовольны, — вмешался Элой, пытаясь сказать это, как ему показалось, более понятным для человека языком, — Они недовольны тем, что люди стали столь наглыми. Нельзя бросать вызов богам!

— Выпьем за это? — предложила Табия.

Все четверо подняли кубки, чокнулись ими и осушили до дна.

И вновь грянула мелодия, на сей раз весёлая и непринужденная.

— Так что скажешь, префект, ты пойдешь со мной?

— Пожалуй, соглашусь. Мне нужно знать, во что ты превратил мой город.

"Что же ты мнишь о себе, нелюдь? Неужели ты уже видишь себя проявлением судьбы? Немыслимое самомнение... только распаляет желание побыстрее скинуть тебя с твоего абсурдного пьедестала из наших костей. Монстр, ты будешь раскаиваться, вспоминая свои же собственные амбиции, а говоришь нам о наших... Ох, как же это вкусно."

Жадно поедая Стратоник мясо, не чувствуя себя уже скованным ни тяжелым разговором, ни пленом, ни компанией существ природы, враждебной его собственному существу.

"Как же легко, человек, ты забываешься в удовлетворении своих жалких нужд... я вижу это по твоим глазам, по твоим движениям. Как же вы люди, все-таки, слабы."

Согретый винными напитками и огнем печи, Стратоник ощущал наступавшее расслабление в своём теле и сознании. Будто разум его обдал вихрь из пожелтевших листьев, и с ними он окунулся в желтеющие, красноватые дюны опадающей серьёзности.

Обстановка становилась все более дружелюбной.

— Мне хотелось бы верить, — начал Стратоник свой развернутый ответ, — что в глубине души своей ты уже нашел то место, где ошибся, и теперь из него в тщетных попытках создать смысл, ты вытягиваешь нечто, что говорит мне о тёмной стороне твоего ума. Над такими вещами ты распростер свою мысль. Она осядет на них, как тонкая шелковая накидка. На вершине мыса хочется встать тебе, чтобы мир волнами разбился об этот мыс. Уже ли ощущаешь ты себя так?

— Да, — Люций поставил кубок, — ты довольно точно описал мои ощущения, но не мысли.

"Действительно, так я видел себя... в какой момент я возвысился настолько, что люди перестали быть отдельными лицами и слились в один большой океан, который я преодолеваю, и который окрашивается красным!? Проклятье..."

Изредка беря кусочек сыра, Табия внимательно слушала их разговор, а Элой жадно уплетал мясо.

— У тебя были похожие мысли? — прервал паузу демон.

"Да? — подумал вдруг Стратоник, — Наверное так. А... Теперь я понял. Амбиции. Ты говорил об амбициях. Да, я понял тебя. Я только что внутренне возмутился тем, что было отражением меня."

— Да, — С грустью отвечал человек. — Я хотел бы тебе сказать, чтобы ты не нашел однажды это ошибкой. Это, то, из чего выводешь ты свои рассуждения, из того главного, что спрятано глубже всего. Это лишь один из оттенков того, что очень правильно для тебя или для меня. Сейчас я сижу с тобой, пью вино, ем мясо. Завтра, возможно, вырвусь и мы вновь скрестим мечи.

— Мне кажется, — в очередной раз вставил Элой, — вы друг друга не понимаете, а скорее ощущаете.

— Возможно и так, — согласился Стратоник.

Тогда человек взялся за кубок, стоящий на столе, откинулся на спинку стула и направил свой взгляд в темноту собственных образов.

"Я вижу... вижу залы. И ряды воинов. И белый свет из гигантских врат. Вижу колонны. Вижу марш. Вижу поля пшеницы. Слышу, как поют женщины и мужчины. Слышу хор. Это прекрасно. Новая сила человека. Похоже и ты видел это когда-то... но потерял. И теперь образы твои помрачнели, мутировали от ненависти и выродились в те орды уродцев,

которые ты насылаешь на нас из своего гнева. Это избранный гнев, торжество твоей обиды. Но откуда эта обида? Ты видишь в своих мечтах кару для людей. Что изуродовало тебя так сильно?"

— Мы вернемся к этому, — заключил Люций.

---

Библиотека пуста.

Один по ней ходит Таврион.

Подходит к большой чаше с водой и смотрит в ней на свое отражение. Затем поворачивает свой мужественный лик кверху, чтобы умыть его в лучах луны.

Этот свет спустил образ, от которого сжало грудь.

Милovidные нежные черты лица, украшенные скорбью.

"Психея."

Днем он управлял ветром мечей, а ночью становился в душе своей ветром одного мечтания, летящего над ночным полуразрушенным городом.

"Если я приду завтра."

Что давало повод думать, что получится.

Дерзкий замысел.

Боль.

Страх.

"Старые чувства, их разбудили, как свет будит меня в постели. А когда я последний раз спал в спальне своего дома? Дождя бы сюда. Решено. Приду. Брат, не брат..."

С глубокой как озеро грустью Таврион опустил глаза, чтобы мрамор отражением воплотил в них серое, в глубине злое, удовольствие нежной тревоги.

"Как ребёнок..."

Генерал сделал шаг и услышал скрип своих сапог, звук был приятен воинскому уху.

"Иду."

Таврион пошел один.

Преодолев освежающий в ночи лабиринт из узких переулков, где одинокого путника не схватят драконы, вечно бороздящие небосвод, генерал предстал перед массивными дверями и постучался в них. Охрана, стоящая у ступеней, узнав военачальника, продолжила тихо сидеть, подкидывая дров в костер большой бронзовой жаровни.

Дверь открыла юная рыжая служанка блёклой наружности, сразу узнавшая генерала, уже бывавшего в этом доме многим ранее.

— Проведи к госпоже.

— Госпожа спит.

— Тем лучше.

Не смея ослушаться высокого господина, рыжая девочка закрыла за ним дверь, впустив его в темноту дома, и далее провела через залы среди колонн к покоям.

— Благодарю, можешь идти.

Девочка послушно удалилась.

"Грёзы ведь тем прекрасны, что в них все так легко."

Раскрыл двери.

Внутри уже ждал взгляд замученных глаз, приглашающих к обоюдной блаженной тоске.

"Взгляды твои не врут, Психея."

---

— Стратоник!

Раздался далеко в коридоре весёлый голос Элая.

После ужина ещё долго бродил Стратоник по внутренним переходам цитадели. Цитадель была огромна. Выше от срединных уровней, где располагались покои пленника, другие этажи были украшены лучше, а коридоры в них были более извилистыми, комнаты там имели ломанные стены и разные фигуры в плане, кругом там возвышались статичные статуи богов с головами быков, козлов и орлов, символизирующие в том числе вечность загробной жизни.

Стратоник стал проводить много времени, разглядывая эти скульптуры и другие украшения. Он заглядывал в глаза из черного мрамора с серебряными веками и разглядывал в них сотворение миров, кары народов, и грустящую волю бога, которая свешивалась властной рукой когда-то с подлокотника трона, перед коим опустевший тронный чертог, а за окнами перевозанный мир. Честь и слава этим временам, когда эти боги возможно жили, и могучие герои ходили по земле, прославляя их.

"Боги жили... Восхитительно. Они жили здесь. Возможно, эта цитадель построена на основании их дворца."

— Стратоник! — крикнул Элой, совсем близко.

— Элой? — человек развернулся.

В этот момент демон, как скоморох сделал колесо и встал, широко расставив ноги, гордо уперев руки в боки.

— Ты как шут, — сухо сказал Стратоник.

— Да! — Элой не только не обиделся, но рассмеялся.

— Что же интересного ты захотел поведать мне?

— Хотел показать тебе одно место.

— Я вижу, Элой, в твоих глазах, что ты хочешь ошарашить меня самой черной мерзостью.

— Да! — крикнул Элой и вновь взорвался самым добродушным и радостным смехом.

"Демоны... Вы ошметки действительного величия тёмных богов великой древности."

— Посмотри на это, — сказал Стратоник.

— Статуя господина, — с выражением почтения на лице Элой встал ровно и обратил внимание к статуе.

— Вы называете его господином? — изумился человек.

— Наш древний владыка. Когда-то давно, когда мы были людьми, мы поклонялись ему, наш культ был малочисленным. Но наше учением сделало нас теми, кто был избран.

— Кем избран?

— Спроси у Люция.

— Я спрошу у него, Элой, это важно.

— Пойдем сейчас, — демон продолжил отвлекать от темы.

— Куда же?

— Иди со мной, сюда. Мы спустимся на нижние уровни.

Двое пошли, прокладывая путь светильниками. Мимо изредка молча проходили прислужники, где-то пробежал поджарый остроухий пёс, сверкая глазами из черноты.

— Стратоник, ты ничего не заметил в нашем поведении?

— Наблюдаю легкость. Причина тому ваше наступление. Многократные победы делают вас расслабленными, что-то сверкающее они привнесли в вашу манеру держаться, широту и



снисхождение.

— Это... это не все. Я говорю... о чем-то более поверхностном и вместе с тем более глубоким.

— О чем же?

Беседующие прошли мимо огромной скульптуры ангела, разрывающего пасть льва, подножие и некоторые черты пали под играющий свет, остальное осталось величественно сокрыто в почтенной тьме высоты.

— Стратоник... — демон замолчал и поник.

— Элой? — человек повернул к нему голову и дотронулся рукой до плеча.

Демон не отреагировал, продолжая выдерживать ведомую ему одному паузу.

— Мы умираем, Стратоник.

Человек задумался, не давая лицу явить злорадство.

"Жаль, что так медленно, жаль, что вы так не скоро умираете, а это было бы кстати. Но в чем суть это процесса, быть может я помогу вам его ускорить?"

— Вам ведома смерть?

— Это не телесная смерть... — голос Элоя стал грустным, — мы умираем душой.

— Но в последней беседе Люций показался мне таким оживленным.

— Он единственный из нас, кто ещё сопротивляется.

— Но я видел многих, там в горах. Видел веселье в их глазах, радость в лицах, слышал смех.

— Я отведу тебя к ним снова. Ты увидишь.

— От чего же это происходит?

— Если бы я знал наверняка, то пресек бы болезнь в её корне. Но корень мне не ведом.

— Неужели вас губят страдания? Или вам настолько скучно от вашей победы?

— Не злорадствуй, Стратоник.

— Я лишь подыгрываю тебе в твоей же злобной шутке.

— К сожалению это не шутка.

Двое остановились.

— Элой, я не вижу, чтобы вы умирали, — в голосе Стратоника появилась грозность, он уперся взглядом в Элоя — Не вижу, чтобы вы хоть малость ослабляли хватку. Ваши силы штурмуют наш последний город, уже превращенный в развалины. Мои сограждане кладут жизни там, сотни жизней каждый день, даже сейчас, пока мы ведем эту беседу, пытаюсь отстоять последние груды камней. Нет. Элой, вы не мертвы.

— Да. Орда наступает постоянно. Армия есть машина. Мы запустили её, и она сломала весь этот мир... она будет двигаться дальше, а мы... ты увидишь однажды, как мы повиснем на ней, как наши тела повиснут на ней...

— Буду ли я печалиться об этом, Элой?

— Я не пытаюсь вызвать в тебе сочувствие, это невысказано. Префект не поверит в такое.

— Тогда зачем ты рассказываешь мне все это?

— Потому, что не знаю, что мне делать...

— Как мило. Ты желаешь моего совета?

Элой повернулся к темноте, отбросил светильник и пал на колени. Его голос становился все тише и печальнее:

— Я не хочу победы в этой войне, Стратоник.

— Мне плевать, чего ты хочешь, Элой, — сухо ответил человек.

— Если бы я только мог заставить тебя увидеть во мне остатки человека.

— Если в тебе и был человек, он умер давно.

— Нет, я жив. Я был человеком, я помню какого это. Вспоминаю это все чаще. Мне становится все больнее.

— Твоя боль, моя отрада.

— Я мог бы разорвать тебя на куски, — он посмотрел на свои руки, на напряженные кисти, пальцы, как когти желающие схватить что-то, — не задумываясь, быстрое, великолепное убийство. Ты не боишься?

— Я префект войска. Мы на войне. Страх недоступен.

— Ты говоришь, как образцовый военачальник людей... — Элой опустил руки вниз и голову на грудь.

— Ты хочешь доказать мне, что ты человек?

— Хочу...

— Иди и умри. Человек истинно осознавший себя демоном, будет искать лишь смерти, чтобы не осквернять этот мир, что столь дорог ему.

— Нет, — тихий смех, — этого я делать не стану...

— Возможно не так уж ядовита печаль, отравляющая твою душу или то, что у тебя вместо души.

— Душа, Стратоник, она у меня есть.

— Чем тогда ты докажешь это мне?

— Я не хочу доказывать это, — он встал, развел руками и весело добавил, — просто однажды ты это увидишь!

В ответ ухмылка.

Двое пошли дальше.

Они спускались вниз узкими лестницами, короткими переходами, меж залов, среди колоссальных квадратных колоннад, меж божественных скульптур, выражающих первобытное величие. Пока наконец не подошли к заветному пролету.

Заглянув внутрь, Стратоник увидел узкий коридор со ступенями вниз, утопающими в темноте.

— Здесь ты пойдешь первым, — серьезно сказал Элой.

— Быть по сему.

И человек шагнул.

Спуск длился несколько минут, они ступили в глубину скалы.

"Я не помню этого прохода... я бывал в Цитадели, и даже в этом месте, но я не помню этой лестницы. Они создали её? Или вскрыли замурованный ход?"

Спустившись, обнаружил, что стены от кирпича перешли в горную породу, а поверхность под ногами от плит перешла к чистому камню.

Вокруг была темнота. Пустое пространство, лишь малую часть которого мог пожрать свет. И нельзя было оценить, насколько велика была эта пещера.

— Ты слышишь? — тихо спросил Элой.

— Нет.

— Прислушайся...

Стратоник замер и стал рыскать слухом в тишине.

Где-то внизу послышались шорохи.

Тогда Элой ступил вперед и оказался на краю пропасти, Стратоник подошел, когда тот бросил вниз свой светильник, и тот падала долго, после чего внизу упал, и там разбился, а луч света пал на конечности тех, кто копошился там внизу. Можно было разглядеть чьи-то свежие останки и руки, разбирающие их.

— Что это? — с отвращением спросил Стратоник.

— Сейчас покажу, — с этими возбужденными словами, Элой метнулся к стене и стал крутить там некое колесо, от которого шла цепь вверх, и где-то во тьме что-то стало спускаться.

Шум цепей.

Вопли внизу.

Животные крики.

Хрипение.

Тогда Элой нащупал у стены заготовленный заранее лук и стрелу, он подошел к Стратонику и зажег её, после чего сделал выстрел во тьму.

Попадание. Зажегся большой шар в железной клетке, похоже, смазанный чем-то, возможно, нефтью.

От него шел сильный свет, и падал вниз, освещая теперь трепещущее от яркости стадо похожих на человека сутулых существ с короткими ногами, длинными руками и непропорционально массивными челюстями, делающими их лица столь неблагородными. Серая их кожа, не знавшая дня, жирно блестела.

Твари поедали кого-то, среди останков Стратоник разглядел людей...

В сторону...

Рвота вылилась изо рта тугим потоком.

— Зачем...

Выронил светильник.

Свет устремился вверх.

Снова рвота.

— Бог мой отец!

Элой взорвался насмешливым смехом, окрашенным в безумную глупость, злоба которой раздавалась в черноту, маслянисто растворяясь в ней.

Омерзение и обида захлестнули Стратоника, он упал на колени в тяжелой отдышке.

И демон сказал свой зловещий комментарий:

— Мы кормим их людьми, а потом едим их!

Новый взрыв смеха.

Не выдержав, Стратоник сотрясся в щекочущем гневе, грудь ему сжало злобой.

Рывок.

Спрятанный нож...

Сверкнула сталь.

Удар!

Возвышаясь в напряжении Стратоник, наблюдал, как павший Элой приподнялся и, пролив изо рта алую кровь, с веселым безумством в глазах, тяжело вытащил нож из груди, и отбросил его в сторону.

Затем из спины демона выросли две пары призрачных черных согнутых теней крыльев и приподняли своего хозяина, и тот, как обмякшая туша, прикрывая руками рану в груди, свесив голову смотрел на человека.

Сперва ужаснулся человек, но затем сощурил глаза достал другой нож и приготовился к новому нападению.

Но встав на ноги, Элой взмахом двух крыльев, ставших явью, как хлыстами, отбросил Стратоника прочь; тот упал в десятке шагов, но сохранил нож в руке.

Сразу поднялся.

И выставил нож.

Грозной жизнью наливались вздувшиеся мускулы, видимые из-под разорванной тоги.

Дух борьбы в лице дышал злобой.

— Ты действительно опасен, — со снисходительным изумлением произнес Элой.

— Но не опаснее тебя, демон, — ответил Стратоник, и в голос его приходило успокоение.

Крылья постепенно исчезли, растворившись, как сон.

Демон подошел. Оставшись на почтительном расстоянии, он подал руку.

Стратоник смотрел ему в глаза, переживая ненависть, словно шелковая ткань его души прожигалась раскалёнными углями, а обрывки падали в бездну бессилия, ускоряющую свою холодную глубину.

Ненависть.

На миг весь мир застыл, превратившись в сплошную темноту, в которой сияла чистым горением одна только ненависть, как раскалённая луна, политая патокой скорби.

Только ненависть.

Но момент не мог длиться вечно.

Глаза Элоя вдруг наполнились нежностью.

— Я не убью тебя, Стратоник, ты ценен для меня, как напоминание о человеке внутри меня самого. Все здесь видят тебя именно так.

Ничего не отвечал человек.

Молчание длилось долго.

Стратоник закрыл глаза, лицо исказила боль.

"Живи. Они пожирают нас! Живи. Они... кормят откармливают животных нашей плотью! Живи. Я сказал тебе, жить. Ты должен. Ты не человек, ты должность, не смей сейчас оставить в себе хоть каплю чувств. Ты стоишь среди демонов и должен жить до того момента, когда сможешь нанести им удар, а до тех пор не смей считаться ни с какими унижениями."

Ненависть сменилась отвращением, стекающим по гневным взрывам в дно сознания, искры жгли грудь.

"Встань... пора идти отсюда."

Медленно и устало он поднялся и сказал:

— Ты мнишь, будто способен расправиться со мной, и неужели вовсе не считаешь, что можешь пасть от моей руки?

— Ты опасен в драке... — он ухмыльнулся, и отвел взгляд, — но это не значит, что я не справлюсь с тобой. Всё-таки... мы не равны.

Элой наконец опустил поданную для помощи руку.

— Да, и я не стал бы подавать руку тому, кто ест подобных мне. Тебе приходится прятать свою ненависть к нам, ты думаешь, что если мы не будем о ней вспоминать, то ты будешь в большей безопасности?

— Лучше умереть, чем пытаться скрыть презрение к вам.

— Это на самом деле... — Элой повернулся спиной и медленно зашагал прочь, продолжая свою речь, — то, что забавляет больше всего. Мы... Мы держим своего врага... И зная про самих себя, что мы монстры, именно к отдельно взятому противнику мы проявим уважение.

— В какой момент вы успели так проникнуться ко мне? — сухо спросил человек, убирая нож за пазуху.

— Возможно, когда увидели, как ты сражаешься. Телесное качество первое всего. Пойдем прочь отсюда, зря я показал тебе это место...

— Однажды, я распну тебя, — ухмыляясь сказал Стратоник.

И они двинулись прочь.

---

"Какое унижение... они едят нас, а теперь после смертельной драки, после удара, от которого он должен был только издохнуть, это чудовище протягивает мне руку. Это унижает всех, меня, его, это не рыцарство. Мерзкий абсурд! Бог, отец, прости мне это, я отомщу за унижение."

Думал, лежа на простой шкуре в углу гигантских покоев.

Где-то вдалеке мерцала искра свечи на столе.

Ещё дальше была дверь.

Никто не стучал.

Тишина.

Звенело в ушах.

Не долетали сюда отзвуки сражений. За толстыми кирпичными стенами спрятано другое общество, которое устроено на иных принципах.

"Как будто ты ждал другого от демонов."

Свеча погасла.

"Нельзя сидеть сложа руки?"

Глаза слипаются.

Никто не мешает.

"Что? Кто будит меня? Табия? Ну конечно я не мог не увидеть, как ты поглядывала на меня..."

Мысленно Стратоник представил, как дверь открывается, и нечто тёмное, но притягивающее с прекрасным человеческим обликом проникает в покои, медленно подходит и подле него опускается на колени, чтобы снять одежды.

Не было понятно, когда именно наступило утро, когда прошел день, сколько длился сон, но в один момент в покои вошел один из прислужников, чтобы провести префекта к главным вратам Цитадели.

Главные врата непропорционально возвышались. Прихоть бюрократской красоты. По обе стороны вращались в стены женские статуи, подпирающие перекладину над вратами. И эти врата открылись.

Свет зари воссоздал лик префекта, вытаскивая его из темноты.

Пред Стратоником на ступенях, уходящих бесконечно вниз, стоял, раскинув руки, Люций, черные волосы которого развевались на ветру, несущем пепел, а за спиной его лежали в руинах моря обгорелых камней, мертвое тело города в застывших кирпичных барханах кричало смертью молчаливо; обласканный пожарами воздух доносил запахи огня и гари.

Вдоль ступеней шла колоннада, где капители были украшены альми шарами, неизвестного камня, а по обе стороны от ступеней по склону стоял лес из копий, на которые были насажены обгорелые трупы жителей.

Вонь трупов стояла.

Но небо было чистым, насыщенным, словно сапфир.

— Отвратительное зрелище, не правда ли? — спрашивал демон, весело округляя глаза, выражая в растянутой улыбке восторг.

— Ты омерзителен, — сквозь зубы бросил Стратоник и пошел вниз, слуги последовали.

На что Люций только смягчил выражение лица и полузакрыв мечтательно глаза.

Пройдя вниз, они очутились на просторной площади, по окраинам которой оставались куски стен и колонн, где-то возвышались голые трубы печей, кучи мусора, лежали ещё трупы, бегали собаки, летали вороны большими стаями, а в вышине извечно кружили злые силуэты драконов, издающих свои вопли, похожие на орлиную смерть.

— Наслаждайся гибелью этого мира! — воскликнул Люций, показывая всем своим видом, что происходящее приносило ему не удовольствие лишь, но уже блаженство.

Гневным взглядом одарил Стратоник демона и пошел вперёд, чтобы забраться на гору из кирпичей, с которой были видны расчищенные руины и расчищенные от обломков дороги, по которым маршем двигались ровные колонны в черной броне, за ними же текла серокожая толпа в тряпье и шкурах, держа над собой лес копий, испещренная огоньками красных глаз, река искорёженных длинных рук, коротких ног, крупных челюстей, с которых текла слюна.

Хищная сила неестественных источников жизни несла вперёд вооруженные потоки.

— Резервы наши пребывают к стенам восточного района, — огласил Люций.

— Всю эту пададь ждет только смерть, — со стихающим отвращением проговорил префект.

— Они идут туда за этим, — насмешка ушла из речи демона, — эти существа не предназначены к жизни, только к смерти.

— Как мерзко должно быть, что рождается только за тем, чтобы быть раздавленным в бессмысленной мясорубке.

— Не думал, что услышу такое от префекта войска этого города! — Люций слегка изумился, затем добавил со злой ухмылкой, — не ты ли сам рожден для того же?

— Нет.

— Нет, ведь твоя мясорубка не бессмысленна?

— Я сражаюсь за мой город. Этот град моя родная обитель, и я буду счастлив защищать её по последнего вдоха.

— Твой город больше не имеет смысла! — злорадно крикнул Люций.

— Кто ты, чтобы говорить так? — гневно ответил Стратоник.

— Я победитель, — произнес демон, с лицом, являющим завершенное самодовольство, венцом которого стали глаза, в которых отражаются сказанные слова.

Тогда человек гордо закричал:

— Ещё нет!

И засмеялся раскатисто, словно гром сопровождал смех его, подавляющий весь мир.

— Я возьму этот город! Возьму, он будет моим!

— Не бывать этому!

— Ты увидишь, я заставлю тебя увидеть это! — он указал рукой на башню, — я снесу

эту сучку! Там не будет даже праха прежней власти. Наше господство в этом мире грядет, и уже никто не смеет это отрицать, кроме фанатиков и глупцов, — Люций протянул руку на север, — Теперь смотри туда.

Слева среди колонн стоял, возвышаясь огромный человекоподобный зверь: вместо ног у него были копыта, а голова его от быка, из пасти его вырывается со свистом дым, а бордовые глаза его светились. Быкоголовый стоял, опираясь одним копытом на основание разрушенного обелиска, и был вдвое больше окружающих его людей; на коленях они молились на него, пока тот гордо смотрел вперёд, созерцая мир, ожидающий его господства. Один из старцев встал среди всех и запел на древнем неизвестном наречии тёмный гимн зверю, тогда быкоголовый опустил одну руку меж ног и стал делать плавные движения, ускоряя их с каждой строчкой песнопения, ублажая себя в момент торжества своего тёмного культа, пока наконец не кончил и не взревел, бычьим воплем огласив начало новой эпохи. Люди стали кричать, рыдать и смеяться, а бычья голова не прекращала свой рёв, гортанные звуки которого сливались, словно из многих медных труб в один протяжный вопль.

Окружающие люди вторили воплю, их экстаз доходил до предела, они сбрасывали с себя одежды, доставали кинжалы и закалывали себя, а те, кто оставался жив, разрезали животы умершим и, разбрасывая потроха, обмазывали свои тела кровью. Бык брал и тех и других, разрывал на части, под крики боли, страданий и наслаждений, и пожирал сырое человеческое мясо. Шерсть быкоголового божества окрашивалась чёрным, искрилась, с неё текла смола, издающая пар. Бычья морда будто надломилась со страшным хрустом, челюсть стала шире и обросла множеством клыков, которые крошили пожираемую плоть; из пасти текла непрерывно кровь, и вскоре вокруг могущественного существа было красное озеро, в котором резвились с диким смехом оставшиеся люди, они вылезали из-за руин, раздевались и прыгали в кучи влажных останков, бросаясь ими, кидаясь, как снежками.

Когда быкоголовый закончил трапезу, его рога стали толще, из висков выросли новые, а из спины с хрустом вырвались на свободу гигантские крылья, подобные орлиным.

Крылья сделали взмах, отбросив нескольких людей.

И тогда мощнейший луч солнца ударил, засветив зверя. Но тот взревел, подняв морду к небу, которое на миг стало светлее, и со страшной силой оборвал свои крылья, и завершил ими свой черный божественный обед, какой не мог позволить себе ни один царь царей этого мира.

"Нет! Невозможно! Бог мой отец! Я не хочу видеть!"

Лицо Стратоника будто сползло вниз, отпадая от головы, так он чувствовал зверя, будто тот был высотой под ним, с которой он мог упасть.

— Да! Он вернулся! — с придыханием молвил Люций.

Демон сделал серьёзную мину и пошел к быкоголовому, Стратоник последовал за ним, выдерживая почтительное расстояние, между ними толпились слуги.

Люди вокруг быка разошлись в стороны, и тот пошел к цитадели, сотрясая воздух своей судьбоносной поступью. И пред ним предстал демон в черных одеждах и отвесил скромный поклон, исполненный подлинного уважения. Быкоголовый положил покрытую лоснящимся иссиня-черным мехом когтистую лапу на голову Люция и немного погладил, после чего шумно выдохнул со свистом дым из могучих ноздрей и пошел дальше. Стратоник был не в силах подойти к этому существу, он притаился за грудой камней, опустив одну из рук к сапогу, где спрятан был кинжал, и со страхом, подобным ожиданию падения неба, наблюдал, содрогаясь душой, за тем, как воплощение древней власти проходило мимо.

Весь ужас померк вокруг этого черного божества.

Могучая спина с кровоточащими обломками крыльев колоссального существа удалялась, но видна была сила, с которой нельзя совладать, каждое движение было проникнуто этой силой, и это подавляло.

Страх сменялся ощущением собственного бессилия, накрывающего, как волна самого страшного шторма, сбивающая и лишаящая опоры, чувство равновесия исчезало, а ощущения заполнялись сдавливающей лёгкостью.

Подойдя, Люций положил Стратонику руку на плечо, успокаивающим тоном продолжил зловещее пояснение:

— Он возьмет свой топор, который мы нашли в глубине цитадели в одном из саркофагов. Весь север снова будет в его власти, когда мы поднесем ему этот город, он перестроит его по своему замыслу, ты увидишь это, если покоришься нашей власти. Быть может, я возьму тебя с собой и покажу тебе все четыре обновленные столицы мира. Эти города уже никогда не будут прежними!

— Нет, Люций, это ужасно... — выдавил из себя Стратоник.

Вид его становился все более подавленным.

— Посмотри, Стратоник, представь только, — он радостно указал на Цитадель, корпус которой уходил вверх за пределы обычного взгляда, — это будет твой новый дом!

— Нет... нет... — только бормотал в ответ Стратоник, тщетно прокручивая в сознании образы, которые его сознание было неспособно переварить.

В эти минуты, он видел, как вернулся к торжеству ужас, который он сам не считал возможным до той степени, что его отсутствие понимал, как одну из опор современного ему мироздания. Но теперь ужас был здесь, и можно было прочувствовать его обжигающее дыхание.

Оглядываясь, Стратоник видел, как серокожие доедали остатки гниющих трупов, сновали как гиены, вытаскивая ещё дышащие тела из-под обломков.

Раздавленная душа из раздавленных осколков вдруг гневом растопленных слилась из руды отчаяния в расплавленный клинок ненависти, и разум охладил его, закалив форму для борьбы. Теперь Стратоник сосредоточился.

"Нет, гнев сжигает страх! Насколько бы не было великим это существо, оно будет уничтожено! Бог отец, клянусь тебе в этом!"

Человек смотрел на солнце, слепящее глаза, но наслаждался этим светом, в котором чувствовал руку высоких сил, ратующих за его тяжелую праведную победу, которая ознаменует истину.

Руку на плечо положил ему Люций.

— Теперь идем к домам, где ещё живут людей. Я проведу тебя по ним. Ты увидишь их перерождение, которое уже свершилось. Мы истребляем лишь треть живущих, остальные попадут в новый мир!

— Для твоего пропитания... — устало произнес Стратоник.

— Людей я не ем, префект, только благородных оленей.

— Что же ты делаешь с людьми?

Но ничего не ответил Люций, а лишь сжал в руках ткань плаща и потянул за собой Стратоника.

Демон, человек и свита стали пробираться дальше, среди рядов разрушенных колон, груд кирпичей, остатков стен, прочего мусора, покрытого снегом.



Бело-серо-черный пейзаж стонал в растягивающемся разрушении. Все здесь кричали о гибели.

Ветер усилился.

Делегация подошла к массивному трёхэтажному корпусу, прямому в плане, украшенному полуколоннами и высокими окнами, тянущимися сквозь этажи цветными витражами. Чудом уцелевшее здание было необычным для этих кварталов. Над входом висела таблица с красным глазом, веко которого чуть опускалось. Такие же глаза были краской выведены на окнах, и во многих местах на стенах.

"Видимо, так они помечают постройки, которые не следует трогать."

У подножия стен валялись замерзшие трупы тех, кому не позволено было найти здесь приют, торчали копья с насаженными на них заледенелыми головами.

Закричали команду.

У края дома мимо пронесся отряд серокожей пехоты.

Тяжелые деревянные двери раскрылись, впуская человека и демона в объятия теплоты. Свита наполнила помещение, смешиваясь со здешними прислужниками. Пятеро жрецов сошли по ажурной лестнице мраморных ступеней, и по полу из гранитных бордовых плит прошли, стуча посохами, к гостям.

Носивший самую длинную белоснежную бороду дряхлый старец визгливым старческим голосом приветствовал:

— Мы счастливы видеть вас, господин, в одном из последних уцелевших домов этого города!

— Жрецы! Вы зовете демона своим господином!? — с пренебрежением закричал Стратоник.

Старцы ничего не ответили.

Тогда Стратоник достал кинжал и, кинувшись к говорившему, нанес ему удар, оставив оружие по рукоять в груди, старец открыл рот не в силах издать звука или вздохнуть, пал, содрогаясь перед ускоряющейся смертью. Оставшиеся столпились вокруг него, сиюсья поднять и унести прочь.

— Стратоник! — запоздало Люций одернул того за плечо, и снисходительно добавляет, — обуздай свой гнев, это больше не твои люди.

— Нет! — кричит Стратоник, но затем выдыхает и пытается, как только может охладить свой разум. Руки его и голова опускаются, тяжелое дыхание выравнивается.

Тогда они прошли вдвоем далее, растягивая за собой свиту, переходя из одного зала в другой, где везде были гранитные полы и полотнища, завешивающие стены, серебряные светильники на высоких ножках слегка развеивали мрак просторных комнат. Везде здесь ютились люди, завернутые в множество одежд, чтобы согреться от крепчающих морозов, они жгли печи и жаровни, толпились вокруг них, ели свои скудные пайки. Их глаза смотрели в никуда, взгляды не соприкасались, чей бы Стратоник не хотел поймать, нигде не получалось. Никто из них не говорил, все только ели или сидели в углах, стараясь не издавать звуков.

"Нет... это конченные поломанные люди. Они ждут только смерти."

— Нет, Люций, я не вижу в этих людях способности жить дальше. Ты собрал сюда живых мертвецов. Ты переломал судьбы этих людей. Когда-то это был мой народ. Сейчас вижу я скорбь и внутреннюю гибель в каждом взгляде.

— Сейчас они в переходном периоде. В будущем ты увидишь их становление. Эти люди

только готовятся войти в новый мир. Ты ещё увидишь, как они воспрянут.

— Увижу, — громче отвечал человек, — когда мы выгоним вашу серую сволочь из нашего города.

Словно блёклыми куклами были набиты залы.

— Встань, — сказал Люций одному из мальчишек, сидевшему в углу, тот затрясся и поднял голову, — подойди ко мне.

— Не надо, — тихо добавил Стратоник.

Но Люций обернувшись лишь по-доброму ухмыльнулся ему:

— Подойти ко мне, не бойся.

Подошедшему медленно ребёнку, завернутому в несколько покрывал, демон протянул, поданную слугой, большую долю сыра. Ребёнок схватил её и, сделав один мощный укус, стал быстро, будто в страхе, отламывать куски и бросать разным детям, вылезавшим из-за спин взрослых, а те ловко ловили, делили ещё в своих кругах и жадно ели уже совсем обмельчавшие крохи.

— Благодарю, господин, — ребёнок бросился на колени и прижал голову к полу.

— Встань, дитя, и скажи мне, чего ты ждешь?

— Я... — не поднимая головы, — жду конца освобождения, господин.

— Что же, по-твоему, будет после освобождения?

"Освобождения? Какого освобождения?" — Стратоник нахмурился.

— Мир, господин.

— Какой мир?

— Прекрасный, как в сказаниях, господин.

— Что же это за сказания?

Ребёнок замялся, но потом ответил, все также выпаливая фразы:

— Про нового бога, господин! Эти сказки нам читают жрецы каждый вечер, когда мы ложимся спать, господин!

— Прекрасно, прекрасно, — покровительственно оценивал Люций, — держи ещё, — слуга подал мальчишке ещё одну долю сыра, — беги к своим.

— Благодарю, господин! — радостно крикнул ребёнок и, схватив кусок, побежал, чтобы затеряться среди греющихся людей.

— Префект, что скажешь?

— Ничего не скажу.

— Возможно, ты ещё не готов к увиденному.

— Не было во мне ожидания от тебя истинно глубинных изменений в людях, ты просто калечишь то, что смог заполучить в свои лапы.

— Префект, ты воспринимаешь эти изменения так только из-за своего страха.

— Во мне нет страха.

— О, нет, это уже пустая фраза. Я видел, как ты смотрел явление господина. Страхом ты пронизан.

"Разговор перетёк в невыгодное русло, пора отрезать эту тему действительно серьёзным ответом!"

— Лишь мои действия в бою покажут, остался ли во мне ещё страх.

— Быть по сему, — также серьёзно ответил Люций.

Делегация направилась далее по залам.

Во всем доме была одинаковая картина. Это был один большой муравейник в спячке,

покинутый надеждой и полный уныния, ожидания конца, но никакой новой жизни, так и не смог увидеть в этих людях Стратоник, даже когда искренне, хоть и неявно, попытался разглядеть это. Он также подходил к разным страдальцам, некоторые из которых узнавали его и тихо произносили звание, приветствуя взгляды, в которых смешивались терпеливый гнев, разочарование и затухающая признательность, ведь среди них попались ему бывшие солдаты, сложившие оружие уже в окружении.

Затем делегация покинула корпус.

Бродя среди гигантских груд камней, они обозревали новейшие достопримечательности захватываемого города: аллеи из распятых жителей, лабиринты полуразрушенных стен, озера заледеневшей крови, места жертвоприношений и пожираний человеческих останков, сборища серокожих, распевающих гимны неизведанным черным существам, которых почитали своими богами.

Через некоторое время Стратоник решил для себя, что достаточно окреп, чтобы сбежать в ближайшее время. Он тщательно запоминал изменившиеся очертания западного района, расположение лагерей, патрулей и дозоров.

---

Тянулись дни отдыха в покоях, сотканных из лоскутков света и тьмы.

Генерал и его приспешники были заняты завязавшейся на южном фланге ожесточенной схваткой за окрестности очередной башни, в которой жил когда-то уважаемый жрец, ныне уже погибший.

Из подслушанных разговоров Элоя с прочими демонами, удалось узнать, что там, на южном фланге, силы людей неожиданно разгромили крупную колонну серокожих, пройдя по ранее не раскрытым тоннелям, не соединявшимся с общей системой городских катакомб.

"Теперь я должен уйти отсюда... Я прочел все их карты, их разум действительно в упадке, судя по тому, что они позволили мне сделать все это, и до сих пор держат за почетного пленника несмотря на то, что я всего лишь передавал поручения и собирал обоз для войска. Или настолько уверены в своих силах, что им уже настолько на все плевать?"

Вскочив с постели, Стратоник быстро надел на себя несколько туник, ноги обернул тканью, одел поверх тёплый плащ с капюшоном, и прихватил с собой краденный меч и мешок, содержащий немногие запасы сушеного мяса и вина.

Коридоры сменялись другими коридорами, изученные переходы сменялись крутыми лестницами, залами, полными скульптур, и далее колоссальными колоннадами, прячущими беглеца в тени от проходящих мимо слуг, пусть и не вооруженных, но могущих своими глазами нарушить тайну бегства.

Наконец он нашел ту самую узкую винтовую лестницу, по которой спустился, попадая в заветный коридор.

Здесь он зажег факел.

Глазам открылся путь к спасению.

Шириной в телегу проход, которому конца нет, и потолок его уходил ввысь. Под ногами плескалась от шагов тухлая вода среди камней и кирпичных обломков, покрытых мхом.

Вскоре показалось серое пятно, медленно превращавшееся в свет от щели в стене.

Но в этот момент нечто зашевелилось под ногами; Стратоник увидел закованное в потускневшие латы тело, заваленное камнями, в спешке он стал раскидывать камни, освобождая страдальца, пока тот не смог поднять головы, закрытой шлемом с прорезью, в которой были видны белки без зрачков.

Вонь вдарила.

Кислотный аромат трупа обдавал своим омерзением.

Поморщившись, Стратоник в страхе отпрянул, испытывая одновременно жалость и гнев.

— Что ты!?! — зашипел префект.

— Я один из рыцарей... — прозвучал удивительно мягкий и спокойный голос из-под шлема.

— Неужели жизнь ещё есть в тебе? — негодовал Стратоник.

— Демоны... — голос временами ослабевал и был неровным, — они умерщвляют тела, а затем запирают душу внутри. Я не хозяину этому трупу, но я навечно здесь.

"Не связан ли ты с демонами, и вытащив тебя отсюда, не попаду ли я в беду?"

— Ты пытался сбежать отсюда?

— Да... но демоны настигли меня...

— Жестоко.

— Не печалься обо мне... больше я не чувствую ничего. Мне только бывает грустно иногда...

— Но для чего демоны запирают души в телах?

— Мы понадобится им позже. Я не успел узнать... как именно... но они намерены использовать нас для усиления своей власти.

— Я остановлю их! Скажи, можешь ли ты идти?

— Беги, не трогай меня, выбирайся отсюда.

"Да, думаю, что не смогу утащить на себе живой труп."

— Жди дня нашей победы, эти твари не получают твоей души!

Произнеся твердо последние слова, человек встал и побежал на свет.

Вблизи наконец щель испускала яркий свет свободы, и Стратоник вошел в него, выйдя на узкую тропу, идущую вдоль склона на запад.

Небо, затянутое пасмурными тучами, испускало успокаивающий снег.

Перед глазами был мир, он распростерся далеко, были видны леса, русла высохших рек, поля, холмы и овраги, все эти мелочи наполняли колоссальное блёклое пространство.

"Пора действовать!"

---

Мысль.

Образы.

Стройные белые ряды.

Грозное небо.

Нечеловеческие крики.

Копья вверху.

Копья опускаются.

Строй.

Шаги, топот тысяч...

Шум сражения перетекает в рёв бойни, а затем гремит резня.

Затмение.

Фигура человека в черной броне.

"Что я теперь?"

Он силился вспомнить времена до затмения, но ничего не получалось, кроме как вырвать клочки, связанные с тем роковым сражением, в котором при неудачной попытке

отбить град Стремительный погибли лучшие войска человечества.

Спустя какое-то время он понял, что был человеком.

Существование было жёстким.

Тварей нещадно гнали многотысячными колоннами по извилистым горным дорогам и суровым перевалам. Одна за другой мощнейшие крепости людей сметали, как огненной волной, валом снарядов от сотен осадных машин, после чего уже по грудам кирпичей шагали кованые сапоги, раздавливая черепа, а драконы слетались, чтобы доедать то, что оставалось после боя, и только после этого слетались вороны. И эти вороны летали тысячами над колоннами на марше, пожирая тех, кто падал, не выдерживая темпов.

На подходе к Башне они вошли в несколько менее крупных городов, раскинутых на перевалах, и обнаруживали там лишь запустение, как и на всех последующих территориях, пока наконец не подошли к столице всех северных земель.

Демоны с наскока взяли цитадель, драконы поливали её огнем, плавя стены верхних уровней, пока отборный отряд демонов не проник внутрь, а оттуда не пробился к воротам, чтобы открыть их и впустить бронированную колонну.

В это время завязались тяжелые бои на улицах, где в каждом переулке возводилась баррикада, оцетинившаяся копьями и выплёвывающая множество стрел по всему, что движется.

Но не он должен был стать одним из тех, кто будет перемолот в этих первых днях сражения за город.

Он сохранил осколок человеческой души, в которой таились остатки аккуратности и самообладания. Искра разума в глазах и грустная задумчивость не остались без внимания. Демоны заметили его и взяли в цитадель, прислуживать. Черные силы уродовали его плоть, выращивая в ней крылья, пока однажды он не проснулся в темноте, расправив новые конечности, которые были столь огромны. И вспорхнув он увидел своими новыми глазами пространство в его беспросветных очертаниях.

Демоны сделали его своим прислужником.

В ночи он летал, выполняя самые разные их поручения.

Тяжкие бесконечные дни войны, полные беспрестанной тяжелой работы, сменились приятной службой, в которой он наслаждался наградой за свою ловкость, в виде теплого ночлега и отборной пищи.

Мало что было ясно об этой войне.

Твари не общались между собой, они только жрали и выполняли команды, их держали в тупом неведении и гнали на убой, в бессмысленных атаках, не считаясь с их численностью.

И над этим хаосом хозяева возвысили его, вытащили из той грязи.

Но все это время он помнил, что был когда-то человеком.

И вот однажды, когда он летел с донесением, пролетая тенью меж башен, его настигла чужая мысль и чувство тоски.

Он сел, сложив крылья среди пустынной площади, где были только камни и трупы.

Кто-то звал его.

И тогда он полетел на этот зов.

На северной стороне, на краю района его встретил человек в плаще.

Владея речью тварей, этот человек мог спокойно изъясняться с ним, и он поведал ему, что тот, блуждая среди духов и сущностей увидел осколок его души, лежащий в пустыне отчаяния и боли, и решил поднять его, чтобы вернуть к жизни.

Незнакомец оказался разведчиком города.

Разведчик обещал, что жрецы вернут ему человеческий облик и утраченную часть разума, сделав жизнь вновь полной света и достоинства.

Так он стал предателем.

---

Вниз по склону горы на запад вела единственная узкая тропа.

Дул ветер.

Шла метель.

Целый день без отдыха Стратоник карабкался по этому обледенелому карнизу горы.

Пока наконец не обнаружил единственную хижину, уцелевшую у входа в заваленную шахту.

Войдя, внутри обнаружил лишь мебель, покрытую пылью. Некоторые сундуки были вскрыты. Кто-то ушел отсюда, но взял с собой далеко не все.

Растопить нормально эту хижину было нельзя, хищные глаза врага могли заметить дым. Тогда Стратоник достал все оставшиеся здесь свечи и светильники, зажигая, обложил себя ими и закутался во все ткани и шкуры, какие только смог здесь найти.

"Это конец... холод к утру добьет моё тело, и побегу придет конец."

Но он выжил, и смог увидеть солнце ещё один раз, изо всех сил надеясь, что не последний.

Необходимо было идти дальше.

Спустя ещё один дневной переход склон стал значительно менее крутым. К заходу солнца, который теперь происходил раньше, он дошел до крупного выступа, обнесённого каменной стеной, покрытой засохшей лозой. Под ногами здесь был только снег, но местами он растаял и открылась жухлая серая трава и сдохший кустарник.

Тепло ещё боролось с холодом. Но жизни здесь уже не было.

Никакой жизни.

Стратоник словно бежал в пустоту.

Громадные изгибы бело-серой местности и блёклые желтоватые степи по левую руку, по ним текут тени небес.

Сердце сжалось при мысли о том, что колоссальная пустота, составляющая весь остальной мир, теперь не имеет в себе какой-либо жизни. Если там ещё и есть где-то искры, то они вскоре потухнут. И все прочие земли, кроме последних очагов их города, это безжизненная громада. Стратоник ощутил на миг, сколь огромна пустота, покрывшая все.

"Неужели все кончено... Глупое сопротивление. Стоило только увидеть это, чтобы понять, что все кончено."

В стене были раскрытые ворота, будто выпустившие жизнь из этого поселения. Внутри каменные одноэтажные хибары, врытые в землю, слюдяные оконца их под самыми обветшавшей черепичными крышами.

Но мхом здесь ничего не поросло.

И нигде не шел дым, и не слышно было даже лая бездомных собак.

"Даже вороны вымерли здесь... Нет, видел я, как пустеют земли, как опустошаются они войной. Но этот мир действительно как будто умирает."

Он прошелся меж заброшенных хижин, заглянул в одну из них, там лежали начисто обглоданные кости, разбросанные по полу среди обломков мебели, и так в каждой хижине.

Веяло кислой затхлостью.

"Даже если мы победим... Бог, мой отец. Куда же мы выйдем из нашего города? Что мы увидим здесь? Засеем ли мы снова наши поля? Вернемся в эти дома? Ничто здесь не дышит."

Ветерок вздохнул, приоткрыв солнце.

Волна света прошла по всему поселению, и вновь все накрыла синяя тень сумерек.

Плавно Стратоник зашел в одну из хижин, и только тогда, взглянув на землю, увидел, как по ней промчалась крылатая тень.

Тогда с шумом вне хижины нечто спустилось на землю, взметая вихри снежной пыли и камней.

Из слюдяного окна ничего не было видно.

Лязг.

Клинок сверкнул от луча вновь явившегося солнца.

Стратоник метнулся в угол, чтобы просмотреть улицу, затем выбежал с перекатом и обернулся, прижавшись спиной к стене противоположной хибары.

На крыше того дома, где он прятался, возвышалось серокожее создание, похожее строением тела на человека, но с короткими ногами, выгнутыми назад и оканчивающимися когтями. Голый каркас сухих мускул был как плащом укрыт сложенными крыльями.

Немного понаблюдав, Стратоник зашевелил губами:

— Хочешь поговорить...

Создание сделало человекоподобный жест, военное приветствие. Сжатый кулак, стукнув в грудь, направился прямо.

"Ха... неужели это было человеком!"

Префект молча повторил.

Тогда создание легко шагнуло, ровно очутившись на земле и расправив плечи, гордо подошло и поднесло свиток с печатью, на которой была изображена парящая птица, держащая копьё.

"Печать нашей разведки!"

Подняв взор Стратоник, увидел мутные белки, в которых расплывалось нечто, что должно было быть зрачками, но в них горел странный огонек, словно эти глаза не только видели, но понимали его.

Повторив салют, создание взмахнуло крыльями и улетело вверх к скалам, скрывшись за изгибом склона.

Выдох.

Приятный треск затвердевшего воска:

"Возвращайся к заточению. Нам нужны глаза и уши. Мы знаем, господин вернулся. Башня хранит секреты его господства. Узнай все об этом."

---

— Мыслишь ли ты, что такие представления не сближают с людьми?

Элой произносил это с недоумением, придерживая вилкой кусок и отрезая деловито его ножом, чтобы по окончанию своих слов положить в рот кусочек таящего мяса.

— Мне плевать на то, как должно реагировать людям, — сухо отвечал Люций, разбалтывая вино в позолоченном кубке.

В небольшом узком зале, стены которого были завешаны зелёными тканями, а своды утопали в темноте, куда не доходил свет факелов, стоял стол во всю длину, за которым они сидели, размеренно трапезничая.

На другом конце стола Табия, изливала свою скуку в струны арфы.

— Ты показал своему врагу все то, из-за чего он должен ненавидеть тебя, — продолжал Элой, выдерживая возвышенно-несерьёзный тон — он еле скрывал свою ненависть, я видел, как он вернулся полностью разбитым, видел, как со страхом он проходил врата цитадели, через которые сюда вошел господин. И теперь господин где-то здесь внизу, скрылся в нижних покоях, и мы не ведаем, что там происходит. Ты запретил слугам спускаться туда. И пока это происходит, Стратоник переваривается здесь в собственном соку. Если он ещё не сбежал.

— Отсюда, — подала голос Табия, прервав игру, — просто некуда уйти. Теперь везде пусто.

Арфа возобновилась, погружая всех в собственные думы.

Струны колебали воздух, в котором летали мысли, сталкиваясь и переплетаясь между собой.

— Да, мир умирает. Если бы они могли уйти, они бы давно покинули этот город. Но других городов больше нет.

— В Стремительном ещё есть сопротивление, — хмуро буркнул Люций.

— Мы давим их, как насекомых, — со зловещей ухмылкой говорил Элой, — Наши пауки попросту лакомятся там этими надоедливymi мухами.

Арфа замолчала, струны уступили словам:

— Мы должно быть убедили единственного человека, что был в наших руках, в том, что мы могильщики этого мира. Зачем же ты пытался, Люций, убедить его в чем-то другом.

— Я верю, Табия, что мы не могильщики. Остаткам человеческого в нас понятно то омерзение, которые ощущают люди, их упадок и ненависть, их борьбу, их тягу к той жизни, что они строили здесь для себя своими руками на протяжении многих столетий. Но то огромное новое, что поглощает нас и подчиняет себе, оно показывает, как мало значим человеческий взгляд. Что их взгляд не имеет больше смысла. Что мы представляем собой существ нового ранга, и та форма существования, которую они называют жизнью, для нас бессмысленна и омерзительна. Грядет новая форма существования. Чистая энергия будет двигаться в пространстве, не скованная больше чем либо. Даже вы ещё не способны мыслить об этих вещах, но они грядут. Это будет торжество духа. Миры сольются, а вечная теплота заполнит всё. Если об этом рано говорить даже с такими существами, как вы, то человеку это тем более не стоит говорить прямо. Поэтому для начала я желал бы сломить его волю тем зрелищем, которое я для него приоткрыл. Когда ужас настолько завладеет его разумом, что сломает его, он будет готов выслушать нас, будет готов для новой истины.

— Ты слышал, Элой? Он обзывает нас существами, — сухо заметила Табия.

— Он не обзывает, а любя называет, — с теплотой ответил Элой, отодвинув блюдо с обильными остатками для псов и других существ цитадели.

— Ты не знаешь, — в голове Табии замешалась толика обиды, — но, возможно, однажды ты будешь все также говорить эту речь, а слушать тебя будут лишь скелеты, и повезет если вороны слетятся вокруг тебя, чтобы в той мертвой тишине можно было услышать в ответ хотя бы шелест их крыльев!

— Как грубо! — ухмыльнулся Элой.

— Ты только возвращаешь в нем ненависть к себе, веришь, что этим можешь что-то донести до него. Люди и без того могут уничтожать друг друга, этим их не впечатлить. Но что они по-настоящему держат за величие, это способность давать осязаемые блага. Мы здесь не для этого, и было бы не искренним пытаться изображать из нас мессий. Раньше ты



не баловался подобными вещами.

— Это не баловство! — крикнул Люций, — Господин здесь. Дура, разве ты не видишь, что происходящее имеет больший смысл, чем просто взятие ещё одного города!

— Что мне дела до тех чудовищ, которых ты пытаешься вытащить на свет! — огрызнулся в ответ Табия, и чтобы успокоить себя попытался возобновить пение своих струн.

Люций встал и подошел к Табии быстрым шагом. Одним устрашающим ударом он отбил арфу в сторону. Табия встала дала ему пощёчину, которую тот будто и не заметил, а лишь сделал второй удар.

Элой спокойно допивал вино, живо бегая глазами по сторонам и пряча возбужденную улыбку.

Табия, отлетев, упала на пол с коротким тупым звуком и ошарашенным лицом, полным ужаса, будто уже ощущала все новые удары, в которых была не ненависть, а практическое стремление сломать её тело. Чёрная роза страха расцвела буйно внутри.

Леденящая цельность взгляда с вершины возвышающейся фигуры Люция завораживала.

— Животное.

Тишина.

Постояв так ещё немного, Люций ушел из комнаты.

Немного позже Элой встал и подошел к Табии, чтобы помочь ей встать. Отказавшись от помощи, Табия медленно отползала в тень, не смея даже прошептать свои проклятия.

---

Он не отходил в тень.

Это сами тени ползли к нему.

Люций медленно блуждал по самым нижним этажам, спускаясь по той или иной узкой винтовой лестнице.

Здесь было тихо. Вся живность перебралась наверх, оставив без обслуживания большие внутренние пространства. В воздухе теперь стало пахнуть серой и гарью. И даже крылатые твари не ползали по потолку, даже крысы ушли отсюда.

Злой дух чувствовался. Уже почти кожей можно было ощущать его присутствие.

Мысли текли лучше.

Временами Люций мог узнать неведомую руку своего господина, будто глядящую его по спине. Странное покровительство почти что можно было узреть. Господин был невидим, но был рядом, и он был больше, чем все эти залы.

Во время успокаивающей прогулки мысли стекались во внутреннюю душевную даль.

Люций думал о Стратонике. Любого человека или не человека мог он самыми разными приёмами покорить, создать в его голове образ бога, беспредельного владыки. Ужасом ли, благом ли, болью, надеждой. Но Стратоником не способен он был завладеть. Мог его сокрушить, испепелить болью его душу, но получил бы лишь мешок с переломанными костями, полный ненависти.

"Как это было бы не изящно..."

Ему хотелось силой одного лишь разума в нетронутым виде завладеть умом этого человека. Потому что тот отражал силу этой короткой эпохи. И пусть считанные месяцы или даже недели остались до полного захвата города и вместе с тем падения последнего оплота сопротивления людей в этом мире, Люцию нужно было владеть этим миром в будущие времена, а для этого требовалось сохранить часть человеческой расы.

Можно было бы управлять через страх. Продолжать и дальше вешать, распинать многие тысячи жителей.

"Я мог бы возвысить их всех... вдоль дорог."

Мерные шаги вдруг стали слышны. Волна их отзвука расходилась по субстанциям черноты.

Встав ненадолго, Люций словил кожей ощущение темноты, а потом побрел дальше.

"Тупое истребление, это не победа. Это жалкое убийство. Наша победа будет одержана лишь тогда, когда мы разломаем в дребезги все их смыслы, все их надежды. Их взгляд сейчас устремлен в небо, как шпиль башни. Мы обломаем его, обратим в землю, воткнем в глину, они припадут главами к камням, лицами будут месить грязь, почитая нашего господина. Такой победы я хочу. Желая покорения умов людей, их воображения. Они примут нашу веру! Я заберу все их души с собой!"

Где-то вдали появился мерцающий огонек. В другом зале, зелёная искра то исчезала, то появлялась, медленно двигаясь в сторону.

"Быть может Табия права, когда говорит, что только благами можно покорить умы людей. Это не древние дикари. Не те животные, какие когда-то бродили здесь стаями, истребляя друг друга. Это жители города. Они славятся тем, что могут создавать блага. В этом суть города. В обилии его благ, сила его в сокровищах, что он порождает. Да. Можно было бы всех запугать. Но что это... я не запугаю людей, а лишь их бледные тени, их тела станут вялыми, их воля сотрется в пыль и развеется. Мне нужна сила людей! Мне нужна в подчинении раса, а не грязь!"

Огонек засиял ярче и стал двигаться в другую сторону.

"Господин играет со мной?"

Люций повернулся к одной из лестниц и быстро взбежал по ней на верхний этаж, далее его путь вел вверх по длинным тесным коридорам и ступеням.

"Я уже вижу стройные ряды, полные силы воли."

Метнувшись в пристройку, он стал быстро подниматься по её узким крутым лесенкам.

"Но что же мои твари? Чем они станут после этой войны? Неужели я их отпущу на волю? Псы войны, рожденные только для того, чтобы быть единожды спущенными с цепи."

Остановился на мгновение в коридоре, рядом с бойницей, за которой пролетела крупная стая ворон с громким карканьем.

"Почему Табия так злиться, смотря на мои попытки? Неужели её хоть сколько-нибудь колышет игра с этим человеком? Нет. Просто её бесит уже все. Она также больна, как и я. Мы оба больны. Только Элой, проказник, выглядит бодрым. Но только сейчас. Сколько пройдет времени, прежде чем он начнет срываться? Что он сделает? Упадет со скалы? Скормит себя тварям? Где сейчас все наши друзья?"

Дойдя до покоев, где жил Стратоник, Люций не обнаружил его там, но не предал этому значения, потому как позволял неопределённость местонахождения своего пленника. Цитадель была огромной. Внутри неё легко можно было потеряться.

"Что ж... этот человек крепок, подобно камню. Но что может сдвинуть камень. Сильнее всех камней всегда была река. Но что это будет за река."

Образы выстроились в цепь и сверкнули молнией разума.

Камень.

Река.

Вода.

Дерево.

Водяная мельница.

"Да, это оно!"

Но в этот момент вошел сам Стратоник:

— Ты ожидал меня здесь?

— Ты был в городе? — спросил Люций, видя на человеке плащ.

— Прогулки нужны мне, чтобы не сойти с ума, даже если за пределами этих залов одни лишь руины.

— Верно. Но что же ты будешь делать в ближайшее время?

— Не могу знать. У тебя есть идеи?

— Да. Почему бы тебе не стать префектом города?

Мрачная молния сверкнула веной на лбу человека.

— Какого города?

— Мой город, — в голосе Люция явилась толика гордости, — после войны будет нуждаться в восстановлении.

— Эти руины своим градом зовешь? — с грустью произнес Стратоник, — не думал я, что тебя хоть на миг осенит мысль о цветении городов. К чему тебе это? Пустошь, вот твоё царство. Люди тебе ни к чему. Ты сожрешь все, что здесь есть. Я уже вижу твою колоссальную статую здесь, на площади, размером во весь центральный район. Слова на ней о твоём величии. И ни души... ни единой души вокруг, — немного погодя, посмотрев Люцию в глаза, добавил, — во всем мире.

— Ты не прав, — сказал Люций, — это...

— О нет, я прав, — Стратоник прервал его, — Ты играешься, к чему это мне? Ты лишь печалишь меня. Ты позволяешь это себе только потому, что я не могу достать меч и разрубить тебя, а я так хотел бы это сделать. Пустыня твоё царство. Воцарись в абсолютной пустыни, при мысли о которой, даже самая крепкая воля превращается в прах, который пророки стряхнут с пят своих, покидая наш город.

— Возможно ты прав. А если ты прав, что ты будешь делать?

— Умру в попытке тебе остановить! — возвысил голос человек, ударяя им об своды огромных покоев.

— Умрешь! — Люций залился злобным смехом.

— Как ужасен твой смех... — ухмыльнулся Стратоник, — все твои злодейства я в нём слышу, все загубленные тобою души. Как ты ужасен. Ты поразительно ужасен!

— Хватит ласкать мой слух, — Люций успокоился.

— Тебе не удастся убедить меня в том, что ты движем добром, и что в тебе есть хотя бы крупица добра.

— Мне понадобятся твои усилия, чтобы построить мою статую.

— Скорее я убью себя.

— Скажи, почему ты до сих пор не сбежал?

— У меня не было возможности. Я бы уже давно сбежал от тебя.

— Я мог бы отпустить тебя. Мне на самом деле безразличны твои силы и все силы города. Вы все просто утоните в тех ордах, которые я нашлаю на вас, не напрягая чрезмерно своих сил.

— Но никакая армия не поставит нас на колени.

— Однако люди в городе уже ждут наступления нового мира. Ждут, стоя на коленях.

— Как унизительно...

— Нет, в этом нет ничего унизительного. Эти люди все ещё живы, Стратоник, они там, в домах, сжигают последние дрова, чтобы согреться ещё немного в ожидании грядущих морозов.

Стратоник представил себе ледяные трупы, покрытые инеем скульптуры из плоти и крови.

— К чему мне спасать их... — вдруг сказал он.

— Что? — Люций изумился.

— Зачем мне эти люди?

— Разве эти люди не есть твой город, который ты стремишься спасти? — удивление Люция расцвело, заставив его видеть кого-то другого перед собой в этот момент.

— Мой город, это культура, — взгляд префекта ушел в темноту, — Сломленные люди не представляют собой культуры, но только лишь груды искалеченных душ. Не важно, пали они от своей ли слабости или от того, что ты надломил их, дав им образ, перевесивший все те усилия, что составляли их жизнь. Уже и это не важно. Костры погасли. Звезды потухли.

— Так может говорить только человек в глубоком отчаянии.

— Ты не увидишь, как я сломаюсь и стану таким же, — воскликнул Стратоник, — Мой город имеет сердце. И это сердце пока ещё пылает. И ты его не получишь!

— Да, — заулыбался Люций, — этот настрой куда лучше! Так что же ты скажешь о тех людях?

— Мне действительно нечего сказать тебе о них. Но если я останусь жив по окончании этой войны, то я сделаю все, чтобы сохранить их жизни.

— Пожалуй, это все, что мне хотелось от тебя услышать.

— Ты растворяешь разговор в пустоте, — бросил Стратоник, снимая с себя плащ и направляясь к кровати.

Тем временем Люций направился к выходу.

— Ты сегодня поднял мне настроение, и чтобы сохранить эту искру внутри я вынужден удалиться. Быть может, завтра мы с тобой направимся в низины...

После этих слов демон удалился.

Стратоник достал из-под плаща меч и положил на кровать.

"Быть может завтра я прикончу тебя."

Дождавшись абсолютной тишины, Стратоник схватился руками за голову, сжав свои волосы в них и пал на колени.

"Что я сказал ему?"

За спиной слышался женский голос:

— Префект?

— Табия?

Развернувшись, Стратоник видел, как в черноте огонь расписывает небрежно черты девушки. Лицо нежно застывало в терпеливом спокойствии. Прочел затаившийся интерес и подошел.

— Он тебя не заметил?

— Возможно не хотел замечать.

Заледеневшее время, облитое вишневым патокой желаний, взрывает свой ритм, создавая заторможенное ускорение.

Через несколько часов наступило утро, и этого не было видно через толщу гигантских

камней, составивших массивы стены.

Поднимаясь в полной темноте, Стратоник наощупь находит свечу и зажигает её единственной искрой, подносит её к постели, где лежит Табия, изогнувшись в изящном положении, словно нарочно; одеяло наполовину свисало, едва прикрывая талию.

"Не так уж и плох этот плен."

Больше свечей.

На столе лежали самые разные свитки, различные свитки, в которых отражается жизнь цитадели перед её штурмом, различные сообщения, указания и приказы, списки, кроме того, трактаты и карты, планы. По всему этому разношерстному полотну бегали мимолетно очищенные разумом светлые глаза, собирая сведения.

Днями и ночами, Стратоник изучал все то, до чего мог дотянуться. В общение с прислугой он не вступал, но было ясно, что он пытается освоиться, собрав как можно больше знаний.

— К чему это все? — сквозь тающий сон донеслись слова Табии.

— Без науки я схожу с ума, — не отрываясь бросил человек.

— Какая наука в горах этих записей?

— Мне важно знать, как мыслят люди. Я могу понять их по этим записям.

— И что же... ты понял о них?

— Скажи лучше, к чему тебе об этом спрашивать? — Стратоник повернул лицо, одним глазом оглянувшись.

— Ты думаешь, что сможешь сбежать отсюда?

Табия просыпалась. Она встала и стала одевать столу без каких-либо стеснений.

— Я нахожусь в своем городе и всегда должен делать что-либо для его сохранения и защиты...

— Как скучно.

— Прикосновения к этой теме портят твоё чарующее обаяние.

Она улыбнулась и, опустив голову, приглушенно ответила:

— Спасибо.

— Все это не важно. Мне было хорошо.

Стратоник поднялся и одел плащ, чтобы затем выйти из комнаты, оставляя Табию наедине с её нарастающим чувством открывающейся под ней бездны.

Вдруг она вспомнила переливчатую заманивающую мелодию, которую слушала, когда грезила о пути на север, о шатре генерала и безмятежных садах, и ей стало так смешно.

---

В самом верхнем зале сидел Люций, затылком прислонившись к краю окна.

Демон смотрел в западную сторону и медленно погружался в свои собственные мысли, пока не начал следить за ними. Глаза видели лишь переливающийся молочно-пепельный туман, в котором извивались волнами переливчатые серые черви и белёсые пруды. Где-то в этом болоте движений белели растянутые окна, за ними свет уже имел слишком большое значение. Мысли текли, и вот он уже видел эти мысли, как они змеями ползут в темноту, сбрасывая кожу, меняя цвета от желтого к красному, затем к фиолетовому, синему, зелёному, затем сворачиваются в кольца и клубки, из которых лезут новые. И вот он стал их пресекать. Душить, резать на корню.

И не стало мыслей.

Но дальше не дано было пройти.

И явился один красный глаз, горящий бордовым лучом света.

В страхе Люций отринул видение...

"Пока ты боишься, ты не сможешь пойти на спасительный свет твоего божества, которое освободит тебя."

Темнота вновь сгустилась, глаза закрылись от неё.

"Знаю..."

Спустя какое-то время в залу ворвался один из прислужников в облике юноши в тунике, завязанной на одно плечо.

— Мой лорд! — лик его был картиной тревоги, в которой Люций увидел все детали изменения хода сражения.

— Да? — тревога эта передалась мрачной молнией по лицу демона.

— Войска людей перешли в наступление!

## Глава III. Камнепад в руинах

---

Шум.

Сизое утро.

Прерывистый скрип смертоносных механизмов наполнял воздух напряжением.

Спины прилегали к поверхностям.

Там за кирпичами была только серая пустыня. Груды переломанных камней, как горы высились, среди которых вздымались из моря руин мысы одиноких стен.

Работа осадных машин истребляла архитектуру, превращая город в серую пустошь, цветущую осколками культуры.

Стояло плотным сгущающимся массивом затишье.

В этом затишье медленно толпились воины.

Заряжались арбалеты, готовились болты и стрелы; крепились латы, завязывалась шнуровка, одевались шлемы, натачивались клинки и лезвия, подбирались щиты; строились построения, распределялись по позициям.

Подразделения, состоявшие из множества воинов городского ополчения, получали свои приказы. Небольшими отрядами по несколько десятков человек они, с щитами и копьями, стояли в тени разбитых корпусов. Стрелки прятались в аллеях, колоннадах, среди гнезд из поваленных колонн, цепочки их подтягивались по узким переулкам и подземным ходам. В центре же в одном большом уцелевшем здании во многих залах собирались рыцари, скрытые в сверкающих доспехах, благородно огибающих телосложение, вооруженные лучшими мечами и секирами.

Выкованный долгими десятилетиями арсенал ожидал своего триумфа.

---

Зал.

Чистые жёлтые стены перетекали в свод громадного купола, под которым круглые окна били в центр пасмурным светом.

По краям меж шкафов и в нишах стоят недвижимо и в молчании жрецы, ученые мужи в мантиях.

Самый верхний зал библиотеки пульсировал шагами единственного вошедшего. От дверей к центру он шел, к квадратному белому обелиску, стреляющему статично острием в потолок.

По мрамору шагали сапоги.

Таврион подошел к Протелеону, стоящему на пьедестале обелиска.

В кольце вокруг пьедестала стояли огромные чаши на каменных основаниях.

Поднял руку верховный жрец Протелеон и огни зажглись во всех чашах.

Лица затвердели.

Тогда выкинул сжатый кулак Таврион, в этот момент одетый в латы, со шлемом в левой руке, он стоял ровно, словно статуя самого себя, являвшая в позе символ собственного величия. Доспехи олицетворяли силу и мощь.

Властные черты Протелеона резко очертились в тенях, орлиная грозность углубилась, каждая черта отражала величие в те минуты. В складках мантии таилось торжество, легшее на устремление воли.

И верховный жрец заговорил:

— Таврион, наш стратег. Этим днем ты даруешь нам победу! Год тому назад неисчислимые орды сил, тьма которых опустошает душу узревшего, вторглись в наши земли. Они изничтожали все на своем пути, каждая крепость была снесена, каждый город был разрушен, каждое поле было вытоптано. Одна тысяча, две тысячи, три тысячи, семь тысяч... Вот уже десять тысяч воинов погибли, пытаюсь остановить эту непоколебимую машину! Сыновья нашей родины теперь лежат костями в полях и перевалах, их черепа раздавлены вражеским сапогом, их жизни нанизаны на чужие копья. Когда-то искусные созидатели возводили дворцы и башни этого города, но теперь и половины их нету, все стерла война, снаряды превратили в прах труды мастеров. Они могут стереть в пыль наш город, могут растоптать наши поля, могут убивать нас тысячами, десятками и сотнями тысяч, они способны нести смерть и ужас. Но им никогда не сломить нашу культуру! Мы превосходим их во всем! Мерзкие твари не способны жить, истинную жизнь они способны только грызть, но не побороть. Эта битва происходит между стремлением к совершенству и низким грехом, ползающим в грязи. Наш враг воплощает зло этого мира. Мы развеем его светом нашей доблести. Души наших воинов чисты, они озарят поле брани. Стратег Таврион, всё готово теперь, наше воинство стоит и смотрит на свою победу, иди и возьми её!

— Повинуюсь.

Сжатый кулак.

Вскинутая рука.

Аплодисменты.

Множественные аплодисменты.

Зал потонул в величии торжества, огни вспыхнули, выкинув букеты искр к сводам.

Стратег медленно одел шлем, плавно развернулся и широким шагом прямо шествовал к дверям, чтобы скрыться затем, пройти по залам до ворот и от них по ступеням спустится в одиночестве меж рядов лучников.

В спешке зажгли факела, поднесли к снарядам, натянули веревки.

Встав на площади, огражденной развалинами, где располагались в ряд баллисты, Таврион вынул меч и поднял его в небо, чтобы затем, вдохнув морозный воздух войны, опустить клинок.

Сотня баллист выстрелила в один момент.

Алые звезды снарядов падали вдаль, в сторону врага, где вспыхнула полоса огня.

Стратега окружали арбалетчики и слуги.

Вновь вдохнув ледяной воздух, Таврион, сощурился глазами, скомандовал:

— Поднимите знамена!

Слуги помчались к разным башням, где вскоре поднялись вверх отражающей свет белизны штандарты.

Сигнал поднял из руин тысячи лучников, которые разряженными цепями двинулись по грудам обломков, стреляя непрерывно. И снаряды летели, усыпая все впереди.

Из огня выбегали горящие тела, рвущие воздух звериными воплями боли, и падали, усеянные стрелами.

Распахнулись двери разрушенного дворца, испустив белые ряды, что выдвигались из глубины, выстраиваясь колонной на площади.

Таврион орал:

— Разгром! Убейте их всех! Идите за мной, и я вырву у них нашу победу!



Эхом одобряющего кровожадного рёва отозвались ряды. Из-под шлемов доносились крики радости и жажды боя.

Колонна, сверкая чешуёй отдельных воителей двинулась, переливаясь светом.

Небеса раскрылись и столбы света вдарили по городу, облекая в коридор колонну рыцарей.

Огонь затухал, и уже в руинах сбивались в стаи беснующиеся твари в черной броне, с топорами и копьями, скрытые от стрел круглыми щитами.

Рыцари медленно выстраивались, пока по флангам вылились на серые дюны отряды ополченцев, ринувшиеся в бой, они схватывались среди груд камней с поредевшими бандами тварей, валили их, затаптывая в стремительной атаке. Над головами их мчались стрелы, нескончаемо летели камни, разбиваясь на куски где-то впереди. Где-то позади скрипели и шумели огромные рычаги, кидающие вдаль снаряды, кричали инженеры, бегали и суетились прислужники, таскали ядра и копыя, натягивали противовесы, закрепляли канаты.

Рыцари вышли тогда на огромную гряду, бывшую когда-то прекрасным дворцом, и перед ними росла черная толпа, огрызаясь ненавистью, парящей в воздухе. В эту толпу падали камни и стрелы, раздражая её, словно бешенный дождь тёмное озеро. Там, за ними где-то лежали в дребезги разбитые метательные машины, бегали отдельные лучники, пускающие тревожащие стрелы.

Враг был в смятении.

Противник горел, кричал, огрызался.

По флангам наступали колоннами между полуразрушенных корпусов ополченцы, они гнали тварей, бегущих в рассыпную, на тех падали стрелы, они падали, их растаптывали наступающие, раздавались крики боли отступающих и восторженный рёв побеждающих.

Но собрались банды. Железная воля с той стороны воссоединила разрозненные потоки серокожих уродцев и те сплотились в непонятные кучи, закрытые, как чешуёй большими деревянными щитами.

Вопль.

Хрип.

Стон.

Построившись в фалангу, оцетинившуюся копьями, ополченцы двинулись.

Началась рубка.

Хруст.

Треск.

Лязг.

Ряды людей наступали, постепенно давя и закалывая столпившихся противников. Твари падали, многие копыя протыкали их в зазоры черной грубой брони, топоры мяли их шлема. Серокожие пятились и отбивались, бросали камни, делали выпады, бросались и тут же насаживались на клинки.

Позади медленно и гнетуще шедшей фаланги оставались передавленные трупы тварей.

И вот ополченцы огибали толпу, стоящую у подножия гряды, нескончаемо поливаемую стрелами.

Вскоре толпа была окружена и подвержена атаке с двух флангов.

И над белыми рядами опустилось вперёд знамя и прозвучал рог. Рыцари двинулись. Неспешно, как единая стена белых железных щитов, они съезжали подобно громадному леднику по гудам кирпичей и камней. Скатывался шлак, вздымались пыль и снег, железные

ботинки крошили мусор. В строгом молчании железный строй подошел к кипящей орде.

Но железная воля врага внезапно воспарила над сражением.

Тёмные силы скрыли свет.

Абсолютная темнота наступила.

И в этом мраке люди не видели ничего. На флангах тогда затрубили отступление.

Волна грубой силы ударила по строю, градом наступили удары, скрежет мятых лат звучал, людей тянули вниз, на них бросались сверху, с боков, отнимались щиты, грязные лапы разрывали их, лезвия грязных кинжалов находили зазоры и вонзались.

Лилась кровь в темноте.

Кричали люди.

Страх заполнил ряды.

Таврион, отбиваясь вслепую, истошно орал:

— Стойте! Стойте! Не дайте им сломить строй! Свет озарит нас! Стойте до конца!

В главном зале библиотеки поднял голову Протелеон. Он оторвался от книги, раскрытой на аналое, и оглядел вставших кругом жрецов.

— Наш враг наконец пробудился. Защитим наших воинов!

В один миг гортанное пение взлетело над головами старцев. Протелеон встал в центр и начал произносить в слух заклинание. Его разум спустился в пустоты и увидел оттуда льющийся рекой среди туманов свет.

Тем временем рыцарственное войско таяло и распадалось.

Твари распались, их дикий ор звучал все более оголтело и жадно, они рвали трупы в кромешной тьме, и кидались отрубленными кусками тел, прямо на месте пожирали останки, они продолжали неустанно кидаться на щиты, хватать воинов лапами, грызть их и плевать.

Орда свирепствовала.

Вдруг наступила абсолютная тишина.

В этом ужасе Таврион стал слышать нарастающий шепот внутри.

Одно мгновение казалось, что где-то запела птица.

Журчание реки...

Дуновение ветра...

Лицо Психеи.

Счастье зародилось слабым светом, разгорающимся, явившись тёплой звездой, и вдруг вспыхнуло ярко, заливая все существо.

Таврион открыл глаза.

И засветились доспехи воинов. Рыцари увидели несущихся на них тварей, шипящих и рычащих монстров, кидавшихся на них, царапающих когтями щиты, осыпающие их ударами.

Тьма была везде, небес не было, как и земли, и ветра не было. А была лишь одна чернота, в которой виделись только их латы, бившие ярким белоснежным светом, падающим на беснующихся серокожих.

— Равнение!

Переведя дух, рыцари выстроились в одну ровную линию и подняли щиты.

Ослепленные свечением твари щурились и пятились, падали и ползли назад, вставали и жались к своим, выставляя беспорядочно щиты и копья.

— Вперёд! Дави эту мразь!

Железные сапоги двинулись.

Воля врага бросила волну тварей на строй.

Новая рубка грянула.

Истребление воцарилось.

Острые клинки били безостановочно, удары были непоколебимы, щиты крушились, твари падали с отрубленными руками, их давили железные ботинки, ломая шеи и сдавливая морды.

Беспощадная рубка тянулась и всякий счет времени был потерян.

Строй шел вперед.

Но вот орда дрогнула, серые ряды посыпались.

Тогда таинственная тьма развеялась, растаяв, как черный туман, разлившийся по снегу и ушедший в землю.

Орда монстров хлынула рекой через развалины.

Строй поднялся на новую грядку. Таврион забрался на удачно стоявший обломок колонны и оглянулся по сторонам. Пустые фланги уже вновь занимались лучники, двигавшиеся цепочками и пускающие стрелы в бегущих. Противник безобразной толпой бежал по улицам и переулкам, прятался в баррикадах и оставшихся зданиях.

В этот торжественный момент Таврион зычно закричал:

— Победа!

Строй взревел.

Где-то слышались призывы к преследованию врага и окончательному разгрому, но Таврион быстро схватил своего помощника и закричал ему в ухо:

— Труби отход, — и затем во всеуслышанье, — мы возвращаемся в лагерь!

В воздухе грянула труба.

Сбавив пыл, недовольные рыцари медленно и неохотно разворачивались и топали обратно.

Над головами их вновь полетели камни, падая с грохотом где-то вдалеке, обваливая последние уцелевшие дома, разбивая баррикады и давя прячущихся врагов.

Лучники легкой трусцой взбежали на грядку и вступили в перестрелку. Вновь стрелы, дротики и камни летели в обе стороны.

Пока колонна в белых доспехах неспеша возвращалась с победой.

---

В простых дощатых креслах со скрещенными ножками сидели Таврион, Лимний и Протелеон,

Ближе к углу у подножия пустоты просторного зала стоял стол, на котором лежал развернутым план города. Стены были завешаны красными тканями, вдоль них горели жаровни.

За большими вытянутыми окнами расцветал короткий морозный день своей затянувшейся вспышкой среди пепельных небес.

Шел снег, погребая город, переживший сражение.

Стоявший в плаще помощник зачитывал со свитка записанные сведения:

— Сто сорок семь убитых в титуле рыцаря и двести девяносто раненных, около семи сотен погибших ополченцев, меньше сотни раненных. Две тысячи семьсот восемь в титуле рыцаря в строю. Три тысячи шестьсот пятьдесят два ополченца в строю, из них две тысячи двести три стрелков. Шестьсот семь арбалетчиков в строю.

— Прекрасно! — произнес Протелеон, — теперь назови потери врага.

— Мы насчитали больше семи тысяч трупов, — ответил помощник.

Таврион встал и медленно стал шагать в сторону окна, не оборачиваясь сказал:

— Ты свободен на сегодня, иди и выпей с воинами за нашу победу.

Помощник молча поклонился и направился к выходу, строгий отточенный шаг его привычно пульсировал по мраморной плитке.

Подойдя же к окну, генерал раскинул взор на площадь подле дворца. Горели сотни больших костров. Вокруг них искрилось веселье людей; воины и горожане, которые многие недели прятались в своих домах, вышли на улицу и собрались в огромную массу, где всюду раздавался смех, вино текло рекой, а танец изматывал, и счастливая усталость праздника смягчала тела. Их боль растаяла в эти часы. Море страданий схлынуло обратно, обратившись звездопадом счастья. Люди содрогались в восторге; когда тьма заполнила все, когда их существо растворялось в темноте отчаяния, а надежда опадала, стелясь пылью под сгибающимися ногами, внезапно грянула победа, разорвавшая в клочья страх и ненависть.

— Мы раздавили эту мразь! — громко провозгласил Таврион.

Генерал развернулся. Его зелёные глаза властно искрились целеустремленным взглядом, его лик воплощал одержанную им победу.

Это выражение отражалось довольством в лице и голосе Протелеона:

— Превосходно. Эта победа так прекрасна, что наши сыновья будут воспевать её, зажигая сердца своих сыновей и те однажды также будут воспевать её. Это сражение прославит наш город и его рыцарство в веках. Все те, кто видел это, счастливы, их жизнь имела великий смысл. Стратег Таврион, ты облачил в честь и славу тысячи рыцарей, ты вернул достоинство жителям города и вручил гордость его жрецам! Твоя победа подобна солнцу, разгоняющему тучи наших страданий!

Вручив один кубок жрецу, Лимний спешно подошел к генералу и вручил ему второй, золотой и наполненный алым вином:

— Выпьем за нашу победу.

Тогда они осушили кубки.

Лицо Протелеона быстро пришло в строгое спокойствие, а в голос вернулась ровность:

— Что сейчас происходит в городе?

— Мы выдавливаем их, — также деловито начал отвечать Таврион, — У противника не осталось метательных машин, кончаются стрелы, они уже не могут отвечать нам, как прежде. Наши механизмы несут вал снарядов. Отряды ополченцев занимают один уцелевший дом за другим. Мы осыпаем их стрелами вдоль улиц, штурмуем одно укрепление за другим, бьем на всех площадях, давим в переулках, — немного погодя добавил с особой теплотой, — драконы больше не летают в небе.

— Да, — в своей манере сощурился Лимний, — их проклятого визга больше не слышно в небе.

— А что с числами? — спросил все также строго Протелеон.

— Их осталось не более девяти тысяч, — пояснил Лимний.

— Сколько ещё времени займет их выдавливание?

— В течении нескольких дней, — продолжил Таврион, — мы займем оставшиеся кварталы центрального района, в нижних кварталах мы уже обходим их с севера и юга, отдельные кварталы в западном районе уже заняты и обороняются от бешенных приступов врага.

— Действительно яркая победа, — произнес Лимний.

— Но означает ли это завершения войны? — задумчиво сказал генерал, — пожалуй, что

нет. Люди ещё не знают о том, насколько все ужасно за пределами города, континент погружен в мрак. Мы не знаем, живы ли люди других городов...

— Живы, — твердо прервал его Лимний, он встал и снова стал разливать вино, — откликнулись мои люди в Стремительном, Океанических вратах, в Золотом престоле. Сегодня я начал получать донесения, — все трое получили по кубку, слушающие принялись потягивать лучший образец из погребов дворца, — теперь я могу заявить, жизнь в этих городах продолжается.

— Но что там происходит? Что делают серые в этих городах? — спросил Протелеон.

— Ничего. Города окружены, серые стерегут стены, патрулируют улицы. Жители сидят по домам, медленно тянут припасы, их распределяют из амбаров.

— А что вне городов?

— Вне городов пусто. Деревни либо сожжены, либо оставлены, жители согнаны в оставшихся замках и крепостях. На захваченных территориях запустение, города, это тюрьмы, люди там ждут исхода войны. Цели серых не ясны.

— Разве не к господству они рвутся? — спросил Таврион.

— Нет, — отвечал Лимний, — грабежа нигде нет. Их интересует только контроль укреплений. Мои люди побывали в замке Черного ворона на нашей границе со Стремительным, им удалось проникнуть в покои. Серые только едят припасы, они не вывозят золото, все сокровища оставлены на своих местах. Храмы и культурные места также не тронуты, кроме тех, что пострадали от штурмов и осад. Наши враги преследуют другую цель.

— Ладно, мы будем гадать об этом после того, как окончательно разобьем их, — гордо сказал Таврион.

— Не торопись, стратег, — Протелеон откинулся назад и взял в руку свой посох, — Лимний, каковы сейчас силы серых, где ещё у них есть армии?

— Десятитысячная орда будет здесь через две недели. В Стремительном две тысячи, в Океанических вратах три тысячи и одна тысяча в Золотом престоле.

— Мы должны разбить их! — твердо заявил Таврион.

— Ты хочешь вывести войско из города?

— Верховный жрец Протелеон, внемли мне, если они вновь обложат нас, то не известно, сколько времени потребуется, чтобы снять их осаду. Мы должны уничтожить их до того, как наступит зима. У нас за пределами города ещё есть засеянные озимыми в низинах поля. Если мы не выгоним их с наших земель, то не сможем собрать урожай, а это важно для города. Наши запасы истощаются каждый день!

— Не беспокойся Таврион, — отвечал на эту речь старец, — наши послы в лесах альвов посылают вести о том, что их амбары полны. Серые не посмели потревожить лес. Мы закупим зерно. Самое ценное, что у нас есть, это наше рыцарство, сейчас это наша последняя сила, и если мы не сможем её сберечь, то поражение не минуемо. Мы нигде не соберем нового войска, Таврион, ты командуешь последними силами этого континента, помни это. Каждая жизнь должна быть тебе дорога.

— Но что же делать, если серые двинутся в леса и отберут эти запасы? — лицо Тавриона затвердело, его глаза выражали чувство правды, — Неужели их немногочисленные свободные лучники смогут остановить десятитысячную орду?

— Не стоит недооценивать альвов, — тут слово взял Лимний, — в своих лесах они опаснее, чем десятитысячная орда. Их чащи непроходимы и полны опасностей. Любая армия

сгинет в них. Серые умно поступают, двигаясь только по землям людей.

— Серые не являются любой армией, — Таврион продолжал настаивать, следя за своими глазами, стараясь выразить ими почтение, а голосом хранить ровный тон, — Откуда взялась десятитысячная орда, которая уже марширует сюда, что скажешь, Лимний?

— Не могу знать. Этим заняты жрецы.

— Протелеон, что скажешь?

— Мы ещё не выяснили это. Тайна происхождения серых действительно окутана мраком, как и всё это противостояние. Беженцы, которых война гнала с самого юга, через весь континент, рассказывают, что серокожие приплыли на кораблях и высадились одним днем.

— Какого было их число, когда они начали свой поход?

— Об этом нельзя ничего заявить, — сказал Лимний.

— Мы не знаем, — Таврион поставил кубок на стол и стал взволновано шагать из стороны в сторону, — смогут ли демоны собрать новое войско, или нет. Мы ничего не знаем о том, откуда они берут свои силы.

— Поэтому тем более мы не можем растрачивать наших людей.

— Почему мы не можем провести ещё один сбор среди жителей города? — спросил генерал.

— Потому, — отвечал жрец, — что у нас нет столько оружия и доспехов, чтобы снарядить ещё хоть что-то значащее число воинов. Мы проводили сбор три раза. В ополчении сейчас стоят юнцы и старики.

— Даже отроки сильнее, чем эти твари. Численность их есть наше главное препятствие. Если мы будем сидеть здесь, они накопят свои силы. Они обложат нас со всех сторон, и тогда речь не может идти ни о какой торговле, нас просто задушат здесь!

— Фокус со взятием цитадели не сработает дважды, — внес свое слово Лимний.

— Не в оружии кроется наш путь к победе, стратег, — голос Протелеона становился более низким, его глаза сосредоточились на глазах Тавриона, — при всем уважении к твоей отваге. Серокожие это не та сила, которую можно разбить мечом.

— Но разве я не сделал это сегодня?! — закричал Таврион.

— Да, ты блистательно разбил их. Но разве ты не был окутан тьмой, когда, казалось бы, уже пора схватиться с ними?

— Ты всегда стоял за моей спиной, — тон генерала выровнялся, — я знал, что свет озарит нас. И твоя молитва спасла воинство! — Тавриона пробирало изнутри при воспоминании о решающих минут сражения.

— Да. Но я не могу ручаться, что спасу рыцарство во второй раз. Война, это бесконечная и тяжелая учеба. Мы учим их, а они учат нас. Теперь мы лучше знаем, на что они способны. В следующий раз они будут действовать иначе. Ты выйдешь из этого города и лишишься моей защиты. Останемся в городе и будем спасены, мы знаем наши стены.

— Но мы также знаем и наши горы! Тропы эти топтали в детстве те, кто сейчас сражается, проводники помогут нам. Есть ещё много ущелий на пути сюда, где мы можем перебить их всех!

— Нет, — в очередной раз встрял Лимний, его глаза с тяжелой хитрецей сощурились, — драконы там в небе везде. Ты не выйдешь и не войдешь. Всё и везде видят. За городом только смерть.

— Тогда мы встретим их в открытую! Рыцари рвутся в бой! — не унимался генерал.

— Нет! — крикнул строго Протелеон.

— Я вынесу этот вопрос на собрание жрецов! — закричал Таврион, на лбу его сверкали вены злобы, — Я стратег этого города, и я не позволю вам сидеть здесь сложа руки, ожидая смерти. Человек выживает лишь тогда, когда наносит удар первым! Во многих походах я бывал, и во многих сражения оставался жив, даже когда все войско бывало истреблено. Мы либо разобьем их, либо здесь мы встретим смерть. Но я не позволю этому городу так умереть!

— Да, ты убьешь его своими руками! — гневно скривился Протелеон.

— Дерьмо! — огрызнулся генерал и размашистым спешным шагом двинул к выходу через весь зал.

Молчание шло, пока наконец не пресеклись за дверями эти одинокие шаги.

— Звезда горит, пока не потухнет, — Лимний устало провел рукой по лицу.

— Да, эта звезда осветила для нас часть пути. Но дальше мы идем сами. Пришло время вновь понизить его и дать этот пост кому-то более разумному, кто внемлет доводам разума.

— В его словах есть доля правды, — Лимний помнил также многие войны с другими городами и отдельными властителями, подчинёнными городу, которых приходилось умирять в постоянной тяжелой резне.

— Это человеческая правда. Но мы воюем не с людьми. Наши враги демоны, им не ведомы те слабости, коими скованы мы, эти слабости иные, и мы победим лишь когда найдем их.

— Что прикажешь делать, верховный жрец Протелеон?

— Напиши послание Стратонику, пусть он доложит все то, что ему удалось узнать о серокожих за это время. Наш префект провел там столько времени...

---

Когда вышел на улицу, уже стемнело.

Костры наполняли воздух искрами радости и веселья.

Как светлячки улыбки людей мерцали в толпе.

"Психея..."

Таврион шел к дому Психеи тем вечером. Там, в постели, объятия успокаивали. Уснул легко и крепко, но проснулся он очень рано, гонимый из своего сна неясным страхом, источника у которого не было. С мечом в руке обошел весь дом, покои за покоем, а затем одел плащ и, укутавшись в него, бродил медленно и бесшумно, блуждая вместе с тем и по своим мыслям.

"Этот жрец не ведает... Протелеон. Разве знает он, как важен этот урожай. Разве любит он землю? Подлый старик, он никогда не жил у земли, нигде не сеял и не жал, ему не ведома тоска по родным полям, городская змея. Но не все жрецы сплошь библиотечные крысы, многие из землевладельцев, кто купил пост, сейчас должны составлять жречество. Треть из них составляет собрания, они встанут на мою сторону, ещё треть из торговцев. После войны, чем хуже будет ситуация, тем больше жрецы будут выжимать соки из богачей. Им нужно будет восстанавливать город. Я столкну лбами две эти фракции. Мы ему не отдадим войско... Да, войско мы ему не отдадим! Городская змея... Мы хозяева земли. Это наша земля. Кто он такой, чтобы встать между нами и теми владениями, которые достались нам от отцов наших, а отцам от их отцов!? Решено... завтра я должен как можно скорее встретиться с ними со всеми, наши фракции объединятся. Войско мы этой змее не отдадим!"

Двери. Таврион прислонился к дверному проему, на кровати в абсолютной тьме, при

свете одного слабого светильника, спала сладким сном Психея.

— Тишина, тишина! — плавно возвысил голос Протелеон.

Шепот стих.

Срединный зал библиотеки был окольцован в три ряда каменными большими ступенями, на которых сидели в мантиях почти четыре сотни жрецов.

В нишах над кольцами стояли статуи рыцарей, когда-то командовавших ополчениями города в страшные войны прошлого.

Члены негласной фракции землевладельцев и торговцев пришли в агрессивных алых мантиях, обозначающих их настрой на решимость в этой войне, они расположились по правую руку от входа, по левую же в меньшинстве сидели, плотно друг к другу, приспешники верховного жреца, теперь вынужденные объединиться в негласную фракцию философов.

Дальше синих сидели прочие разношерстные гости собрания.

Ораторы обеих сторон сидели в торжественном спокойствии, готовые воспламениться от своих речей, готовящихся все эти дни, прошедшие с момента скандала. Весть о ссоре между стратегом и верховным жрецом быстро разошлась по высшей прослойке города.

Против раскрытых дверей, деля кольца ступеней по полам, как и собрание на франции, сидел на кресле, что было на пьедестале выше всего зала, верховный жрец Протелеон и простым деревянным посохом стучал об мрамор:

— Тишина! Тишина!

В этот момент вошел Таврион, и тишина действительно наступила.

Все смолкли, обе фракции наблюдали Стратега. Одетый в золотые доспехи, но без всякого оружия, он отдал воинское приветствие со сжатым кулаком.

Двери с властным грохотом закрылись библиотечными прислужниками, одетыми в черные робы, лица же их строго скрыты под капюшонами, как требует того регламент.

Медленно, звеня латами, стратег прошел к красным мантиям и сел на нижней ступени, облокотившись рукой на одно колено и глядя в упор на верховного жреца, в глазах его было спокойное ожидание своей победы.

"У тебя нет шансов, нас больше. Но только если ты не надоумил глав гильдий встать на твою сторону. Эти представители черни, которая напялила доспехи и сражается сейчас вместе с нами. Да, они не отпустят нас из города... Ладно, посмотрим, чья возьмет!"

Протелеон стукнул посохом и начал сухо свою необходимую по правилам речь:

— Я, верховный жрец города, Протелеон, имею честь открыть сегодняшнее собрание жрецов. Приветствуем сегодня наших гостей от сословий города, к нам пришли главы купеческой, кузнечной, плотнической, ювелирной, ткацкой, пекарной, сапожной, стекольной и всех других гильдий, что обеспечивают благосостояние нашего славного города, ныне находящегося в тяжелом положении. Как я вижу, кворум есть. Объявляю заседание открытым! — удар посоха, короткое рукоплескание синих, красные сидят молча, но Протелеон не обращает на это внимание, его лицо серьезное, как никогда, меняет оттенок на более блёклый, а черты отяжеляются предчувствием поражения, — Я предоставляю слово главе гильдии ткачей.

Встал человек небольшого роста с залысиной и грубыми, но располагающими своей добротой чертами лица, чтобы начать свою прерывистую и быструю речь:

— Я благодарен верховному жрецу Протелеону за оказанную мне честь первым держать слово на этом собрании, — его бодрый голос имел добродушную хрипоту, — Это собрание



нужно здесь для того, чтобы решить, чем дальше будет жить наш город. Сейчас много моих братьев по ремеслу стоят в рядах войска. Каждый день они погибают, и даже сейчас, когда наши братцы уже подступились, значит, к цитадели. Как мне сказали, уже готовят тарант, чтобы сломать ворота цитадели, и совсем скоро наше войско ворвется туда, чтобы отчистить от последних врагов наш славный город. Наконец заканчивается эта страшная осада. Но я знаю, что на этом наши страдания не закончатся, — красные стали перешёптываться между собой, молодые члены синей фракции спустились сверху на нижние ступени и также стали негромко переговариваться между собой, — Как всем уже известно, почтенный стратег города Таврион хочет идти походом на встречу приближающемуся противнику. Тьма врага, что идет сюда, это десять тысяч злобных тварей. Но рыцарей нету и трёх тысяч в строю. Поэтому стратег хочет собрать всех, кто только может держать оружие, чтобы выступить в это сражение. Хоть я не и стоял в строю, но я отправил пятерых своих сыновей в ополчение, и те двое из них, что остались живы, сейчас возглавляют отряды ткачей, которые также, как и рыцари, отважно сражаются и сражались в битве на купеческой площади два дня тому назад. Главное, что должны делать мы, обычные люди, это наша работа. Мы все положили жизнь на то, чтобы отточить свое мастерство, то, чем мы все тут живем. Поэтому я предлагаю распустить ополчение, а рыцарям остаться в городе, их хватит, чтобы защитить нас от любой осады.

Глава гильдии ткачей сел, вновь затерявшись среди других представителей горожан.

Последовали рукоплескания и одобряющие возгласы глав гильдий и некоторых наиболее старых членов синей фракции.

— Прощу слова! — поднялся один из молодых жрецов в красной мантии, с правильными чертами лица, черные волосы его были коротко острижены, а нос покрывал заметный косой шрам.

— Говори! — Протелеон стукнул посохом.

— Что вы, члены гильдий, — начал жрец, — будете делать, когда они вновь запрут нас в нашем городе. Где вы возьмете все те материалы, которые нужны вам для ваших изделий? Где возьмете дерево, где возьмете руду, где возьмете муку, откуда вы намерены брать это все?

Поднялся глава купеческой гильдии, высокий худощавый человек с гривой седых волос и полным воли выражением скуластого лица, что обдувалось в торговых экспедициях ветрами всех степей и всех гор.

— Я, как человек замешанный в торговле, — говорил он низким басом с легкой улыбкой, — так уж и быть, замечу, что в город ведут четыре дороги. Две на запад, две другие на восток. Они идут вдоль крутых склонов, и даже десять тысяч никак не смогут занять все эти дороги одновременно, чтобы не выпустить нас. И поэтому если враг и перекроет одни наши ворота, то через другие торговля вполне продолжится. А по крутым снежным склонам они, нет, не будут бросаться на нас, сил не хватит.

Кончив речь, он сел на место, переглянувшись с Протелеоном, выражение которого стало более уверенным.

"Сволочь... Не знаешь ты, на что способен наш враг. Не сталкивался ты с ним в тяжелых боях," — думал Таврион в этот момент.

Молодой жрец в красной мантии снова встал:

— Но откуда мы возьмем хлеб? Что будут есть люди? Что будут делать теперь все те, кто покинул свои поля и нашел здесь прибежище. Что делать им? Откуда мы возьмем

провизию для города?

Глава купцов поднялся, чтобы ответить:

— Мы соберем особую коллегия, которая займется этим вопросом. В казне достаточно серебра, чтобы обеспечить город хлебом, мы будем первое время раздавать его всем неимущим. Такой же вопрос о хлебе можно поставить перед нашим врагом. Где он будет брать провизию столь долгое время? Как мы знаем, серокожие не возделывают захваченную ими землю. Рано или поздно эта осада закончится, и мы вернемся на наши земли. Я бы даже поставил вопрос, состоится ли эта осада?

— Осада состоится, — наконец произнес свое слово Таврион, не вставая с места, он спокойно и веско начал свою речь, — никто здесь не знает, что за сила идет сюда, и на что она способна. Наши враги, не люди.

— Ты и сам говоришь это, — теперь стал говорить Протелеон, все эти речи были их речами, но сказанными из других уст, — если уж опасность так велика, то зачем идти ей навстречу сломя голову?

— Именно потому, что нельзя ждать, что опасность ударит по тебе, — отвечал Таврион, — пока они не ударили, мы должны сами расправиться с ними. Это будет легче сделать в ущелье, чем под стенами города.

— У тебя есть шанс проиграть это сражение. И что тогда?

— Это сражение не будет проиграно в наших горах. Если выдвинемся немедленно, то застигнем их у Врат страха. И там не выживет ни одно войско. Через это ущелье проложена западная дорога, по которой они идут.

— Не пойдут ли они попросту другой дорогой?

— На востоке также есть места, где мы можем их встретить, ущелья, мосты, дороги — Таврион поднялся, шумя доспехами, — Вопрос лишь в том, выступит ли рыцарское войско, чтобы наконец единым ударом положить конец этой страшной войне? Я предлагаю решить этот вопрос голосованием, — голос возвысился, стратег сжал кулак в железной рукавице и стал потрясать им, — Я победил их в минувшей битве! Я разобью их ещё раз! Если я нанесу удар, серокожие твари будут сломлены! Мы раздавим их!

Красная фракция одобрительно загудела.

Протелеон неодобрительно посмотрел в эту алую массу, затем обратил взор по другую сторону, и увидел, что несмотря на все приложенные усилия, синих мантий и представителей гильдий все же недостаточно, чтобы перевесить эти голоса. Тогда он увидел в куче синих молодые лица, обращенные к нему с решимостью в глазах, и он кивнул.

Встал неожиданно в синей мантии юноша:

— Мы знаем вас, подлых свиней, ополченцы и так проливали кровь за вас, а теперь вы хотите, чтобы они кровью вернули ваши поместья, свиньи!

— Заткнись, ублюдок! — закричал тот, у кого был шрам.

Начался хаос. Члены фракций один за другим вставали и поливали друг друга ругательствами, вскоре вся синяя молодёжь встала и достала палки, они ринулись на красных, которые также резко кинулись на них с кулаками, завязалась потасовка.

Среди этого беспорядка, Таврион, гремя латными ботинками прошел к пьедесталу и указывая рукой на Протелеона загремел уже своим голосом:

— Жреческая падаль! Хочешь сорвать собрание? Мне плевать! Я поведу рыцарство сам! Мне не нужно твое разрешение!

— Иди и подохни там, псина! — затряслось лицо Протелеона, — Тебе не вернуться в

этот город живым!

Тогда стратег развернулся и прошел нетронутым через весь хаос драки к дверям, распахнул их обеими руками и вышел.

Отчаянно застучал посохом Протелеон:

— Собрание отменено! Собрание считать отменённым! Отменено!

---

На следующее утро рыцарство выступило из города.

Раздался рог.

С жутким скрипом разошлись тяжелые ворота.

Торжественно, пешей колонной, с некоторыми повозками, в которые были запряжены последние лошади, они двинулись из юго-западных ворот по дороге, которая небольшой грядой извивалась над снежным склоном, где изредка торчали чёрные осколки скалы.

Несколько тысяч воинов, одетых в стёганки, поверх которых были белоснежные накидки без знамён, значащие их солидарность с городом и всем человечеством; лошадей почти не осталось, и доспехи с припасами несли на себе их оруженосцы.

Впереди всех, верхом на коне ехал стратег города Таврион, одетый для пафоса в свой золоченный доспех и алый плащ, развевающийся на ветру.

Сияние славы и веры освещало путь войска.

На бежевой городской стене, зубцы которой выступали и мощно нависали над высотой склона, толпились жители, которые криками подбадривали воинов, кидали им цветы.

С вершины заострённой крайней башни, что завершала стену, идущую вдоль внешней стороны квартала, наблюдал из бойницы за торжественным событием верховный жрец Протелеон:

— Наконец мы будем избавлены от этих стервятников.

— Разве ты не хотел удержать их в городе? — заметил Лимний, находившийся рядом в тени.

— Я политик. А по тому должен видеть хорошее и плохое в любых событиях. Да, у нас не будет больше щита, и теперь не известно, защитим ли мы город без них. Но мы находимся за стенами и ополчение вполне справится с обороной четырех или пяти ключевых очагов нашей обороны. Нам нужно защитить все четыре входа и цитадель, куда они могут снова высадиться.

— Они могут высадиться в любом месте, — подметил Лимний, — для драконов нет никаких преград.

— Поэтому мы утроим городские патрули. Кроме того, город теперь во многих местах стерт, много пустого пространства, а его гораздо легче просматривать.

— Я воин. Без воинов защиты нет. Не важно, что поменялось, без настоящих воинов нам будет тяжело. Эти рыцари и были стенами нашего города.

— Ты хорошо перефразировал нашего предка, Лимний, — Протелеон отвернулся от окна и подошел к столу, где было разлито по серебряным кубкам тёплое вино с пряностями.

— Рыцарство не исчезнет, пока есть земля, пока её возделывают простые люди, — Лимний сделал большой глоток и медленно провел рукой по бороде, смотря в никуда.

До башни доносились звуки народного веселья.

Где-то вдали плыли облака, открывая солнце, которое силилось не пасть за горизонт, чтобы видеть рыцарей.

— Исчезнет. Если мы изменим наш строй. Первое, что мы должны сделать, это

отчистить ряды жрецов от всех тех, кто купил свои священные саны за деньги. Этим свиньям не место в библиотеке. Теперь, когда цитадель пуста, городское управление, по сути, перешло в наши руки. Цитадель теперь будет занята нами. Мы издадим указы, по которым наша власть теперь распространится на всё общество и все стороны его жизни. Мы проведем выборы, впервые за многие столетия, — по мере того, как говорил Протелеон, его лицо все более выражало внутреннюю силу, властные черты становились более резкими, глаза возгорались своим холодным пламенем, — теперь кроме жрецов не будет в городе власти!

— Что будет с землей, Протелеон?

— Мы отдадим её крестьянам, и сами будем собирать с неё подать. Теперь мы будем единственным собирателем податей со всех земель города.

— Ты можешь рассчитывать на мои услуги, Протелеон, — сказал Лимний, все тем же ровным нейтральным тоном, — но я только глаза и уши, что вижу, что слышу, то говорю тебе. Смотри, как однажды, мне не пришлось бы сказать тебе, что я вижу твой конец.

— Я могу понять твое неверие, — Протелеон ухмыльнулся, — в тот новый порядок, который нам принесет эта война. Сложно представить такое. Мы между тем уже близки к тому заклинанию, которое позволит нам полностью истребить серокожих, — после паузы добавил, — Но я не могу понять, почему он идет туда, сломя голову? Неужели тьма, окутавшая войско в тот роковой час не оставила в нем хотя бы каплю сомнений?

— Он не в себе. Я знал его давно. Наши дома были близки. В начале войны он был другим человеком.

Протелеон задумался.

— Быть может нам ещё удастся вернуть его...

— Вернуть?

— Да.

— Ты хотел его уничтожить.

— Я жрец, и я скорблю по любой утерянной для города светлой душе, даже если она запятнала себя тьмой безумия.

— Как пожелаешь. Буду приглядывать за ним, — Лимний поклонился и собирался уже идти к выходу.

— Постой, а что со Стратоником?

— Все ещё в стане врага.

— Я жду от него вестей. Направь к нему кого-нибудь.

— Как пожелаешь, — после этих слов Лимний удалился, и не слышны были шаги его по деревянным ступеням винтовой лестницы.

Вино остыло.

Глоток.

Рыцарское войско медленно удалялось за изгиб склона, чтобы там, вдали от стен города принять на себя страшный удар.

"Этой ночью нужно собрать всех моих мальчиков. Мы растерзаем красных прямо в их постелях. Эти свиньи не смогут ничего поделывать. Их охрана будет представлять нам трудности, но часть мы точно сможем уничтожить, а утром я созову народ, действовать нужно быстро! Решительно. Лишь только взойдет солнце, как мы уже будем готовы показать народу головы тех, кого он так ненавидит, я дам ему вкусить ненадолго свободу!"

---

В самом верхнем зале библиотеки собрались в круг несколько десятков молодых людей,

одетых в простые черные плащи, они собрались у одной из больших жаровен, лишь в ней из молчаливого кольца горело пламя.

Обелиск белел от луны.

Плотные двери закрылись в спешке, когда вошел Протелеон, одетый в белоснежную тогу. Его хищный взгляд охватил группу людей. Он прошел к обелиску, и встав рядом с ним, начал свою речь:

— Мои мальчишки, сегодня утром я разошлю глашатаев во все концы города. Как мы знаем, библиотека больна изнутри. Паразиты и предатели пробрались в эти священные стены, они оскверняют своими черными душами наш чертог. Их жадности нет предела. Но цитадель пала. Теперь в городе стоит лишь одна вершина, а значит пора положить конец тому хаосу, который царил столь многие годы. Вся надежда сейчас на вас, если вы не справитесь, я не смогу ничего сделать. Принесите мне головы тех, до кого сможете добраться, истребите всех наших врагов одним ударом. Их двери этим вечером были помечены белыми крестами. Ворвитесь в их дома, убейте всех! Не знайте пощады и сожаления, в ваших руках будущее города и нашей культуры. Помните, им никогда не сломить нашей культуры!

Группа отозвалась приглушенным одобрительным гулом.

Той ночью город вновь окутала тьма, но то была тьма людей.

Хищные стаи молодых жрецов и их приспешников, рыскали по районам, обыскивая квартал за кварталом. Они выламывали с грохотом двери, заходили внутрь роскошно обставленных зданий, где не знали голода во время осады, закалывали охрану и убивали всех тех, кто был внутри, не щадя ни прислуги, ни детей.

Звериная сила возобладала над страхом.

Когда-то эти люди смотрели друг на друга, и ощущали, что находятся в разных местах. Это было один город, но люди жили в двух разных местах. Роскошный, полный света и шума город землевладельцев и купцов и тихий священный город нищих жрецов были двумя разными городами. Теперь сухие жилистые руки хватили тех, что когда-то находился неизмеримо выше и тащили вниз; вдруг хозяева обнаруживали, что стоят на земле, как и все те, кто окружал их. И тогда наступала их гибель, от бесчисленных ударов ножами, легко входящими в плоть, их тела падали, как туши заколотого скота.

Рухнули многие тела, и рухнула власть вместе с ними.

Утром этот город будет другим.

Тогда на площади собрались многие тысяч самых простых ткачей, плотников, мелких торговцев, скорняков, портных, пекарей, каменщиков и многих других жителей, что подтверждали своё право на жизнь в стенах города каждодневным упорным изнуряющим трудом, которым пронизаны были их руки и ноги, глаза. Весь этот труд отражался в их облике бесчисленным множеством своих печатей в виде мозолей, синяков, ссадин, трещин и прочего.

Море усталости, отлитой в форме человеческих тел, застыло почти, шумя на площади.

Где-то ещё считанные тому дни тому назад бушевала битва, а теперь разгребали завалы и груды камней, из которых уже начали возводить новые дома, поэтому площадь была окружена строительными лесами по периметру.

Взбравшись на повозку, окруженный молодыми жрецами в черных мантиях, вооруженных мечами, с которых до сих пор стекала кровь убиенных богачей, верховный жрец города Протелеон оглянул сперва собравшихся и властно улыбнулся.

Он молчал.

Напряжение нарастало.

Где-то слышались одинокие крики, в других местах перешёптывались, а где-то просто разговаривали.

Пока наконец тишина не стала полной.

Только ветер слегка развевал белоснежные волосы верховного жреца.

— Эй, люди! Народ города! Вы все, я собрал вас всех, чтобы сказать вам, город теперь ваш! — после этих слов он кивнул кому-то из окружения.

Позади повозки вдруг подняли копыя, на которые были насажены головы. По толпе прошла волна возгласов ужаса, народ зароптал, шепот заполнил всю площадь, пока не был прерван возобновившейся речью Протелеона:

— Узрите! — он указал рукой позади себя, где на фоне насаженных на копыя глав, возвышались уцелевшие башни, чьи полуколонны рёбрами выступали над ровными стенами, демонстрируя нависшее над кварталами господство, — Эти люди думали, что правят вами. Теперь их нет. Этот город построили жрецы, и только жрецы могут управлять им. Это город богов! А теперь я обращусь ко всем крестьянам, поднимите свои руки. — В толпе поднялось множество рук, это были изнуренные лохматые бородачи в рубахах, — вы пахите землю, которую пахали ваши предки и будут пахать ваши сыновья, а теперь посмотрите на синее небо, — и многие в толпе обратили свои взоры ввысь, — там обитают ваши боги. Они завещали вам эту землю, они даруют вам урожай. Так кто может иметь право отнять у вас этот урожай? Богачи думали, что правят этим городом, и мы обезглавили их всех, они оказались такими же людьми, как и вы... — толпа возбуждалась все больше, Протелеон в долгой паузе переждал зарождение восторга, чтобы взорвать его последней своей фразой, — Теперь только боги правят нами!

Толпа взревела.

Жизнь города изменилась навсегда.

---

Беспокойно ходила Психея из одного конца зала в другой.

— Где же он?! — крикнула она.

Её мозг в бешеном ритме бросался к разным мыслям и образам, она думала, как уйти, убежать, умчаться из города. Очевидно, уходить лучше через восточные ворота, через которые готовится выйти караван в альвийские леса, чтобы в нем затеряться и там, в лесах, найти новый дом. Как она слышала, альвы ещё живы в глубине своих негостеприимных рощ. Но лучше попасть к альвам, чем к серокожим, хотя альвы тоже не люди.

Служанка показалась неслышно в дверях и склонив голову проговорила взволнованно:

— Госпожа, напротив дома толпятся люди! Госпожа!

— Какие люди? — Психея остановилась и посмотрела на служанку, — так, немедленно...

Она рванула с места быстрым шагом, взяв за руку девчонку.

Пересекая внутренний зал, они подошли к дверям и тогда Психея аккуратно отодвинула дощечку в двери, чтобы посмотреть в щель на улицу.

Около каменной аллеи стояли, неторопливо топчась люди в черных робах с дубинками в руках и поигрывали ими в воздухе, они о чем-то переговаривались и кидали хищные взгляды в сторону дома.

— Подонки! Они пришли за мной... черт, Таврион, где же ты пропадаешь! Как этот

кретин мог вывести всех рыцарей из города оставив нас с этими ублюдками в городе! Чтоб его растерзали демоны... Ты, — она обратилась к служанке, — собери только самые нужные вещи в два мешка, остальным слугам скажи, чтобы покинули дом по лестнице в нижний квартал. Живо! Замешкаешься, мы обе умрем!

Служанка дернулась и побежала торопливо, чтобы скрыться в одной из многих дверей.

Уже через четверть часа все было готово. Одна из лестниц позади дома расходилась на небольшой площадке, и вела не к кварталу, а огибала высокое скальное основание дома, заворачивала к тоннелю, который позже выведет к лестнице, ведущей в центральный район. Не все люди знали об этом тоннеле, так как он был весьма неприметным, а сами ступени не просматривались со стороны города.

Нигде ещё Психея так не спешила, она казалась самой себе быстрее ветра.

Ворвавшись в роскошно обставленный дом бывшего префекта войска, ныне считавшегося погибшем в страшной схватке с демонами, люди в черных робах обнаружили лишь опустевшие залы, где-то котел на дровах, что уже не горели, где-то не доготовленная еда, где-то разбросанные вещи, а где-то опрокинутое кресло. Но здесь больше не было ни души. Сбавив ярость, черные роботы стали, поплёвывая на мраморный пол, осматривать шкафы и сундуки на предмет наличия драгоценностей.

---

В ближайшее время в городе изменились все порядки.

С момента ухода рыцарского войска прошла неделя.

За эту неделю люди в черных робах успели проделать огромную работу, изменив городскую жизнь до неузнаваемости.

Оставшиеся после погромов истинные жрецы, верные верховному жрецу города Протелеону и его приспешники, после недолгого обсуждения приняли решение приступить к воплощению временного порядка, что станет, однако, лишь прологом к построению того города, образ которого завещали им их великие и мудрые предки.

В лучах света, лежащих на лицах скульптур, в которых отражено страдание мысли, висел зал, в центре которого сидели на ступенях десятки старцев в мантиях, но много среди них было и молодых.

В центре зала за аналоем, но без книги, стоял Протелеон.

— Эта ужасающая война, — говорил верховный жрец, — самая ужасная из всех войн, что когда-либо переживал этот континент. Но она дала шанс для человечества построить новый мир. Отсюда, мы, сломив тьму, начнем освободительный поход. Кто освободит мир, тот и установит в нем свой порядок.

Аплодисменты.

Длительные аплодисменты.

Лучи солнца вспыхнули ярко, прежде чем скрыться за рваниной пепельных небес.

— Мы все, собравшиеся здесь, — продолжал Протелеон, — давно знаем, что должно быть сделано. Осталось лишь распределить роли на данном этапе. Младшие братья наши со своими приспешниками должны немедленно расправиться со всем главами гильдий и мастерами, настроенными против нас, их списки мы раздадим сейчас, каждый сделает свою часть дела. Отряды ополченцев, возглавляемые лояльными нам командирами, немедленно должны занять все укрепления в городе, все четыре входа и башни подле них, а также установить патрули. Наши старшие собраты немедленно приступят к написанию текстов новых законов. Собравшись в ближайшие дни, мы утвердим все подготовленные законы.

Оставшиеся рыцари должны хранить верность городу.

Вновь аплодисменты.

Неистовые длительные аплодисменты.

Речь наполнялась силой. Лицо старца становилось все более грозным и одушевленным, глаза широко раскрылись, борода тряслась.

— После столь долгой ночи, наконец наступает день. Наши могучие боги, которые дали нам нашу землю, создали этот мир, чтобы мы жили в нем, славя их величие, наконец-то пролили свет, пробивший купол тьмы и зла, накрывший наш город. Этот город построен во славу богов, и боги не позволят его разрушить, помните об этом до конца. Культура дарована нам богами, когда великий хозяин неба снизошел, то вручил нашим предкам огонь, он начертал первые символы на песке холодного северного берега, и завещал хранить эти символы людям, — Протелеон возвел вверх кулак и стал потрясать им, — Тот огонь, что горит в кострах ничто по сравнению с тем огнем, который зажигается культурой и горит внутри нас, это истинное божественное пламя! Наша культура, это дар богов! Поэтому враги всегда могут убивать нас, вытаптывать наши поля, разрушать наши стены, но им никогда не сломить нашей культуры!

По завершению собрания молодые жрецы получили списки от старцев и, спустившись через многие этажи, вышли на ступени пред колоссальным зданием библиотеки, где их уже ожидала толпа, составленная из свор в черных робах с дубинками. Жадные до насилия юные бедняки, поигрывающие палками, стали радостно приветствовать своих лидеров.

Тем вечером вновь начались погромы и убийства.

Черные своры обыскивали квартал за кварталом, башню за башней, дворец за дворцом, в поисках своих врагов, чья смерть уже свершилась на бумаге и теперь лишь должна была стать трагичной явью.

Они врывались и палками избивали их жен и прислугу, запинывали детей, душили всех домашних питомцев, крушили мебель и утварь, а найдя самих приговоренных, жестоко расправлялись с ними, забивая дубинками до смерти. И после этого, забирая все драгоценности, уходили, оставляя за собой плач сирот и вой вдов; не трогающие их души страдания слабых ничтожеств, не постоявших ни за город, ни за свои судьбы, и недостойных сочувствия людей в черных робах.

А утром они были везде.

Черные роботы стояли на каждом углу, следя за тем, как рабочие переносят запасы из дворцов и башен в громадные внутренние амбары Библиотеки. Везде на стенах стояли ополченцы, пока рыцари шли длинной нестройной колонной в Библиотеку, там они поднимались в верхний зал и вновь приносили клятву чести городу и его богам, а также верховному жрецу города, хранящему порядок, дарованный богами, хозяевами небес.

Через некоторое время уже все люди были заняты работой на оборону. Сил для удержания городских кварталов теперь не хватало. Рыцарство ушло и справляться придется без его сил. И хоть последние сотни титулованных воинов остались для защиты стен, они могли в предстоящей битве служить лишь хребтом, на который крепятся мышцы будущей силы. Количество бронированных людей все ещё было велико, но не так, чтобы успешно вести городские бои против превосходящего врага. Осадных машин стало меньше, стрелы заканчивались.

Люди готовились принять последний удар не среди кварталов, но в Библиотеке, которая могла быть неприступной. К площади перед ней вели три виадука. И там, на трёх мостах



через пропасть, отделявшую город от вершины, хранящей его власть, люди решились принять последний свой бой.

Рубеж Библиотеки станет последним, но самым неприступным.

Но пока враг подступался, пока женщины и дети стекались в катакомбы библиотеки, разделённые по отрядам горожане спешно возводили баррикады в восточном районе, ещё не тронутом войной. Бои в нем должны были истощить силы противника. В каждой улице спешно откалывалась плитка, из которой составлялись баррикады на виадуках меж кварталов, разъединённых ущельями. Везде там люди таскали камни, а лучники сновали по крышам.

Каждый квартал становился крепостью.

В людях вновь нарастала тревога. Но это было новое чувство. Если прежде они ожидали конца за спинами рыцарей, то теперь они сами были назначены хозяевами своей судьбы, и им предстояло принять лишь на себя самый страшный удар.

Братья в черных робах не уставали кричать, что только боги могут править их городом, и боги защитят этот город.

Толпы собирались в каждом квартале, пред жрецом, который своими речами наполнял головы жарким безумием, растапливающим холод тоски от ожидания гибели, развеивающим мороз страха от неминуемых страданий. В экстазе люди ждали конца, жрецы вырвали их мысли и подбросили к синему небу, и те почувствовали в себе, как мир пришел в движение.

---

Ночная синева вылилась в мраморные, каменные коридоры, среди стен, покрытых письменами и рисунками сцен из прошлого города.

В синеву эту окунулось пламя факела и люди в нем.

Ведомый двумя старцами в мантиях, Протелеон шагал через длинный проход величиной с телегу и низким потолком, до которого спокойно можно было дотянуться. В конце же его оказался проем без двери и маленькая комната за ним, а в ней на каменном кубе, вырезанном из твердой плоти самой горы, лежала книга, вся в пыли.

— Мы нашли это! — с придыханием сказал старец слева.

— Это та самая безымянная книга основателей? Какие неизвестные молитвы она может хранить? — Протелеон узнал рукопись по её по черной обложке из кожи, украшенной мелкими рубинами по краям, — Текст изучен уже многие столетия тому назад.

— Нет, — сказал жрец слева, — это первая рукопись, её писали сами основатели.

— Эта книга хранит молитву, — продолжил мудрец справа, — которую записал здесь один из основателей нашего города. Монах, чьё имя давно забыто. Он прибыл с Острова очищения сюда. Духи, что видели сотворение этого мира поведали ему о словах, способных изгнать все то зло, что существовало здесь при создании этих земель.

— Молитва... — во взгляде Протелеона, упавшем на массивный трактат, глубоким пониманием отразились огни в глазах старцев, — как низко мы пали в сравнении с теми обрядами, что были способны проводить наши учителя.

— Пришло время, Протелеон, вернуть нам наше могущество! — неожиданно и твердо подсказал мудрец справа.

Протелеон внутренне улыбнулся, затем резко спросил:

— Что с нижними этажами Цитадели?

— Мы выставили охрану в коридорах, вниз никто не спускался.

— Идем туда, немедленно.

Метель.

Дорогу замело.

Но вот, склон преодолён, и за его изгибом наверху ровные очертания.

"Город!"

Неясный игольчатый ряд, то была городская стена, рассеянная сильнейшей бурей, снег крыл всюду и облеплял ткань, которой Таврион замотал лицо.

"Как же холодно..."

Каждый шаг утопал в снегу по колено.

"Нет, большие никакой темноты нет... прочь от неё, в город, только в город..."

Образы мелькали в сознании, прокручиваясь с быстротой.

Чернота.

Вопли, крики, стоны.

И чьи-то руки, чужие лапы, когти, зубы, зловонное дыхание.

"Нет... Нет. Нет!"

Холод проникал всюду внутрь, уже ощущались ноги, будто голые и погруженные в сам снег, словно ставшие этим снегом.

И только в заунывном вое метели утопали выплескивающиеся из-под истончавшей поверхности сознания вопли внутренних страхов.

"Нет!"

Но стояли здесь столбы, которые обозначали дорогу, и медленно Таврион, с каждым трудным шагом, прорывался от одного столба к другому, а где-то позади, его соратники оступались и ныряли в сугробы с головой, и их было уже не спасти.

"Белая смерть..."

Ещё плелись за ним рыцари, сбросившие доспехи, одетые в одни стёганки, уже без белых накидок городского воинства.

Но вот они дошли до врат и вдруг увидели.

Колья на стене.

А на них...

Головы.

С одной из них снежный ветер сорвал красную тряпку, обрывок капюшона, отрубленного вместе с главой. А на стенах, под выступающими зубцами, висели повешенные рыцари, в доспехах.

Протелеон пал на колени.

Холод исчез.

"Нет..."

Он медленно закрыл лицо руками, пока позади него вставали один за другим одинокие воины, с лицами полными ужаса вззирающими на стены родного города.

— Твари захватили город!? — взволнованно закричал один из рыцарей.

— Нет! — ревностно крикнул другой, прорывая своим голосом визг метели, — Серокожие сожрали бы мертвых!

— Что нам делать?

— Что же делать?

Раздавались отовсюду вопросы.

Таврион, окунутый в горячую бездну сожаления, неспешно поднял голову. Встряхнулось

облитое кровью сердце, и сжались кулаки.

— Мы вернемся в наш город, во чтобы то ни стало! — загремел он, вынув с лязгом свой полоторный меч.

Встал и пошел.

И пошли за ним рыцари.

# Глава IV. Сон дракона

## Глава IV

### Сон дракона

Грязь.

Мокрая слякоть под сапогами.

Лёгкое потепление в эти дни, предвещавшее особо сильные морозы, не жило тела людей.

Нижний квартал горел, по виадуку в него быстро проникал отряд из двух сотен ополченцев. Горожане в нагрудниках и кольчугах с круглыми щитами и копьями строились в фалангу и медленно выдавливали серокожих тварей, одетых в рванину.

Элитные черные бронированные воины противника закончились в битве на площади центрального района. И теперь оставшиеся серокожие отбросы с их искаженными неправильными руками и ногами, с разнообразным строением их убогих тел, перекошенными мордами, скалились и мечась по земле на четвереньках бросались на щиты, с треском ударяя по ним, но получали в ответ копья, и раненные, отползали назад в дикую стаю прочих плохо вооруженных тварей.

Так медленно счищали серую грязь воины ополчения.

Отдельные мелкие отряды проникали в переулки и запинывали попадавших там тварей. Лучники же ставили лестницы и забирались на крыши, подойдя аккуратно по черепице, они стали обстреливать отползающую толпу серокожих. Те с визгом падали, и на пути отступления лежали напичканные стрелами покореженные трупы, а горожане топтали их и добивали своими копьями и топорами, отрубали головы, и задние ряды насаживали эти головы на свои копья, чтобы нести их для устрашения рядом с белым знаменем города.

Летела щепка, ломались щиты, трескались и разрубали на части от ударов тесаков и клевцов тварей, те прыгали, выхватывали из фаланги воинов и утаскивали в свою толпу, где на глазах у горожан тут же за считанные минуты разрывали на части, они кидались затем оторванными кусками тел в ополченцев. Облитые кровью товарищей, горожане в ярости усиливали темп наступления, вырезая ряд за рядом тварей, что уже перестали сопротивляться и жались к узкой лестнице, ведущей на площадь западного района.

Уже из-за домов виднелась огромная цитадель.

Твари цеплялись друг за друга, лезли через головы, взбираясь на ступени, чтобы затем убежать наверх, бросив диких сородичей, закалываемых как скот на убой.

Вскоре весь квартал был почти зачищен, но сверху на краю площади показались лучники тварей, и стали из луков обстреливать людей на крышах и ступенях к площади, а также сбрасывать валуны, заготовленные здесь же, заставив ополчение ретироваться за уцелевшие дома, а лучников слезть в переулки или спрятаться на чердаках, выломав ставни в крышах.

В это время отряд рыцарей под предводительством самого Тавриона бежал близ массива скалы, чтобы забраться на один из высоких трехэтажных корпусов, бывшего многоквартирного дома, в котором жили и работали сапожники. Там, втащив на крышу огромную деревянную осадную лестницу, они смогли усилиями десятка воинов поднять её и приставить к краю площади наверху.

Длины хватило. Рыцари стали быстро взбираться один за другим. Твари поздно заметили это, полетели стрелы, не наносившие вреда белоснежным латным доспехам.

Ворвавшись на край площади, рыцари немедленно навязали драку стрелкам серокожих, те бросались и бились тесаками, но рыцари лишь разрубали их одного за другим, и затем целыми пачками, разливая повсюду их черную мерзкую кровь.

Летели куски тел, конечности и головы.

Таврион наконец забрался, оказавшись в кругу латников, истребивших немногочисленных стрелков врага.

Встав на край, он закричал:

— Эй, внизу! Сюда! — затем, обращаясь к своему помощнику, — Труби наступление!

Зазвучал рог.

Внизу из-за домов вышло единой плотной массой ополчение, река, оцетинившаяся копьями, быстро вылилась наверх.

И вот среди развалин и руин, среди леса длинных пик, на которые были кругом нанизаны тела убиенных людей, среди грязи и пепла, воины стояли, ожидая дальнейшего, пока Таврион неспеша осматривал местность.

Здесь была такая же пустыня из обломков, как и в центральном районе, и лишь там, на востоке начиналась застройка.

Вышел на большую груду обломков стратег города, чтобы обозреть пространство.

Хищный его взгляд увидел последние осадные орудия, которые запускали снаряды куда-то далеко за кварталы.

"Это оно! Эти твари покрывают жидким огнем главную улицу, что идет от моста из центрального района."

Он поднял меч:

— Воины, за мной!

И небольшой, но плотный массив людей двинулся по грудам, сбивая своим ходом пики с насаженными трупами, те падали и трескались, а кругом позади валялись эти самые замученные тела.

Когда приблизились, твари заметили их и покинули свои машины, разбегаясь, чтобы затеряться в переулках меж уцелевших домов. На улице после машин осталась лишь крупная свора серокожих, огрызающаяся и не дающая людям сломить последнюю баррикаду.

Таврион выбежал вперед, дав знак помощнику.

— Раздавим их! В бой!

И зазвучал рог.

Твари у баррикады в своем убогом ужасе разворачивались, чтобы увидеть, как с тыла на них несется плотный строй ополченцев.

Зажимаемые с двух сторон серокожие протыкались и разрубались, как свалившиеся в кучу куски мяса. Быстро образовывалось под сражающимися смердящее озеро черной крови.

Вскоре все нелюди были истреблены, и ополченцы встретились с рыцарями.

Одним единым воинством, ведомым своим стратегом Таврионом, вооруженные горожане и рыцари вышли на последнюю пустошь пред Цитаделью, откуда враг получал приказы, где гнездилась тьма, с которой они так неистово вели борьбу.

Тяжело дыша грудью, стратег стоял, озираясь. Далеко впереди на стенах внешней стороны кварталов, поднимались белые знамена людей.

В небе больше не летали драконы, не слышно было их режущего слух визга.

Таврион видел, как последние отряды серокожих спешно скрываются во тьме врат цитадели и те закрываются.

"Это конец. Мы отсталяли наш город. В цитадели они не остановят нас!"

Тогда стратег города взошел на груды обломков, из которой торчали остатки стены и обращаясь к тысячам воителей произнес:

— Победа!

Поднялся бравый шум ликования, штандарты качались из стороны в сторону, люди кричали и смеялись.

---

Табия спешила за Люцием.

Тот шагал, лязгая в своих воронённых доспехах, украшенных редким золоченым узором в виде шипастых стеблей розы, держа в одной руке руку спутницы, а в другой цилиндрический шлем с прорезью для глаз.

— Что происходит!?

— Они уже здесь! — прикрикнул на неё Люций и дернул за руку, чтобы та пошевеливалась.

— Мне больно!

— Быстрее!

И Табия не смея более упираться, шла быстро, как только могла.

Они спустились по винтовой лестнице и попали в широкий коридор. Впереди из-за угла выскочила группа из трёх воинов в стёганках с факелами. Они быстро заняли проход, выставив копыя.

— Отойди, — тихо бросил он и отдал ей свой шлем.

Сделав пару шагов, демон растворился черным густым дымом, и растёкся под ноги попятившихся от ужаса воинов, и вдруг за их спинами, он воплотился, одним страшным выпадом разрубив троих со спины.

Табия, сглотнув, наблюдала.

— Не стой там, иди ко мне, — властным ровным тоном произнес демон.

Легко и молча Табия побежала к нему.

Пройдя ещё полукруг, они вышли к винтовой лестнице стержневой пустоты Цитадели. Спустились на несколько этажей, после чего сделав ещё несколько поворотов нашли покой, где мирно спал Стратоник.

— Вставай, префект! — громко сказал Люций.

Открыв глаза, Стратоник приподнялся и, опустив ноги на холодный пол, стал протирать глаза.

— Бежишь из цитадели, генерал? — ехидно спросил человек.

— Не время, пошли. Оденься и мы уходим отсюда. Ты же не думаешь, что я оставлю тебя здесь! — последовала властная ухмылка.

Демон встал в дверном проеме, и наконец спрятал меч в ножны.

— Люций, они ведь ещё вчера не перешли моста! — визжала Табия.

— Стратег города хорош, — демон задорно распалялся, — Не нужно было никаких уловок и гениальной тактики. Достаточно было одного удара, окружить и разбить мои лучшие силы на открытом пространстве. Достаточно было этого, чтобы все посыпалось.

— Как хрупка ваша мощь! — произнес Стратоник с издевкой в голосе, заканчивая одевать плащ поверх многих туник для тепла.

— Это всего лишь одна из немногих побед людей, отсрочившая ваше неминуемое падение. А теперь уходим отсюда!

Все трое вышли и пустились в запутанные переходы и лестницы Цитадели.

Где-то в этом огромном здании шли бои, и последние твари сопротивлялись стремительному вторжению людей.

Колосс Цитадели вмещал в себя одновременно множество самых разных событий.

Вскоре они спускались по винтовой лестнице, которая, казалось бы, не будет окончена. Стратоник понял, как мало успел он изучить в этом громадном здании, и как много ещё секретов оно таило в себе.

Тоннель, необычной круглой формы, вел далеко вперёд. Несколько часов они шли, пока не очутились на выступе снежного склона, где местами сошел снег с валунов.

В паре миль ниже узкой полосой тянулось то, что когда-то было рощей. Почерневшие стволы. Не было нигде зелени, только снега, и торчащие из них обломки мертвых деревьев.

С горечью созерцал эти места Стратоник.

— И все же мир умирает, и не от зимы это засыпают земли. Вы, демоны, виной тому.

— Ты видишь осень этого мира, префект Стратоник, но за осенью наступает зима, — демон пытался взять успокаивающий тон, — И нет, это не смерть. Это лишь самая суровая осень, что когда-либо переживал твой мир. Ты ещё увидишь новую жизнь здесь.

— Нет, не хотел бы я увидеть то, во что превратится жизнь на этом континенте, если это нечто будет жить под твой властью, — в голосе перемешивались тонкими струйками обида и тоска.

— Ладно, давайте действительно уберемся отсюда! — заговорила Табия.

— Идем, — угрюмо ответил Стратоник.

И Люций повел их через снега, оставляя глубокие следы своего размашистого шага.

---

"За что теперь бороться если, выйдя из города мы увидим лишь мертвые дали..."

Они шли разрушенными селениями и разжигали печи внутри, чтобы Стратоник не умер от холода. Еды нигде не было, но ещё немного вина у них оставалось с собой. Несмотря на окружающую их всюду гибель, дышалось вдали от города и войны гораздо лучше.

С поздним зимним рассветом они вновь поднялись и двинулись в путь по заснеженному предгорью, усеянному черными кусками, вырывающейся наружу скалы.

Впереди шел Люций, усталый Стратоник догонял его, за ними плелась Табия.

— Куда мы идем? — спросил префект.

— К моей армии.

Над ними было серое небо. Внезапно пролетела черная тень и упала где-то за рощей. Зорким взглядом Стратоник успел узнать дракона.

— И долго ещё идти? Ты чувствуешь своих выродков?

— Да, я чувствую их приближение, — в голос Люция закралась радость.

— Ты напряжен теперь, ты не ожидал этого поражения?

— Это, на самом деле не первое моё поражение. Мои крупные отряды громили ещё в землях Стремительного. Но это поражение самое крупное, — он грустно поправил плащ, — такого разгрома я действительно не ждал.

— Тебе только предстоит увидеть, на что способен человек! — воскликнул Стратоник.

Медленно Люций повернул голову, одним глазом поглядев на человека. Затем снова устремил свой взгляд вперёд, ухмыльнувшись самодовольно, и это чувствовалось в голосе:

— Предстоит... Ха. Я покори́л весь этот континент. Орды мои сокрушили все армии этого мира. Все столицы пали к моим ногам. Один город продолжает ещё сопротивляться мне. Это не имеет значения. Новый удар будет гораздо сильнее. Мы встретимся с моей армией, ты увидишь, десять тысяч отборных моих созданий, закованный в броню. Я снесу этот город!

— Ты игрок и обманщик, — отвечал Стратоник, — я слышу это в каждом твоём голосе. Ты мог бы говорить это кому угодно другому, но от моего взора не скроешь. Я вижу, все твои замыслы, все твои планы, все хитрости. Ты прогорел! Эти десять тысяч не стоят и одной тысячи наших рыцарей, мы раздавим тебя!

— Я действительно игрок, но не стоит переоценивать и свои силы. Ставки слишком высоки, префект.

— Не знаю, префект ли я, имеет ли это смысл. Должно быть, когда я вернусь, эта война давно закончится, и я смогу быть выбран жрецом своего квартала. Я не воин... никогда не был воином...

— Не обязательно быть воином, чтобы сражаться.

Пауза. Табия стала идти быстрее, словно её усталости до того не было, или она только тешилась ею.

Где-то за рощей впереди пошел дым от костров.

Солнце уже сделало свою дугу и медленно садилось, небосвод становился все более сизым, наливаясь потемнением.

— Скажи мне, Люций... — внезапно голос Стратоника стал печальным, — что будет после этой войны?

— Стратоник... — он вздохнул, — ничего хорошего.

Оба они встали по колено в снегу, пока Табия побежала вперёд. Там, среди деревьев уже мелькали серые уродливые фигуры.

Грустно взглянул человек на демона.

— Но, если будешь подле меня, я обещаю тебе новый мир, — с теплотой произнес Люций.

Пройдя узкую полосу рощи, путники увидели огромный лагерь. Это было бесконечное поле, где в грязных ямах копошились твари. Им не нужны были ни шатры, ни костры, они рыли норы в снегах, или просто валялись под деревьями и в порослях кустарника. Посреди этой бесконечной толпы высились осадные башни, а вокруг них стояло множество метательных машин: катапульты, баллисты, скорпионы.

Путники прошли в дальний конец лагеря, где стояло несколько шатров. Там они остановились. Серокожие, обставляющие все внутри, в спешке вышли по их приходу. Здесь было скромно, не так, как в Цитадели.

Сели в кресла и наконец расслабились. Стратоник грел руки у жаровни и пил вино большими глотками из бурдюка, пока Люций медленно потягивал из кубка.

— Как же тяжело быть человеком, — медленно и сухо протянул Люций.

— Все равно лучше, чем демоном, — последовал такой же сухой ответ.

— Ты прав.

Напившись и согревшись, Стратоник наконец расслабился, голос его стал тверже и серьезнее:

— Я не понимаю, что твари будут делать в этом мире, когда сожрут всех людей. Здесь будет пусто. Мы обитатели и создатели этого мира. Наши боги вручили нам этот континент,



чтобы мы прославляли их. Прекрасные города будут стерты, поля останутся в запустении... останетесь лишь вы и альвы, эти лесные ублюдки.

— Не обязательно все люди погибнут. Но этот мир переродится. Ты увидишь это. Стратоник, тебе ведомо, как рождается магия?

— Магия? — Стратоник улыбнулся.

— Да, откуда ваши мудрецы берут свою силу.

— Наши жрецы бродят там, где обитают мысли людей.

— Это лишь одна её сторона, секреты, хранимые миром ваших духов... Но я говорю теперь о силе, которую дает магия.

— Сила, что течет по нашему миру, — Стратоник засмеялся, — это та сила, которой я чуть не убил тебя тогда, на потеху твоим же сородичам.

— Да... да, — с игривой обидой ухмыльнулся Люций.

— Это сила, текущая здесь бурными реками, они сходятся в нашем городе. Именно поэтому наши предки основали там город. Он питается этой силой, поэтому там можно жить несмотря на то, что он стоит на вершине горы. Мы рассеиваем сознание, чтобы вобрать в себя эту силу, но это достигается лишь долгими и упорными занятиями. До войны я практиковал это. Но рог зазвучал, и я был вынужден уйти в войско, где меня назначили префектом. А я так хотел стать жрецом... Люций, я никогда не хотел воевать. Война не была моим призванием.

— Тем не менее, то владение незримой силой, что ты показал, восхитило меня. Мало кто из демонов способен извлекать такие объемы из тайных рек.

Лицо префекта скрасила мечтательная улыбка.

— Мы, люди, зовем их Огнем мира...

— Красивое название.

— Наш город славится своей культурой, — Стратоник окреп, и с примесью гордости, голос его звучал все более низко и плавно, — Если ты гулял когда-нибудь по Стремительному, то мог заметить в лучших его домах скульптуры, это дело рук наших мастеров. Красота пронизывает всё наше существо.

— Да, влияние вашей культуры на континенте несомненно, — согласился Люций, затем сделал большой глоток, — но речь не об этом. Должно быть тебе ведомо, что вокруг вашего солнца крутится не только лишь одна эта планета.

— Да, это известно мне.

— Планет много, но не во всех течет сила. Огонь, как ты назвал это, есть лишь у этого мира.

— Наши мудрецы толкуют о том, что планеты оживают от огня мира, не может быть, чтобы в других мирах не было этого огня.

— Не огня, но даже жизни нигде нет, все прочие миры этого солнца, просто огромные каменные пустоши. Это одинокие глыбы, размером с этот континент.

Широко раскрыв глаза, Стратоник замер в кресле, затем выпрямил спину, и спустя ещё мгновение поднялся слегка возбужденно.

— Хм, не может быть этого.

— Почему же?

Префект сделал несколько шагов из стороны в сторону, а затем вновь сел в кресло, выдерживая прямооту и подняв руку, пальцы которой были большой и указательный образовали кольцо, а три остальных были вытянуты, стал уверенно говорить:

— Вселенная наша родилась из яркого взрыва. И была сперва лишь грудой облаков. Наши мудрецы видели это в своих видениях. Туманы объединялись в пыль, затем в камни, и наконец возникли планеты. Все движется в этой вселенной к центру мира, чтобы затем однажды вновь сжаться в единую точку, из которой последует новый взрыв. Этот цикл наши предки называли Перерождением мирового огня. Но ежели всевозможные вещества собрались в одну большую планету, то не могла она не вобрать в себя вездесущего огня вселенной!

— Нет, Стратоник, и я покажу тебе однажды это, — после недолгой паузы, тяжелую речь, словно наполненную развевающей тьму истины, продолжил Люций, — я был в тех мирах. Там нет жизни. Только камни. Ничего, кроме камней. И тайные реки там не текут. Истина в том, что сила течет из-за пределов, где нет даже звезд. Течет в нашу вселенную, к её центру, где скапливаются светила неба.

— Но на чем основываешь ты свои слова? — в упор спрашивал оживший Стратоник, спор о сути устройства мира взволновал его, как ничто другое.

— Я видел это! — прохрипел демон, внезапно сверкнув своими холодными глазами, как молниями на грозном небе.

— Ха, Люций, я тоже много чего видел, — префект оперся локтем на одно колено, — Но всегда ты говоришь, что покажешь мне нечто. Так дай же мне узреть ту невероятную истину, о которой ты постоянно лишь только роняешь слова! Не то станется, что эти слова всего то дополнение к твоему наряду, ты влачишь их везде, они звенят, как безделицы.

— Рано... префект Стратоник, рано.

— Зачем же тянешь время?

— Я хочу, — Люций злобно заулыбался, также направив в упор взгляд на Стратоника, — в последний раз насладиться содроганием твоей души, пока разум твой ещё не тронут истиной!

— Ужасен, как ты ужасен, — сухо сказал префект.

В шатер ворвалась Табия, с лицом испуганной оленихи.

— Элой! — крик её перерастал в визг, — где Элой!

— Мертв, Табия, — спокойной ответил Люций.

— Что... — беззвучно произнесли её губы, — мертв...

Лицо затряслось в нарастающих рыданиях. Табия пала на колени. Встал Люций и подошел к ней, снял свой плащ и укрыл её, помог подняться. Вместе они прошли к кровати.

Обессиленная, Табия упала в постель и содрогнулась в рыданиях.

Стратоник и Люций вышли.

Тишина была кругом, только лабиринт застав из черной ткани был, что образовали множество загонов для сна серокожих тварей, где они копошились, спали, пожирали кого-то или дико лаяли друг на друга во внезапно вспыхнувшей драке. Огней было мало, но по границе лагеря костры горели.

— Как это случилось?

— Я забежал за ним первым. Ещё прежде, чем отыскать Табию. Когда я поднялся в главный зал, он уже стоял у окна. Дул ветер, и снег лежал у его ног, он, видимо, давно смотрел вниз или куда-то вдаль. И я успел окрикнуть его. Знаешь, повернувшись, он улыбнулся мне, — пауза, — перед тем, как упасть.

— Но разве демон умрет, упав с такой высоты, разве не воспарит он черной тенью?

— Если захочет, то нет. Элой знал, чем ему это грозит.

— Грозит? Что же будет ему? Ведь теперь он мертв.

— Это для демона не смерть. Элой слишком сильно устал. Он забылся. Демоны так легко не покидают своих тел, поэтому он решил упасть с вершины этого мира.

— Ты хочешь сказать, он мог остаться жив? Мы должны найти его!

— Тише, — резко прохрипел Люций, — нельзя, чтобы Табия слышала об этом.

Спустя какое-то время Стратоник приглушенно спросил:

— Она любила Элоя?

Люций нахмурившись глянул на Стратоника, на что тот отвел взгляд.

— Нет, он конечно же не останется в живых, никакое тело не выдержит такого падения.

Но наши хозяева найдут его. Мучения ожидают Элоя. Он поплатится за то, на что покусился. Дух его будет пытаться скрыться в других мирах, но они все равно найдут его. Их кара неотвратима.

— Твои хозяева... я так и не смог узнать, кому же ты подчинен, Люций.

— Мои хозяева скоро придут, и ты сам их увидишь.

---

Глубокая ночь.

Тихий снегопад.

Круглая луна была видна.

Мерно марширующие ряды рыцарей, заранее одевших латы перед боем, плотно шагали по дороге, далее плавно идущей вниз в гигантскую расселину, выстраиваясь перед спуском.

А наверху по краям уже бежали лучники и арбалетчики, раскладывали стрелы, собирали камни и тащили валуны, готовясь к своей засаде.

Где-то в вышине пролетел дракон. Таврион глянул на него бесстрастно, не предав никакого значения его появлению. Он начинал искренне верить, что орда тварей надвигается лишь для того, чтобы умереть под его ударами.

Кони на континенте были почти исчерпаны, нигде в конюшнях или опустевших деревнях не осталось лошадей, поэтому войско стало целиком пешим. Но за многие месяцы городских боев, рыцаре привыкли к пешему бою. И хотя теперь их было гораздо меньше, они, освещенные предыдущей славной победой, свято уверовали в своё превосходство.

Они сняли свои шлемы.

Вперёд вышел Таврион.

На том конце ущелья, что было длинной чуть менее одной мили, показались черные толпы. Они быстро шли одной большой рекой.

Встав на попавшийся рядом валун, Таврион также снял свой шлем и оглядел построившуюся тяжело бронированную фалангу, её белёсые доспехи отражали призрачный лунный свет. Лик стратега выражал уверенность и силу, глаза хищно сузились, разросшаяся борода выступала вперёд.

Лёгкое завывание ветра.

Гул нечеловеческих криков вдалеке.

— Рыцари! Этот день станет днем нашего триумфа. Близится последнее сражение этой ужасной войны. Силы врага на исходе. Обезумев, эти твари несутся в ущелье, где им уготована верная смерть. Так разобьем же их раз и навсегда, боги даровали нам этот мир, изгоним тех, кто противится их воле! И помните, что за нами последняя столица этого мира...

Он надел шлем. Последние слова его речи показались слегка овечьими мраком, ведь ни от кого больше нельзя было укрыть, как страшен их враг, и чем ближе он был, тем больше

сомнений внутри людей возникало.

Свет, заполонивший их умы, боролся теперь с зарождающимся ужасом. Но пока они видели своего стратега и его решительность, то могли держаться уверенно.

Таврион стукнул об камень своей двухсторонней секирой и спрыгнул, встав в первые ряды.

— Вперед! — крикнул он в сторону своему помощнику.

Рог протрубил наступление.

Белый штандарт над фалангой наклонился вперед.

Фаланга двинулась.

Сражение началось.

Медленно и тяжело шагало рыцарство по рассыпчатому каменистому дну коварного ущелья. Вверху же в звездную щель превратилось в небо. Лязгали доспехи, шумели щиты и копья. Кроме лат, молчанием были скованы воины.

Когда наверху показались в небе десятки и сотни черных драконьих теней. Лучники стали пускать стрелы вверх, страх волной прошелся по отрядам стрелков, они стали выбегать из редких порослей и метаться меж валунов. Драконы летели на них, хватали отдельных лучников и уносили в небо, в них летели стрелы, какие-то драконы падали, усеянные арбалетными болтами.

Враг приближался...

Вдох.

Выдох.

Все сжимается внутри.

Черная бронированная орда налетела внезапно на стройные ряды фаланги. Копья затрещали, они ломались об броню, вынимались мечи, крушились щиты, звенели латы. Засверкало молниями клинков поле брани.

Рубка.

Падали рыцари мертвыми, их утаскивали твари и разрубали тесаками на части.

Рыцари наступали, крушили тварей, ломали их шлемы ударами булав, мечами резали в зазоры, топтали их, отрубали им руки и ноги, заливая все их черной кровью.

Раненных воинов отводили в глубину строя и утаскивали назад из ущелья, новые свежие рыцари шли вперед и заступали вместо товарищей.

Сверху летели стрелы, падали камни, тварей давили и истребляли. Вскоре они начали отступать.

Но вдруг из черной толпы вырвались серокожие крылатые монстры и устремились целыми облаками вверх. Копыщащиеся тучи серых крыльев взвивались огромным столбом. Они быстро достигли краев расселины и вступили в бой со стрелками, что не могли им сопротивляться и разрывались на куски.

Трупы падали сверху, чести тел, лилась кровь.

Кровь уже шла дождем, прямо в полете монстры поедали убитых людей.

Белые доспехи рыцарей окрашивались в красный.

И вдруг вновь наступила темнота.

— Нет! Нет! — кричал Таврион, — держите строй, тьма не продлится долго! Идите на мой голос! Слышите меня, рыцари города!

Но воины не хотели слышать его, их глаза не видели ничего, ни собственных рук, ни даже очертаний чего-либо, а лишь одну черноту, которая заполнила мира в эти страшные

мгновения, подобные слепоте.

— Нет! Бежим! — кричал кто-то в толпе.

— Моя рука, они пожирают мою руку! — раздавались крики боли.

— Держите меня, держите, они утащат... — оборвался чей-то голос.

Вскоре уже не было криков, только чавканье и хриплый вой нелюдей, звуки надламывающихся тел. Разверзлась колоссальная трапеза. Ползали везде и жрали людей, твари сдирали шлема и выдавливали глаза, ели лица людей, пока другие отрезали им конечности, снимали латы, кинжалами разрезали тела.

В этом мраке, Таврион размахивал секирой и брел назад, он рубил все, что попадалось ему, отталкивал и отчаянно бежал, под ногами были скользкие тела, он падал среди бронированных мертвецов, слышал плеск крови кругом. Холодная кровь проникла под латы, когда упал. Мокрый он встал и побежал, разбрызгивая что-то. За спиной копошились и скреблись, хрипели.

Нигде больше не было слышно криков.

Тишина наступила.

Стихли brave выкрики воинов, не шумела больше сталь.

А только раздавались отзвуки чьей-то трапезы в этой темноте.

---

В низине было тепло.

Здесь были зелёные луга, они спускались к реке, её берегу из гладких камушков, среди которых текла чистая вода. В ней плавали серебристые рыбки, приносившие путешественникам удачу.

Неслышно звенело белое солнце.

Здесь не было зимы, но все же было прохладно.

"Пока мир умирает, это место живет... Зелёная трава, как давно я её не видел..."

Стратоник меланхолично пал на колени у края тропы и стал ладонями медленно водить по траве и мелкому кустарнику.

— Ну же, идем, — сказала Табия, — давай, Люций ждет.

Она рассматривала с плохо скрываемым интересом человека, изредка кидая взгляды в спину Люция, что шел впереди медленно, черный плащ его чуть развевался от ветра.

Закрыв глаза, префект ощущал кожей приятный ветер, спокойная улыбка растянулась.

— Здесь хорошо.

— Да, здесь и не подумаешь, что твой мир уже мертв, — едко добавила Табия и захихикала.

— Заткнись, — человек ухмыльнулся.

Они вновь неспеша двигались.

Преодолев брод, они увидели на краю рощи, полу-окруженный деревьями большой белый дом, похожий на храм. Его двухскатная белая крыша была подперта ребристой колоннадой с округлыми пьедесталами и ажурными капителями, изображавшими свитки. Перед домом была площадка, вымощенная массивными белокаменными плитами, сиявшими на солнце.

Внутри, за колоннами были стены и вход, двери из темной древесины, оббитой золотыми полосами по краям, у них были круглые тяжеловесные ручки.

Люций взял одну из них и потянул на себя, высвободив застарелый скрип.

Внутри был пыльный полумрак. Свет косыми столбами падал из щелей мелких окон у

потолка. Исходил запах мокрого гниения. И в этом полумраке на скамьях, напоминавших каменные саркофаги в склепе, тут и там, сидели или лежали разные люди.

"Они только выглядят, как люди. Демоны. Но что с ними?"

Медленно повернулся демон, черный плащ его колыхнулся.

— Вот они, мои братья, — Люций говорил с присущей ему грустной улыбкой, — Когда-то были они смелыми людьми, лучшими воинами, отдавшими свои земли, мудрыми жрецами, забывшими своих богов, лучшими людьми.

— Что за уныние? — сказал гневно Стратоник, — и все же, с каким дерьмом мы ведем войну.

— Я хочу, чтобы ты знал, какова демоническая природа, как тяжело душе совладать с ней.

— Меня тошнит от всей этой слабости! — крикнул Стратоник, и ещё раз бесчувственно оглядел помещение, полное апатичных тел.

— Глумись, сколько влезет, — засмеялся Люций, — мне и самому уже на них плевать.

С этими словами, Люций вытащил меч с лязгом, столь громким в этой усталой тишине, и передал Стратонику, но тот лишь отвел рукоять в сторону, отвернулся и вышел на свежий свет дня.

— Признаться, — Люций вернул меч в ножны, — мне казалось, ты можешь проникнуться к ним сочувствием.

Где-то пролетела стая мелких птиц, послышалось щебетание.

Подул совсем летний ветерок.

— Я мог бы. И сам я устал от войны, от города, от вездесущей смерти. Сколько длится эта война? Сколько лет прошло? Никто так быстро не смог бы захватить континент... два? Три года?

— Три, — подтвердила Табия.

— Даже здесь уже нет жизни! В этом мире стало ужасным все.

— Не слышал прежде, чтобы ты так говорил? Разве ты не сражался так за этот мир?

— С приближением поражения понимаешь все несовершенство того, что защищаешь, и всю тщетность борьбы. Потому что все надламывается, и наружу вытекает внутренний сок. И от содержимого моего мира смердит.

— Я рад, что ты все ближе к нашим чувствам. Мы могли бы обратить тебя, — в голос демона примешалась толика бодрости.

— Обратить? — с отвращением спросил Стратоник, полуобернувшись.

— Да. Мы могли бы взять твою душу и подарить ей новую природу. Это называется среди нас обращением.

— С чего ты взял... я не смог бы даже задуматься об этом!

Стоя, прислонившись к колонне, Табия внимательно следила за их разговором.

— Нет, нет, — Люций немного задумался, потупив взор, потом поднял голову и стал мерно шагать, — пойми, не всякая душа способна выдержать эту природу. Все эти люди, жаждали власти, влияния, богатства. Они шли на поклон к нам, видели нашу силу и мощь. И стремились к ней присоединиться. Но, все они, в глубине своей, были слабы.

— Ха! Но ты сказал, что это лучшие воины и мудрецы своих городов! — воскликнул Стратоник.

— Да. Но этого мало. Только люди, имеющие действительно прекрасные души, только по-настоящему выдающиеся люди могут стать демонами. Мы пришли в эпоху упадка. Все

эти города погрязли вовзятничестве, в похоти, в слабости нравов. Так мало стало среди них действительно сильных людей. Эти лучшие люди не смогли стать демонами. Но ты смог бы.

Голос Люция становился громче, он распалялся от собственной речи и уже чувствовал, что его слова превращаются в бурный поток, словно горная река, прохладой остужающая разум человека и своей силой, сбивающая его с ног.

— Ты говоришь о потерявшихся душах, — ответил сухо Стратоник, — А я ещё помню, за что сражаюсь.

— Очнись, Стратоник, ты уже давно не сражаешься, твоё войско разбито, ты больше не префект. Нет смысла сражаться за что-либо. Идем же к городу, чтобы ты мог вновь узреть, как ничтожно все то, за что ты сражался, как ложны все те ценности, иллюзии которых построили ваши жрецы и рыцари, и как они рассыпятся в прах под нашими ударами. Как слабо все это движением вселенной!

— Идем... — Стратоник помрачнел, в глазах его ещё мелькало увиденное в ущелье после сражения.

Картины кровавой трапезы стояли в сознании.

Они двинулись.

Табия подошла к Стратонику и провела рукой по плечу, он бросил на неё пустой взгляд без примеси нежности.

---

Спустя несколько дней случилась встреча.

В тот тёплый вечер в низине. Стратоник сидел среди деревьев на склоне холма и наблюдал за рекой, которая здесь, в своих верхах, сужалась, становясь шумным горным потоком.

Твари строились в колонны, чтобы далее по лесной дороге обогнуть горы по её склону и пойти вверх, на город. Уже темным зимним утром, с марша они атакуют последнюю столицу вновь. В их жилах кипела кровь. Тёмная сила, объединяющая их, была полна обиды и ненависти по отношению к людям. И хотя твари мало что могли ощущать, кроме голода, страха и гнева, сейчас они были в необычном состоянии, в их слабом сознании зарождался свет победы, приводящий их в странный восторг.

И когда Стратоник подобрал с земли попавшийся в траве камешек, чтобы пальцами ощутить приятную гладкость породы, из-за ближайшего дерева показалась крылатая фигура серой кожи. Её трехчленные челюсти уродливо раскрылись, чтобы протолкнуть воздух сквозь рой клыков внутри.

Теперь на свету эти черты были видны.

Неровная кожа, покрытая буграми и шрамами, сильные руки, но слабый торс, с выпячивающейся грудиной, как у птицы.

Как и в тот раз, на Стратоника уставились, не моргая, мутные глаза слепого существа, но он подозревал, в них было ужасающе мощное зрение.

Ничего не сказав, существо оставило на траве свиток с печатью.

Встал человек, и быстро подошел к свитку, склонился, чтобы поднять его, а когда снова встал, то уже вновь был один.

Исчезновение столь же быстрое, как и появление.

"Надеюсь, однажды ты вернешь себе свой облик. Если ты несмотря на то, что стало с тобой, до сих пор продолжаешь сражаться и служить городу, то как я смею отчаиваться!?"

Он развернул свиток и, быстро прочитав, спрятал под плащ.

"Да, действительно... пора бежать отсюда. Ситуация нагнетается. Я нужен городу. Смогли ли я разгадать ключ к победе? Нет. Сколь не блуждал я в подвалах цитадели, но мог видеть лишь то, что приоткрыли мне сами демоны. Пора бежать отсюда. Когда начнется новая осада, я смогу удалиться. Мой город укроет меня."

Почувствовав облегчение, Стратоник улыбнулся.

Наконец разрешилось его ближайшее будущее, до того окутанное туманом войны.

---

Оно мечтало о полете.

Вот уже многие дни.

Теперь наконец-то мечта стала так близка.

Образы былой жизни все чаще мелькали в сознании, становясь все ярче. Во сне являлись люди из прежней жизни, до них можно было дотянуться.

Весь ужас происходящего вдруг стал очевиден настолько, что перманентная боль пронзила душу, переродившись в пульсирующие пилы, режущиеся сознание.

Всякий раз глядя на свои руки, оно лило слезы, видя искаженные серые конечности, завершающиеся смертоносными когтями.

Оно испытывало тяжесть в плечах, крылья все меньше слушались, но все равно хотелось лететь.

Воспарить в небеса и пронестись сквозь холодный встречный ветер разрезаемого воздуха к городу, где ждет спасение.

И вот последнее поручение было исполнено.

Близилась развязка войны, длившейся уже несколько лет.

И вот, ноги вступили на край дороги. Внизу была пропасть, что быть может своей темнотой укроет беглеца.

— Стой, — крикнул Люций.

Хозяин появился столь внезапно.

Оно обернулось.

— Ты не можешь желать этого, — сурово произнес демон.

Мышцы вокруг мутных глаз пульсировали, тварь напрягла всё тело, готовясь к рывку, но Люций моментально схватил одно крыло и рванул на себя.

Тварь упала рядом, и смиренно легла у ног хозяина, не смея пошевелиться.

— О, нет... — демон склонился и взял голову твари в свои руки, прикрыв ими неровные отверстия вместо ушей, — посмотри на меня.

Вознеслись к лику хозяина мутные расплывшиеся пятна глаз. И в них, Люций наконец заметил.

"Огонь... нет. Ты разумен! Не может быть! Ты все это время не был перерожден до конца!"

Сперва демона охватил гнев.

Но прошло несколько мгновений, и ему стало так невыносимо тяжело, что он отпустил голову и, резко встав, отпрянул.

"Нет... ты все это время был человеком. Как мерзко... Что я сделал с тобой!? Нет, мне уже плевать на все..."

— Прочь. Лети, ты заслужил это.

Обуянная страхом, дрожа всем своим уродливым телом, тварь подскочило и прыгнула в



тму пропасти, чтобы в ней расправить серые перепончатые крылья и улететь к городу.

---

Город замер в ожидании.

Потепление спало, и морозы ударили с новой силой.

Люди, коренные горожане, и крестьяне, скопившиеся в нем, чтобы укрыться от войны, сидели в своих домах, а когда зазвенел колокол, все они прошли к библиотеке, чтобы скрыться в её подвалах. Им не дано было наслаждаться роскошью прекрасных залов библиотеки, они брели толпой обреченных по тёмным тоннелям, разбредались по залам и комнатам катакомб, какие-то из них ранее служили хранилищами и амбарами, какие-то тюрьмами, где-то были просто пустые комнаты, испещренные древними письменами, а где-то даже гробницы, в которых стояли тяжелые саркофаги из цельного камня.

Там они сидели в полной темноте, зажигая свечи лишь изредка, так как их оставалось очень мало.

Караван из леса альвов так и не вернулся.

В городе не было еды, не было воды, не было свечей, не было дров. Холод проник в стены каждого дома и заморозил все внутри. Воины рубили и жгли мебель в своих кострах внутри оставленных строений. Каждый квартал был превращен в крепость. Вновь везде была пустота, и лишь приспешники жречества в черных робах патрулировали улицы, пока воины ходили по стенам и по краям кварталов, возвышавшихся над снежным перевалом, где скрывалось множество ущелий и впадин.

Когда-то до войны, люди этого города славились своим мастерством. Их руки создавали все самое изящное и драгоценное на этом континенте. Великолепные скульптуры вырезались из камня, лучшие мечи выковывались в здешних кузницах, самые прелестные украшения создавались кропотливо в местных мастерских, и книги, по количеству которых ни одна другая столица не могла даже приблизиться.

Меха, драгоценности, мёд, оружие и доспехи и все прочие товары спускались на юг, на север же шли зерно, кожа, масло, скот, специи. Торговля никогда не прекращалась, как и бесконечные пограничные войны, и походы. Жизнь кипела в горах по всему континенту, но северная столица была жемчужиной этой жизни.

Люди севера были смиренными и суровыми. Крестьяне жили тяжким трудом, закрепощенные своими господами, владельцами земли. Они засеивали и собирали с большими усилиями урожай с небольших горных полей, где в столь малом количестве имелась плодородная земля.

Рыцари гор были преданы богам как никакие другие воины этого мира. Они умирали с именами своих богов на устах, все сражались до конца и посвящали своим покровителям обильные жертвы.

Но теперь все это было не важно.

Время стерло все былые достоинства. Некогда имевшие уникальный характер, северные люди осунулись. Народ превратился в рабов, а правители в рабовладельцев.

Спустя столетия жрецы города отошли от дел. Мудрейшие люди, владеющие древними знаниями, перестали избираться в жрецы, их места стали занимать богачи, владевшие многими угодьями. Посты покупали за деньги, выборы выигрывали с помощью технологий политической борьбы. И настоящих мудрецов среди жрецов осталось немного. Все мудрецы, изучающие глубинную сторону человеческого разума, ушли в горы, затерялись в храмах, высеченных в отдаленных горных районах, где совсем не жили люди.

В управление городом на смену старейшинам, пришли молодые и амбициозные землевладельцы.

Под новым руководством северное государство изменило свое поведение на континенте. Огромные бронированные армии из тех, кто когда-то был призван охранять закон и порядок, спокойствие города, теперь собирались с завоевательными целями, расплаемые хищными возваниями и жадой наживы, что была чужда первым рыцарям.

Натиск на юг имел успехи. Армии Стремительного и Океанических врат были разбиты, границы сдвинулись на юг, были захвачены многие крепости и города. Культурное влияние севера распространилось тогда на весь континент. Но его древний источник иссяк.

Столица, некогда основанная жрецами для всех тех, кто жил стремлением к культуре, превратилась в обычную хищную столицу.

Город расширился, в нем стало больше горожан, его обнесли стенами, построили новую роскошную библиотеку и цитадель, из которой управлялись захваченные территории.

Наступил момент, когда северяне почувствовали приближение своего действительного господства на всем континенте.

Но пришла тьма.

Одним жарким летом, на юге появились из неоткуда огромные орды нечеловеческих существ. Они сокрушили войска юга, что вышли принять их бой. Десятки тысяч уродливых созданий неумолимо уничтожали все на своем пути. Это орды растаптывали поля, сжигали деревни, пожирая их жителей, ровняли мелкие города с землей. И вот однажды на север пришла весть о том, что Золотой престол пал.

Тьма сгустилась над югом.

Началась огромная война. Люди собирали одно воинство за другим, но серая орда разбивала любые войска, вступавшие с ней в сражение. Пали Океанические врата, пал Стремительный. Орда вторглась на север. Одна крепость за другой, один город за другим, все было сметено.

И вот серые толпы пришли к стенам столицы.

Но здесь наконец-то люди одержали свою первую победу, что осветила все обреченные души, ждущие конца этого мира.

Огонек ещё теплился внутри них.

Пока они сидели в темноте катакомб, искра надежды заменяла им свечу.

---

— Верховный жрец Протелеон!

— Да, — ответил властный голос, разлетевшись под сводами огромного библиотечного зала.

Израненного стратега в рваной стеганке, покрытой кровью убитых соратников, вели под руки молодые парни в черных робах с дубинками. Один из них схватил за волосы непокрытую голову Тавриона и поднял, являя верховному жрецу избитое опухшее лицо.

— Таврион! — воскликнул взволнованно жрец.

Он сошел с пьедестала и склонился над лицом стратега.

— Пр... п... проте... леон... — он еле шевелил губами, выталкивая из последних сил звуки.

— Мне жаль, мне так жаль.

Стратег плюнул сгустком крови на мраморный пол.

— Ж-жрец... — послышался тяжелый хрип.

— Верховный жрец! — в дверях появился один из приспешников, он снял капюшон и продолжил, прежде его слов, глаза его кричали страхом, — они здесь! Орда у наших стен!

Приспешники поникли, лица их стали бледными.

Свет дня притих.

Оглядел всех Протелеон, и посмотрел на круглое окно под сводами. Там виднелась небесная расселина, края которой призрачно горели от солнца.

— Не печальтесь, братья. Конец уже близок, — произнес он мягко, и затем уже более твердо добавил, — Собирайте жрецов. Всех защитников поднять на стены. Живее! Истребим эту нечисть.

— Прости... Протелеон, — прохрипел тяжело Таврион и опустил голову на грудь.

— Уведите его. Дайте ему покой.

---

Черная масса заполнила узкую гряду, по которой шла дорога к юго-западным вратам города, у подножия крутой вершины, на которой высилась Цитадель.

Вороненные грубые доспехи, шлемы с наносниками оставлявшие открытыми хрипящие клыкастые пасти, с которых обильно текла слюна, мутные желтоватые глаза, смотрящие с голодной ненавистью, круглые деревянные щиты, копья, тесаки, топоры, луки и арбалеты.

Среди всего моря железа и серой искаженной плоти возвышались колоссальные осадные башни, обтянутые кожей, и наполненные внутри серокожими тварями.

Тем временем стрелки и ополченцы толпились на стенах, а среди них и те немногие рыцари, что остались служить жрецам. Они бегали среди выпирающих мощных зубцов, над слегка скошенными стенами, выложенными из крупного известнякового кирпича. Вся фортификация были не более нескольких сотен шагов в длину и упиралась с одной стороны в крутой склон скалы, а с другой завершалась высокой башней, чей шпиль был острым и вытянутым, а после башни шел обрыв и снежный склон, в котором местами сошел снег, обнажив множество опасных расселин. Ворота города были в мощной постройке квадратного плана, выдающейся вперед, над которой по краям нависала галерея, по бокам от врат было несколько круглых бастионов, на которых были установлены метательные механизмы, под самыми стенами был ров, забитый почти доверху снегом.

Пики оставили на стенах, но теперь на них виднелись головы серокожих. Но вдруг озверело задул ветер, и одну из пик вырвало сильнейшим порывом, и та рухнула, голова с неё слетела и упала на снег.

Перед войском стояли Люций и Стратоник, разглядывая стены, пока лучники на них присматривались к ним. Стратоник был в плаще, а Люций в своих черных доспехах, украшенных позолоченными узором в виде стеблей роз.

Но никто не стрелял и не двигался, даже твари не шумели перед битвой.

Все ждали начала.

Все ждали рокового момента.

И пока, Стратоник лишь стоял, с неба упала к его ногам женская голова. Он наклонился, взял её и, развернув к себе, увидел лицо Психеи.

"Нет... Нет! Нет! Нет!"

Пошел снег обильно.

Ветер усилился.

Поднялась буря в один миг.

Его пальцы дотронулись до висков отсеченной головы, и мир вдруг овеял серый туман.

Стратоник пал на колени. А мир вокруг исчез, развеялся.

Мысли пресеклись мгновенно.

И он увидел.

В темноте зажглись свечи. Это были покои в его доме.

Таврион.

Психея.

Черные робы.

Пики.

Резня.

Но его пробудил вопль драконов. Обуглившимися кусками разлагалось сердце внутри от ненависти, из него смола отчаяния потекла по душе, испуская ядовитый пар злобы, затуманивающий глаза. Развалины сердца обернулись в стучащий расплавленный свинец, тяжело давивший на грудь.

Столь долго он носил на плечах тяжесть войны. Уже давно он видел разложение города, уже давно превратились в прах души всех тех, кто его окружал, и он видел это, но так долго продолжал сопротивляться, веря в свое бравое дело. Все то, что окружало его, давно умерло. В столице не было ни чести, ни культуры, за которую он мечтал отдать жизнь.

Истинное величие погребено в далеком прошлом, а ныне лишь его разлагающийся труп был облечен в нелепую омерзительную роскошь.

И стоило покинуть этот город, как за его спиной, самые близкие и светлые люди его окружения предали его.

Лик префекта задрожал, покрасневшие глаза наполнились слезами, губы сжались.

"Нет... Это больше не мой город!"

— Люций...

— Да, Стратоник?

— Уничтожь этот город.

Нежно улыбнувшись одним уголком рта, Люций надел на голову черный рогатый шлем и молча простер вперед руку. В холодных глазах отражался объект завоевания.

Затрубил рог.

Черная орда двинулась вперед.

Одним разом заработали сотни механизмов, горящие камни взмывали в небо... и затем врезались в городские стены, вырывая из них груды кирпичей. А осадные башни двинулись вперед, в окружении непроглядной толпы, из которой разом отправились многие тысячи арбалетных болтов.

Лучники на стенах стали пускать стрелы и запускать снаряды из баллист, установленных в бастионах.

Стрелы обоюдным дождем летели в обе стороны, отскакивали от стен, впивались в деревянные щиты, падали в снег, втыкались в землю и лед.

Баллисты стреляли в башни зажженными снарядами, те впивались в оббитые кожей корпуса, но твари в спешке забрасывали их снегом сверху из отверстий в башне, оттуда же выпускали стрелы по стене. Но несмотря на их усилия, одна из башен загорелась.

Люди на стене стали ликовать.

Но следующая башня смогла прорваться и подойти вплотную к стене; её дверь опустилась на зубцы стен и затрещала под сапогами серокожих, которые ринулись из неё разбушевавшейся рекой. Они прыгивали прямо на копья, ожидавшие их на стене, они

протыкались многими остриями, но продолжали падать и наваливаться кучей, пока вражеские силы на стене не были придавлены копошащейся грудой тварей. Следующие серокожие перелезали через своих убитых и живых сородичей и кидались на защитников стены, грызли их лица, и закалывали кинжалами, пробивая скверную кольчугу.

На стене тварей становилось все больше. Подошли ещё две осадные башни, и также высвободили стаи тварей, которые с большой скоростью заполняли все помещения, куда успевали добраться, и загрызали там всех, попавшихся им, воинов.

Люди бежали.

Ополченцы сбегали по лестницам, спускались в спешке по башням и бежали в город, где по улицам отступали в восточный район, где был второй рубеж обороны.

И уже вскоре все штандарты и знамена были сброшены со стен.

И поднялись черные штандарты, увенчанные золотыми главами быков, и на черных полотнах были красные бычьи головы.

Последние лучи уходящего дня осветили эту победу сил тьмы.

— Городская стена пала, — произнес восторженно Люций, — теперь в Цитадель!

Стратоник лишь опустил голову.

Ночью над городом виднелось бордовое сияние.

Жители выходили на площадь перед библиотекой, ополченцы и стрелки взбирались на крыши. Драконов не было. Сияние заставляло трепетать. Многие видели в нем символ неминуемого конца.

Когда оставалось три стражи до рассвета, твари пришли в движение.

Разношерстные банды тварей обшаривали захваченные уцелевшие здания западного района, выискивая там оставшихся ополченцев. Тем временем бронированные колонны шли по главным улицам центрального района через виадуки к серой площади, что видела их предыдущее, ещё столь свежее поражение, чтобы начать оттуда новое наступление. За колоннами двигались небольшие осадные башни, высотой со среднее строение в два этажа. Эти башни в окружении массы бронированной черной пехоты двигались по виадукам и подходя к кварталам, высвобождали внутрь десант на крыши, где твари сковывали стрелков, навязывая им ближний бой. Стрелки отступали, перебегая по заготовленным дощатым мостам меж крыш, закреплялись на парапетах и отвечали вихрем стрел, сколь было можно, но легковооруженные твари в рванине, преследовавшие их, отпихивали своих сородичей, падающих, со стрелами в теле, и продолжали лезть вперед, прикрываясь щитами, метая дротики и камни из пращей. Внизу же бронированная черная пехота давила ополченцев, одетых в кольчугу и немногие панцири, и пытавшихся держать строй под натиском превосходящих числом тварей, которые лезли сверху по щитам и разламывали их цепями и булавами, рушили строй, вносили хаос в ряды ополчения и загрызали их в тесном уличном сражении.

Один за другим, кварталы захватывались.

Когда оставалась одна стража до рассвета, твари ринулись по длинному мосту и на плечах бегущих ополченцев вошли в восточный район, что был полон роскошных городских вил, крупных домов с внутренними дворами, дворов, окруженных высокими стенами. Улицы его были шире, здесь было больше аллей и совсем не было баррикад. Ополченцы бежали к библиотеке.

Черные орды неумолимо наступали, двигаясь к последнему оплоту сопротивления человечества.

Железная поступь.

Беспомощные крики страха.

Злой взгляд белого быка с черного знамени.

Пожар ненависти в красных глазах, что из черноты орды стремились к столь ненавистным людям.

Город был захвачен.

К последней большой площади перед библиотекой по виадукам бежали остатки ополчения. Жалкие сотни, неполные отряды, изможденные и раненные, вымотанные защитники своего города. На самой же площади стояло множество рыцарей, построенных в фалангу. И когда последние отступающие ополченцы ушли в тыл, вперед выступили арбалетчики, они встали к баррикадам, что были выстроены по краю пропасти.

Завязалась перестрелка.

Стаи легковооруженных тварей с луками и пращами пришли раньше и стали обстреливать баррикады, пока по улицам медленно толкали крупные метательные машины, впереди которых шли первые бронированные колонны. Основные силы орды все ещё шли по серой площади.

Драконы заполнили небо своими стаями, сотни их кружили огромными роем в высотах над золотой полусферой библиотечной крыши.

На крыше одного из зданий, что стояло против виадуков, ведущих к библиотечной площади, появился Люций в своем рогатом шлеме. Одну свою руку он положил на парапет, и поднял другую руку в творческом жесте и, слегка растягивая роковой момент для собственного наслаждения, грозно опустил ладонью вниз, указав на площадь.

Рой драконов одной сплошной смертоносной рекой упал стремительно вниз, крупные темно-серебристые крылатые змеи с задними лапами, похожими на птичьи, они пытались схватить рыцарей, что были едва крупнее их самих, но те разили их копьями, арбалетчики посыпали их стрелами, драконы падали там же мертвыми и были растоптаны белыми железными сапогами, черное месиво их внутренностей давилось в кашу под ногами стальной фаланги.

Тогда Люций поднял руку и сделал легкое движение в сторону кистью в черной железной перчатке, костяшки пальцев которой были украшены острыми золотыми шипами.

Стаи тварей выставили внизу большие осадные щиты, за которыми постепенно плотно выстроились тяжелые пехотинцы. Затем подоспели метательные машины.

И когда грянул рассвет объятые огнем снаряды полетели из города на площадь.

Падали они, разбивая на смерть рыцарей, разваливаясь затем огненными каменными осколками. Стали лететь и прочие снаряды из баллист и катапульт. Под огнем метательных механизмов фаланга ретировалась с площади, отступая стройной твердой колонной к лестнице.

Солнце поднималось из расселины в облаках над ледяным безжизненным океаном, лучи его прямо били в горы. И в этих лучах рыцари обнажили мечи и развернулись, чтобы, преодолев площадь, встретить врага. Сумрачная сила уже двигала грубые вороненные доспехи и существ внутри них вверх по виадукам.

В лучах солнца над пропастью схлестнулись в последнем бою воины в белых и в черных латах. Рыцари резали тварей, скидывали в пропасть, но те цеплялись в них, утаскивая за собой в смертельное падение. Под шлемами их лица искажались болью, глаза заливались слезами, но оскал лишь крепчал до самого конца. Среди последнего света, что застал людей,

воители в белоснежных латах, имея под ногами лишь узкую полосу камня, вращались в неё, теряя щиты, с помятыми доспехами, теряя конечности, проливая кровь, продолжали стоять, сияя в лучах рассвета, принимая на себя все удары.

И вот последние сотни рыцари стали десятками, которые под напором многотысячной серокожей силы были вытолкнуты вверх, на площадь, где обратились в бегство к раскрывающимся воротам библиотеки, из которых выходил в своей белой мантии верховный жрец города Протелеон.

Старец был глубоко погружен в себя, голова его была опущена, покрасневшие глаза широко раскрыты. Все его существо пульсировало молнией, извивающейся в одном непрерывном порыве вот уже много тяжелых дней и бессонных ночей, и одна лишь сила древнего заклания поддерживала его тело.

В руках верховный жрец держал золотой посох.

Стукнув тем посохом об землю, он склонил голову над ним и зашептал громче. За ним в два ряда по лестнице вышли седовласые жрецы в столь же белоснежных мантиях, они стали глубоким гортанным пением воспроизводить древний текст, значение которого было ведомо лишь им.

Твари подбирались к лестнице, они подползали, робко приближались, выставляя вперед оружие, страх вдруг возник в их рядах.

Фаланга, глубиной в один ряд, одинокой дугой выстроилась перед ступенями к библиотеке. С помятыми доспехами и множеством ранений, залитые кровью, последние рыцари стояли перед колоссальной толпой, занимавшей всю площадь и тёмной, как воды глубочайшего озера в безлунной ночи.

В ушах рыцарей зазвучал древний текст.

Их мысли заполнило монотонное звучание внушительной речи извне, сотни голосов вне их сознания вливались внутрь. И они увидели, как светящийся текст стал покрывать ступени и затем площадь.

И Люций видел это.

Глаза его потухли в бессильной злобе, огонь в них лишь тлел, но он сам изо всех сил пытался отрешиться от своих эмоций, чтобы устремиться внутрь проводимого обряда.

Тишина.

Дыхание.

Мысли.

Пустота.

Перед ним сперва расстилались сизые туманы, за которыми он увидел переливающуюся золотом и перламутром цепь мысли, разрубив её, он стал падать среди молочной завесы до тех пор, пока не очутился в чистой темноте, где было множество камней, летающих огромным кольцом. Из-за них виднелось свечение, на которое он полетел.

Страх не было.

Эмоции были истреблены, но их мелкие змеи ещё плелись за его растворяющейся тенью. Избегнув многих висящих в пространстве острых валунов, Люций увидел свет, пред которым был старец, одетый в мантию.

Прекрасный юноша с длинными черными волосами подлетел к старцу, развернувшись в смятении, и ударил в грудь. Старец, не ожидавший этого, медленно растворился в потухшем свечении.

И в мгновение Люций проснулся, он стоял все там же на крыше у парапета и лицезрел,

как из лестницы пред Библиотекой расширяется белая сфера, она росла, испепеляя всех серокожих, кто с ней соприкоснулся.

Твари убегали, падая с края и толпясь на виадуках, что обрушались, падая большими кусками вниз.

Но вот белая сфера застыла, в одно мгновение превратившись в полупрозрачный купол, поверхность которого тревожилась от бегающих по ней перламутровых молний.

Демон пал, обессиленный на колени, положив голову на каменные перилла, и наконец закрыл глаза с облегчением.

Орда лишь стояла, пляясь полу-разумными алыми очами на застывшую свою погибель.

— Что теперь будет с нашим миром? — спрашивал Стратоник.

— Неужели не очевиден для тебя конец?

Зажженные края расселины проливали на мир вторичный свет дня, одного из последних для людей.

Стратоник и Люций прогуливались по аллеям кварцевых колонн абсолютно пустого восточного района. Они спускались по улице мощённой идеальной ровной квадратной плитой, позади них сверкал купол.

— Теперь библиотека для тебя вне досягаемости, — Стратоник посмотрел вверх, где не было драконов.

— Да, ты прав.

— Что же волен ты делать?

— Это все уже не важно.

— Я жду, Люций, хочу перед смертью увидеть, что станет с этим миром. Тешу себя надеждой, что среди серой пустоши в степях найду зелёный росток.

— Ты слишком привязан к старым формам, Стратоник, — расслабленно бросил Люций.

— Префект Стратоник, — поправил с деланным пафосом.

— Префект? — лицо демона заискрилось улыбкой, — очнись, твоего государства нет. Я говорил, что ты увидишь это. Смотри же, теперь это мой город.

— Здесь нет города, — с блеклой мрачностью отвечивал человек, — город так и не стал твоим. Хотя и не помню я, чтоб искренне ты рвался его покорить. Его людей ты всего лишь уничтожил, но культура... — он запнулся.

— Культура живет в людях, Стратоник, теперь город это ты. Можешь сказать это с гордостью. Меня беспокоит, что ты не сожалеешь о том, что... послушай, Стратоник, ведь здесь больше нет ничего. Смотри. Твои близкие и родные, все те, кого ты знал...

— Они могли остаться под куполом.

— Да. Ты можешь тешить себя этой надеждой.

Беседа завела их на край серой площади, где заледенели дюны руин, их гребни и пики превратились в застывшее мгновение кипящего океана обломков. Везде там среди камней были обмерзлые трупы и обглоданные скелеты.

— Разве твои прихвостни не видели, как люди прятались в Библиотеке?

— Они обречены. Я не выпущу их оттуда, впрочем, даже в этом нет нужды, — короткая пауза, — мне пора. Я боюсь, мы можем больше не увидеться.

— Не только города, но и мира нет ныне. Должен был бы сделать я вид, что ненавижу тебя, но теперь в пустоте, мне жаль расстаться с одним из последних голосов этой пустоты, не важно, кто ты и откуда, что и зачем делал. Знаешь, в этой пустоте так много вещей теряет



свою важность.

— Мне жаль, Стратоник, я не просто так разрушил этот мир.

Люций посмотрел в глаза Стратоника, в которых кроме него самого ничего не было, лишь отражался пейзаж.

— Мне кажется, я близок к счастью, — спокойно сказал префект.

— Скоро, скоро, — Люций отступал медленно к краю, за которым опускался вниз безмятежный склон горы, опустив грустный взор, — если вернусь, покажу новый мир.

В завершение своих слов Люций расслабленно упал с края, и более его не было видно здесь.

Стратоник не стал подходить к пропасти, а вместо этого повернул к восточному району и пошел ускоренным шагом.

Перепрыгнув через трещину в полуразрушенном виадуке, срезав через переулок между виллами, он нашел одиноко стоящую башню, и за ней двор, окруженный белой стеной с красной полосой у основания.

Найдя врата, он отворил их и обнаружил небольшой внутренний двор, где на голой расчищенной земле стояли живописные валуны, а среди них валялась разломанная мебель, опрокинутые жаровни, впереди же были слетевшие с петель деревянные двери, оббитые железными пластинами.

Внутри, на мраморном полу сидела Табия, обхватив плечи руками с выражением спокойствия на лице.

— Префект?

— Табия, идем, — твердо сказал Стратоник.

— Это так странно, что ты решился прийти за мной.

— Я хотел бы забрать отсюда хоть кого-нибудь, Табия, — он взял её за руку и помог подняться, — и не помню кого-то ещё.

— Как жаль, что Элой мёртв... Стратоник...

— Мне тоже жаль, — он взял её за плечи и посмотрел в глаза, получилось искусственно, но продолжил говорить, — но здесь больше нечего делать. Я ухожу под купол. И я хотел бы забрать тебя, если ты ещё хочешь жить.

— Жить? Стратоник, о чем ты говоришь? Все уже закончилось. Город захвачен, демонам больше ничто не угрожает. Наш господин теперь единственный хозяин континента.

На лице Табии появилось выражение подобное тому, что видел Стратоник на лицах апатичных демонов в зелёной низине.

— Нет, — в глазах префекта вспыхнул огонь, он стал говорить быстрее и ярче, — в других городах есть ещё люди, ещё живы альвы в своих дремучих лесах. Мы укроемся там, я выведу людей из-под купола, мы доберемся до Стремительного...

— Нет, — мягко прервала Табия, положив руку на плечо, — Стратоник... никаких других городов больше нет.

— Нет... — префект увел пустеющий взгляд в сторону, в нем скопилась горечь.

— Люций не сказал тебе, прочие города давно разрушены. Перед тем, как начать осаду, Люций отдал приказ своим созданиям пожрать всех жителей захваченных городов. Сейчас там уже все мертвы.

В глазах расцветала черная роза, Стратонику стало действительно плохо, из его глаз медленно потекли слезы. Внутри стало тяжело, грудь сжало, дыхание усилилось.

— Идем. Табия...

— Что, Стратоник?

— Уйдем отсюда прочь. В леса. Хотя бы в леса...

— Лес? — Табия улыбнулась, — я давно не была в лесу.

Девушка тихо засмеялась, Стратоник рванул её и она безвольно пошла за ним, словно истратившая свою жизнь кукла.

На улице их ожидало крылатое создание, уже знакомое Стратонику. Мутные белёсые глаза сжирали от нетерпения увиденное.

— Забери нас, — произнес властно префект.

Тварь сперва обхватила за талию Табию, и взмахнуло ввысь, быстро промчавшись над площадью и опустившись на её краю, совсем близко к куполу. Там Табия развернулась и стала созерцать мерцания молний на поверхности этой силовой полусферы, дожидаясь, пока тварь делала второй заход.

Приземлив Стратоника, создание преклонило колено в смиренной позе, дожидаясь, пока через купол не прошел человек в полном латном доспехе, но без шлема.

Разлетелись мелкие искры бесшумно, когда тело преодолевало поверхность.

Это было Лимний, он подошел к созданию и то встало, обратив к нему взор белёсых расплывшихся зрачков, в которых зарождалось подобие надежды.

Лимний положил одну руку на серокожее плечо, и другой резко выхватил кинжал и нанес быстро один удар в грудь, прижав тварь к себе.

— Прощай, рыцарь, — сказал он с сожалением и выпустил создание из своих объятий в пропасть.

Ничто не успело отразиться на лице падающего в никуда создания.

— Нет! — крикнул Стратоник, — ведь это был человек!

— Уже нет, — послышался голос Протелеона, — мне жаль, но он уже не смог бы стать человеком, тьма слилась с его телом, от неё его избавит лишь смерть.

Верховный жрец прошел сквозь купол, распуская облако мимолетных искр, пока молния пробежала по поверхности рядом, оставляя бархатный след.

— Мне было больно, Стратоник, — жестко произнес Лимний, в глазах его не было счастья, — мне было больно лгать ему.

Стратоник молча уставился в ущелье, но там нельзя было разглядеть что-либо.

"Ты потерял уже так много, что более можешь не тратиться на сожаление о чем бы то ни было..."

— Префект Стратоник, ты представишь нам эту даму?

— Её имя Табия.

Лимний и Протелеон переглянулись.

— И...?

— Табия. Больше мне нечего сказать. Она не дочь, не жена, не представительница знатного рода.

— Я Табия, невеста генерала серой орды, — с ноткой гордости произнесла Табия, — дочь нашего господина, нового хозяина этого мира.

Обернувшись, Стратоник увидел её с обычным спокойным достоинством в лице и осанке. Взгляд Протелеона зажегшийся гостеприимством до того, теперь потух, окунувшись в напряженную усталость.

— Не человек, — отчеканил Лимний.

— Намерены пленить меня?

— Нам незачем пленять тебя, — ответил Протелеон, — ты пришла сюда сама. Зачем же?

— Ах... Мне больше не нужны причины для того, чтобы быть где-то...

— Пройди за мной, — Протелеон улыбнулся, глаза его стали проще.

— Нет, моё существо не выдержит соприкосновения с этой сферой! — встревожено воскликнула Табия.

Тогда Протелеон коснулся золоченым посохом купола и приподнял конец, под которым, будто разрыв ткани, образовался проход. Пригнувшись, Табия прошла внутрь, и люди вошли следом.

Перед тем, как уйти, Стратоник обернулся к степям, покрытым белым снегом, и заметил в них странное призрачное свечение. Множество маленьких красных огоньков было там везде, словно равнина сквозь снег зацвела.

— Верховный жрец!

— Да? — и Протелеон обратил свой взор в цветущую красными огнями даль.

— Это уже не касается нас, Стратоник, идем. Мы не сможем остановить то, что ты видишь.

И тогда алые огни стали подниматься в небо, словно земля испускала обратный дождь.

---

Пустота.

Превосходящее всё темнота.

"Проснись."

Там, где осознавалась высота в этом крошечном отсутствии света и, быть может, даже пространства, там, наверху, тускло мерцал огромный дворец.

Но можно было видеть лишь его гигантскую колоннаду, которая местами виднелась из-за свечения существ неясной формы. Плотные, материализовавшиеся лучи красного света составляли мост к этой колоннаде.

"Тысячи людей молили о пощаде в Золотом престоле, и я пожрал их, тысячи людей молили о пощаде в Стремительном, и я пожрал их, тысячи людей молили о пощаде в Океанических вратах, и я пожрал их, и вот, последняя столица, северная жемчужина, пала к моим ногам, и я пожрал тысячи её людей."

Люций снял шлем и отбросил во тьму, где он беззвучно улетел в беспредельные пустоты. Длинные черные волосы опустились на ажурный воронённый доспех с позолоченными узорами.

Неспешно он шел вперед по красному мосту, который мягко обрывался вперед бархатным краем.

Из глубин взлетали алые огоньки и вливались в мост, достраивая тот своими телами, составляя новую поверхность под каждый торжественно-расслабленный шаг Люция.

Раскинул руки в стороны и глубоко вздохнул.

"Наступает момент моего триумфа."

Там вдалеке появилась тонкая полоса ярчайшего белого света. Раскрывались гигантские врата, словно вертикальные плиты древнейших саркофагов.

"Да, я иду..."

Алые огни взлетали всё обратным дождем, соединяясь в прямую дорогу к раскрывающимся вратам.

"Моя алая магистраль! Сколько сил, сколько страданий я вложил в неё! Прекрасная алая

магистраль, так жаль, что уже никогда я не смогу создать нечто более красивое, чем то, что я создаю в этот момент. Этот миг я пронесу сквозь новый цикл вселенной."

Медленно двигались тяжелые плиты дверей, размеры которых поражали сознание, камня для строительства самого неприступного и большого замка в мире людей не хватило бы, для создания хотя бы одной из этих плит; словно ожившие скалы они раздвигались.

На короткий миг Люций повернулся назад, чтобы бросить взгляд в прошлое, и увидел планету, её синий океан был покрыт белыми пятнами небес, она была приглушенно яркой от солнца, лучи которого, однако, не проникали в это место, ведь оно не было местом как таковым.

Свет входа приутих, когда врата раскрылись полностью. Из белого свечения возникли движущиеся очертания колоссального существа. Сросшиеся изгибы его множественных бордовых тел, покрытых панцирями, мучительно пульсировали, а меж них плавно шевелились тысячи отростков. Среди этого хаоса плоти горели белые огни иных глаз.

Люцию явился его истинный бог.

Сам же демон приник к мосту, и брыкаясь он рвался назад.

Ничего кроме страха не осталось в этот момент в его душе.

Всеобъемлющий страх от ощущения угрозы, заполнившей все то пространство, что только можно было бы себе представить, чувство собственной ничтожности столь непреодолимой, что даже немислимо было обозреть всю тщетность какой-либо воли.

В мире больше не было места для свободы, ибо, глядя на своего бога, вышедшего к нему, Люций пронизывался пониманием того, сколь бессмысленным было все прежнее его бытие.

И даже вечность души будет стерта в прах могуществом этого бога, что заполнит собой все, и границей его существа станет предел вселенной.

"Нет... Нет! Нет!"

Огни продолжали лететь снизу, и алая дорога устремлялась ввысь, к божественным вратам.

На какое-то мгновение все мысли пресеклись.

Наступило полное затишье, в котором только страх сферичной молнией бегал по телу, сдавливая изнутри все конечности, сжимая горло.

Вдох.

Внутри упало белое перо.

Где-то вспорхнула птица.

И в этом беззвучии, смог зародиться дух, из него вылезли другие мысли, и Люций очнулся.

"Что я вижу?"

Успокоение пришло.

"Нет. Любые мысли сейчас будут излишни. Я просто не хочу достигнуть этого места."

Люций был в последней тысяче шагов до дворца, поднимая голову, он смотрел на существо.

"Как много крови я пролил, чтобы этот дворец разверз свои врата для меня. Неужели я стал богом, неужели я уподобился этому существу? Нет... отдай мне мои стремления, отдай мне мою ничтожность. Я ещё так мало жил, чтобы уйти в этот дворец."

Отростки шевелились, завиваясь кольцами, панцири ширились и вновь оседали, белые огни мерцали на бордовых телах.

И вдруг свет стал столь ярким и приятным, алая дорога на миг исчезла под ногами.

Вдруг холод проник всюду. Бархат обьял всю кожу, эти ощущения сливались в противоречивое расслабление, смешанное с болью.

Стало весело. Счастье забило источником в груди, но Люций ощущал, как воды этого источника медленно окрашивались в черный цвет.

Он медленно поднялся и сделал шаг назад.

Теплота поднялась от кончиков пальцев, заполнив собой все тело, стало лучше.

Холод исчез.

"Нет... нет, мне нет места в этом дворце. Нет, верни мне мой дух. Я избрал иной путь, и уйду от этого света. Сладкое свечение ловушки запредельных удовольствий, я презираю это. Вы все свободны. Я отпускаю вас всех."

Люций встал прямо, расправив руки.

И весь мост почти в одно мгновение распался на сотни, тысячи и миллионы алых птиц, состоящих из одного лишь свечения. Их облака превратились в роящиеся небеса посреди пустоты и стали туманностью, в которой медленно падал Люций.

Космос.

Вокруг возникали звезды.

Так демон падал обратно в мир.

Дворец вверху исчез.

Люций засмеялся в пустоте.

---

В Библиотеке было пустынно.

Все мудрецы находились внизу, помогали горожанам.

Горит жаровня близ пьедестала.

В зале собраний префект Стратоник и верховный жрец Протелеон, одетые в синие мантии сидели на ступенях ближе к середине, а на пьедестале в кресле расположилась Табия со скучающим видом.

Краски сгушались в ослабевающем свете наступающего вечера. Потекли лиловые полутона в причудливых тенях, теплеющие лучи сухо покрывали скульптуры в нишах.

— Поведай нам, — говорил старец, — место, из которого вы пришли в наш мир?

— Зачем мне отвечать?

— Табия, — попробовал Стратоник, — ты знаешь, война окончена. Больше люди не могут сопротивляться. Но мы хотим, чтобы ты рассказала нам как можно больше, мы хотим теперь только выжить.

— У вас не получится. А хотя война и вправду окончена. Что ж, я могла бы потешить себя, ха, ответами на ваши расспросы. Если интересно откуда мы, то мы ни откуда не приходили. И я, и Люций раньше были людьми.

— Скажи же нам, что изменило вашу природу? — спросил Протелеон.

— Сотню лет тому назад, Люций был самым младшим сыном правителя Золотого престола Бронзовой династии Монтуэмхет, его первым именем, данным ему родителями, было Ахмос. У него было восемь или девять братьев. Он так и не поведал мне причины, но однажды он ушел в джунгли, где после блужданий набрел на алтарь, культ которого уже многие сотни лет был под запретом, упоминания о нем стерлись, и лишь отшельники в горах помнили о нем. Последнее, что Ахмос смог заставить сделать свое тело, это лечь на этот алтарь. Но когда он умер, душа не смогла покинуть этого места. Ахмос был вынужден блуждать по окрестностям алтаря многие десятилетия, пока однажды не упал во тьму, там

его призвал наш бог. Он нарек Ахмоса именем, который ваш язык не воспроизведет, здесь же он назвался Люцием. В потоке черных душ грязных существ из другого мира, он вернул его в наш мир. Эти души селились в телах умерших людей, Люций поднял многие тысячи захоронений под алтарем, великое кладбище, что давно поросло джунглями, восстало. Так явилась серая орда.

Зал погрузился в задумчивое молчание, которое затем прервал с мрачным видом Протелеон:

— Это строители, многоокие строители магистралей.

— Значит это и есть хозяева, о которых говорил Люций, — сказал оживленно Стратоник, затем обратился к старцу, — Протелеон, ты знаешь об этих богах что-то?

— Это не боги. Это животный вид, намного более разумный, чем мы.

— Но кроме бесплодных духов кто может превосходить человека, хозяина земли, для которого боги создали все?

— Поверь, Стратоник, есть ещё много более разумных существ во вселенной, гораздо более разумных, чем можешь ты представить. Одна лишь победа этих демонов опрокинула верховенство человека...

— Мы ещё не проиграли эту войну! — распалено воскликнул Стратоник.

— Вы хотите, — вновь заговорила Табия, прервав мужчин, — подвергнуть сомнению божественность нашего хозяина? Разве не видели вы, как он снизошел к вам в виде быкоголового!?

— Нет, — отвечал спокойно Протелеон, — этот монстр лишь один из тех, кто пытался однажды приблизиться к строителям. Табия, Стратоник проводит тебя в твои покои. Твои слова действительно помогут нам в наших поисках, я искренне благодарен тебе.

— Было бы забавно понаблюдать за тем, как вы пытаетесь выжить на этой умирающей планете, — с улыбкой весело произнесла Табия, — идемте же, префект Стратоник!

— Да, Табия, — сухо сказал префект и встал, подав Табии руку.

Вместе они ушли.

А Протелеон остался.

Мучительно тянулось рассуждение о будущей судьбе человечества.

Отвыкнув испытывать страх, Протелеон впервые за многие годы, вновь почувствовал его. Даже когда он понимал, что осада города обозначает неминуемость грядущего поражения в этой войне, он не ощущал отчаяния, потому как следовал лишь строгим указаниям разума, не ведающего смятения, и до последней минуты непоколебимо исполняющего свою работу, поиск решений. Протелеон лишь искал решения проблем, возникающих одна за другой, и только теперь внезапно очнулся от труда, в котором утопал, и увидел, что вызов, стоящий пред ним больше него самого многократно.

"Нет... я не враг этого бога. Я могу лишь прятаться в тени, которую он отбросил на наш мир."

Протелеон улыбнулся.

"Благо человек создан с такой нерушимой и безграничной гордостью, что даже такое существо не заставит его отказаться от своих устремлений. Кому-то они боги. Но не нам. Мы, люди, покорители вселенной. И будем бороться до конца."

Старец встал и направился к выходу. Минуя коридоры и лестницы, он добрался до вершины Библиотеки, к её последнему залу, где на колоннаде покоился золотой купол, от которого расходились вниз по защитной сфере перламутровые молнии тревоги.

---

Таврион был прикован к стене.

Из одежды была лишь рваная туника, завязанная на одно плечо.

Руки его были раскинуты, голова покоилась на груди, грязные волосы липли ко лбу, весь он был в грязи, поту и пятнах застывшей крови.

"Похоже, приходит мой конец. Эти сволочи заточили меня здесь..."

Комната не была освещена, лишь тусклый свет маленькой прорези в двери. По коридору изредка прохаживался ополченец, которого с каждой стражей сменял другой.

"Северная пристройка Библиотеки... здесь они решили меня заточить."

Но вот оковы внезапно спали.

И тело с тупым звуком пало на холодную землю, где лежало так мало соломы.

"Предательское тело... Но что же это? Неужели кто-то освободил меня... Не вижу никого здесь."

Дверь с еле слышным скрипом отворилась.

Лунный свет проник, покрыв землю.

Таврион поднялся, пытаясь побороть ощущение тяжелой мягкости своих конечностей, прислонившись к стене, он оттолкнулся и оказался в проходе, держась за его край руками, чуть не падая.

Ополченец в это время прошел мимо и был повернут спиной.

"Далеко... не дойду..."

Тогда Таврион ретировался в тень камеры близ входа.

Через некоторое время ополченец конечно заметил открывшуюся дверь, но идти внутрь не рискнул. Он постучал в дверь коридора.

— Сюда!

— Что там?

— Здесь дверь раскрылась, что-то не так!

— Сейчас, открываю...

Вскоре послышались множественные шаги.

Но Таврион вдруг почувствовал, что его руки и ноги медленно сливаются с темнотой. И вот он уже сам является темнотой, а не тем, кто внутри неё.

"Что это!?"

"Я пришел за тобой, Таврион. Это я. Тот, кто разбил тебя в ущелье, во Вратах страха. Ты подарил мне победу. Теперь я освобожу тебя."

"Прочь, демон!"

"Не противься, ты уже в моих руках."

Медленно Таврион погружался в полную темноту, пока не осталось ничего, кроме неё, и он мог лишь наблюдать цветы своих мыслей, распускающиеся из пёстрых бутонов, одни из других.

---

В прекрасном зале с пьедесталом в центре, в кругу больших зажженных жаровен, изображающих воспаривших в хищническом устремлении орлов, чьи крылья кончиками направились вниз, а лапы были готовы схватить добычу, злые клювы же раскрыты.

Лунный свет столбами бил на обелиск, зажигая белые письма, означающие молитву купола.

Рядом стоял Протелеон в своей триумфальной белоснежной мантии и перечитывал

текст этого древнейшего заклинания.

Тишина.

Метель не взывала в эту ночь.

Все было спокойно.

Внезапно среди книжных шкафов в одной из ниш возник черный дым, он медленно протек из окна, и разливался уже мрачным туманом по полу, заполняя всю нишу.

Запахло серой и гарью.

Явился Люций в белой тоге с черной полоской и в золотом лавровом венке, он спокойно заговорил:

— Приветствую тебя, верховный жрец Протелеон.

— Демон... — омрачилось лицо жреца и голос был строг, — зачем пришел ты ко мне?

— Я пришел за своей невестой, Протелеон. Мой друг Стратоник привел её сюда, но время для её отдыха окончилось, я должен забрать её с собой.

— Почему ты решил, что она здесь?

— Нет, нет. Я всегда знаю где она, ведь её душа в моих руках, привязана ко мне. Такова моя демоническая природа.

— Не в твоей природе дело, Люций.

В дверях появился Стратоник, за его спиной пряталась Табия.

— Люций... — прошептала она.

— Табия, — повернулся тут же демон, и мягким тоном продолжил, — нам пора, Табия.

— Отпусти её Стратоник, — сказал Протелеон, — она нам уже ни к чему.

— Ни к чему? — спросил Люций.

— Я лишь пригласил Табию, — вежливым тоном объяснял Стратоник, — в этот прекрасный дворец, чтобы она могла насладиться пребыванием в жемчужине нашего города.

— Города больше нет, — сухо отрезал Люций, — и жемчужина этим руинам ни к чему.

— Люций, скажи, что будет с миром? — спросил Стратоник, — Ведь ты хотел показать мне это?

— Я ошибся в себе, — голос демона наполнился печалью, — Стратоник, быть может, ты пройдешь свой путь гораздо лучше, чем я. Теперь я хочу лишь уйти в пустоту, на время стать тенью этого мира.

— Ошибся?

— Но ты увидишь, префект Стратоник — тогда голос Люция вновь оживился и далее стал торжественным, — Поступь моего бога непоколебима и судьбоносна. Его воле противиться невозможно, хотя я и намерен попытаться сейчас сделать это... уйдя от божественного света.

— О каком божественном свете ты говоришь? О какой поступи? — Стратоник все больше чувствовал зловещий смысл слов Люция.

Демон раскинул руки и произносил речь возвышенно, как только мог:

— Боги, мой покровитель и его собратья, спустятся на эту землю и очистят её от жизни. В нынешней форме жизнь это болезнь планеты. И я был призван избавиться от тех, кто был венцом её, способным защитить этот мир. Моя миссия завершена, и я хочу удалиться, вопреки пути наверх, что мне обещан. Но это не важно, ибо воля богов нерушима. Мир преобразится, жизнь больше не будет нужна, грядет мир, в котором энергия и материя будут существовать в чистых своих формах.

— То, о чем ты говоришь, — прервал его Протелеон, — есть, по существу, не более чем



апокалиптическая профанация, вызванная глубоким отчаянием. — Голос старца был твердым и ощущалось в нем спокойное чувство превосходства, — Вы, демоны, ввязались в это. Вы отдали себя во власть существам иного порядка. Их действие разрушительно для вас, и в этом разрушении вы теперь вынуждены искать какие-то смыслы, но не имея никакой почвы начинаете изрекать этот несуразный бред. Жизнь, это самый сложный венец всех тех процессов, что происходят с элементами в природе. Жизнь сложнее, чем чтобы то ни было. Жизнь, это плод развития, и весь мир находится в том движении, которое будет порождать и усиливать жизнь, она будет распространяться во всех мирах, какие бы уродливые её формы не выбивались из этого торжественного процесса, разрываясь взрывами жестокости. Вы падете. Вы будете раздавлены жизнью. Жизнь сильнее, чем чтобы то ни было.

— Но жрец... — отвечал Люций, — О, верховный жрец, я видел этого бога, своего покровителя. Тысячи душ я погубил, чтобы из них возвести путь к нему, и я увидел его. И нету ничего могущественнее в этой вселенной.

— Глупец, мир духов оберегает жизнь, — жестко ответил Протелеон, он говорил характерно, жестикулируя свободной рукой и потрясая посохом, голос его вибрировал, волнами меняя уверенные и властные интонации, — Ты не бродил среди них. Ты не заглядывал в настоящие высоты тонкого пространства, где обитают ангелы, тебе не ведомы истинные боги нашего мира. Природа жизни, вот что действительно непоколебимо, и твой бог всего лишь одно из созданий этой природы. Ты ещё увидишь настоящий свет, что развеет всякую тьму, даже самую могущественную; и ты будешь раскаиваться в том, сколь короткий и ничтожный путь избрал.

— Быть может, я уже близок к этому раскаянию, жрец. Мне больше нечего сказать. Стратоник, Протелеон, прощайте.

— Прощай, Люций, — произнес Стратоник, растворяя свой взгляд в уходящих демонах. "Мы почти стали друзьями... Я так и не понял, кем ты был, Люций. Быть может злым роком моей судьбы и судьбы всего мира, или лишь прекрасной душой, что была когда-то утрачена, ведь только такая может стать демоном. Но как быть дальше? Что же делать!?"

Последние слова были произнесены гостем.

Сквозь мраморный пол поднялся густой черный туман, скрывший демона, и затем расплывшийся, чтобы растаять в воздухе.

— Мы должны уйти в леса, — в словах Стратоник решительностью попытался скрыть страх, — что будет, когда придут его хозяева? Как нам спасти наш народ?

— Мы уже никого не спасем, префект Стратоник, — лицо старца вновь стало бесчувственным, как маска, воплощающая правителя.

— Но почему!?

— Его боги, это создатели космических магистралей. Спустившись в наш мир, они превратят его в магическую мастерскую, узел, через который течет энергия.

— Мы должны вывести людей в леса, к альвам, там ещё есть где укрыться!

— Я не знаю, Стратоник, сможет ли выжить этот народ. Но этот купол будет здесь.

— Купол? — голос префекта срывался и пропадал, — Протелеон, как можешь ты говорить это после всех тех усилий и жертв, что мы принесли, дабы спасти наш город и его народ!?

— Купол будет стоять. Мы, маги, венец общества, и я был обязан сохранить нас для будущего. И потому договорился с господином. Двурогий сохранит купол, в обмен на жертву.

— Какую жертву?

Протелеон мрачно улыбнулся.

Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)